

К Р А Т К И Й
И Л Л У С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й

С Л О В А Р Ь

К Л И Ш Е

и

С Т Е Р Е О Т И П О В

Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов

К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова

Санкт-Петербург
Институт логики, когнитологии и развития личности
2009

УДК 801.3
ББК 81.2-3
К 786

Редакционная коллегия:

А. Ю. Веселова, С. Г. Леонтьева, М. Л. Лурье, К. А. Маслинский,
А. А. Сенькина

Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов :
К 786 К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. — СПб. : Институт
логики, 2009. — 168 с. : ил.

ISBN 978-5-85593-147-1

«Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов» посвящен 60-летию известного петербургского филолога и энциклопедиста Павла Анатольевича Клубкова и подготовлен к изданию его друзьями, коллегами и учениками. Предметом описания в статьях Словаря стали единицы разного порядка: фонемы и буквы, слова и фразеологизмы, топонимы и антропонимы, идиомы и афоризмы, метафоры и эпитеты, персонажи и сюжеты, концепты и идеологемы, рукописные практики и печатные издания, — имевшие широкое хождение в русском языке и российской культуре в различные периоды с XII по XXI вв. В то же время настоящее издание само по себе является репрезентацией чрезвычайно важного для юбиляра и для всего филологического сообщества стереотипа словаря.

Словарь адресован прежде всего лингвистам, литературоведам, историкам, фольклористам, антропологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами языка и культуры.

УДК 801.3
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-85593-147-1

9 785855 931471

© Коллектив авторов, 2009
© А. Дашевский, обложка, иллюстрации, 2009

О человеке и словаре (от редколлегии)

Всем известно, что на юбилей ученому принято дарить фестшрифт. Состав таких сборников обычно определяется суммой тем, актуальных для друзей, коллег и учеников юбиляра, и/или хотя бы частично совпадающих с направлениями его собственных научных интересов. Чествуя Павла Анатольевича Клубкова, мы решили не уходить окончательно от этого стереотипа (что едва ли возможно), однако все же ввести некоторую инновацию, объединив материалы книги не темой, а жанром — жанром словарной статьи. Нам кажется, что это не только способ борьбы с энтропией юбилейного издания, но и (что особенно важно) попытка найти этому изданию форму, наиболее адекватную личности самого юбиляра, его научным пристрастиям, специфике его эрудиции. И на наш взгляд, это именно словарная форма. Что же столь фундаментально роднит юбиляра со словарем вообще и с данным словарем в особенности? Редколлегия насчитала восемь позиций.

Начнем с того — и это будет *во-первых*, — что, наверное, не раз наблюдал каждый, кто имеет счастье периодически оказываться с юбиляром в одном обществе и пространстве, будь то *кулуары* конференции или дружеский стол. Задаваемые ему вопросы часто имеют один и тот же зачин: «Павел Анатольевич, вот вы всё знаете, а скажите. . .». Точно так же люди обращаются к словарям, где можно найти ответы на все вопросы, на которые человечество уже ответило. Таким образом, в восприятии своих современников юбиляр прочно ассоциируется со словарно-справочным изданием, но при этом остается живым, динамичным человеком, и поэтому к нему в высшей степени применимо известное речевое клише *тогдашняя энциклопедия*. Последнее тем более верно, поскольку изначальная функция энциклопедии — просветительская, а Павел Анатольевич — безусловно, настоящий просветитель, что реализуется и в успехах его педагогической деятельности, и в посвященных русскому языку научно-популярных медиапроектах, и в создании электронного ресурса «Архив петербургской русистики».

Во-вторых, Павел Анатольевич — большой знаток и ценитель словарно-справочных изданий всех видов и назначений и сам неоднократно писал и редактировал материалы для словарей, замышлял, инициировал и курировал разнообразные словарные проекты. Некоторые из них уже осуществлены — это «Российский гуманитарный энциклопедический словарь»¹ и словарь «Три века Санкт-Петербурга»², другие еще предстоит довести до конца³ и мы желаем юбиляру их успешного претворения в жизнь.

¹ Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. / Гл. ред. П. А. Клубков. — М.; СПб., 2002.

² Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т.: Т. II.: Девятнадцатый век, кн. 1–5 / [Ред.: А. В. Берташ, Г. Н. Голдовский, А. П. Керзум, Б. М. Кириков, П. А. Клубков и др.]. — СПб., 2003–2006.

³ Клубкова Т. В., Клубков П. А. Последний цитатник СССР (10 словарных статей, представляемых в качестве образцов) // Час пик. — 1994, № 31. — С. 5; Они же. Провинциализмы и провинциальный словарь // Русская провинция: миф — текст — реальность. — М.; СПб., 2000. — С. 137–155.

В-третьих, одна из тех областей научного знания, в которых Павел Анатольевич является признанным корифеем и безусловным академическим авторитетом, — это изучение речевых клише и культурных стереотипов. В конечном итоге, это и обусловило направленность настоящего издания как словаря клише и стереотипов, в котором собраны статьи, посвященные некоторым конкретным реализациям этих двух феноменов. О них в свое время мы надежно усвоили от юбиляра две истины: 1) как явления культуры они не существуют одно без другого и 2) как понятия науки они не имеют четких, строго определенных границ. Наконец, сама форма словаря, равно как и форма словарной статьи, является, по сути, не чем иным, как некоторым инвариантным культурным стереотипом, предполагающим, в числе прочего, использование многочисленных специфически словарных клише — начиная от сокращений и помет и заканчивая алфавитным порядком расположения статей. Учтявая это, мы по мере сил постарались явить настоящим изданием максимально полную реализацию двух указанных стереотипов — *словаря* и *словарной статьи*, — и надеемся, что читатель не сможет этого не заметить.

Кроме того, *в-четвертых*, замечательная особенность Павла Анатольевича как человека и словаря — это удивительная по своей многогранности эрудиция, или, следуя его собственному излюбленному выражению, *поливалентность*. Среди его научных интересов — проблемы грамматики⁴ и история лингвистики⁵, культура речи⁶ и теория клише⁷, семиотика русской провинции⁸ и городской фольклор⁹, вопросы литературо-

⁴ Клубков П. А. К характеристике субъекта действия в неопределенно-личных предложениях // Русский язык. Теория и методика преподавания: Сб. ст. — Душанбе, 1978. — С. 36–47; Он же. О взаимодействии категорий залога и падежа в современном русском языке // Русский язык. Теория и методика преподавания: Сб. ст. — Душанбе, 1979. — С. 67–72; Он же. К определению залога в русском языке (в сопоставлении с немецким) // Русский язык. Теория и методика преподавания: Сб. ст. — Душанбе, 1980. — С. 20–27; Он же. Категориальные значения глагола в девербативах // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы всерос. науч. конф. (С.-Петербург, 26–28 сент. 2001 г.). — СПб., 2001. — С. 145–147 и др.

⁵ Клубков П. А. Из истории интерлингвистической мысли в России в конце XVIII — начале XIX вв. // Interlinguistica Tartuensia. III. История и современное состояние интерлингвистики. (Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 671). — Тарту, 1984. — С. 115–125; Он же. Из истории разработки учения о модальности (П. М. Перевлесский) // Способы выражения субъективных смыслов и синтаксические связи в сложном предложении: Сб. науч. тр. — Душанбе, 1984. — С. 8–15; Он же. Взгляд на язык в истории культуры // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий (Материалы межд. конф. 2–5 февраля 2000 года). — Петрозаводск, 2000. — С. 104–110; Он же. Этимологии Тредиаковского как факт истории лингвистики // Humanitāro zinātņu vēstnesis: Daugavpils universitāte. — 2002, № 2. — Lpp. 58–68; Он же. Из комментариев к «Русской грамматике» М. В. Ломоносова // Грамматическая и лексическая семантика: Памяти Л. Л. Буланина. — СПб., 2003. — С. 67–74 и др.

⁶ Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно. — СПб., 2000; Клубков П. А. О целенаправленной работе СМИ над культурой русской речи населения (по материалам мониторинга) // Современная русская речь: состояние и функционирование: Сб. аналит. материалов. — СПб., 2004. — С. 183–194.

⁷ Клубков П. А. Что у голодного на языке? // Славянские чтения [1]. — Даугавпилс-Резекне, 2000. — С. 224–229; Он же. «Прибалт»: слово и представление // Acta Baltica 2001. — Kaunas, 2001. — С. 48–54; Иванов, Петров, Сидоров // Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6). — СПб., 2001. — С. 273–293 и др.

⁸ Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция: миф — текст — реальность. — М.; СПб., 2000. — С. 20–30; Клубков П. А. Регион, край, краеведение как слова и понятия // Методология региональных исторических исследований: Материалы межд. семин. 19–20 июня. 2000 г. — СПб., 2000. — С. 23–25; Он же. «Замками славян Тверь, а Новгород сыртыма...» // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы науч. конф. — Тверь, 2001. — С. 47–52; Он же. Коннотативная семантика слова край // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции: XIX Фетовские чтения (Курск, 7–9 октября 2004 г.). — Курск, 2005. — С. 23–30; Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город: стереотипы и реальность // Отечественные записки. — 2006, № 5 (32). — С. 258–269 и др.

⁹ Клубков П. А. Городская топонимика и фольклор // Традиция в фольклоре и литературе: Статьи, публикации, методические материалы преподавателей и учителей Академической гимназии СПбГУ. — СПб., 2000. — С. 77–81; Клубкова Т. В., Клубков П. А. «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор. — М., 2003. — С. 645–664 и др.

ведения¹⁰. В этом смысле наш юбиляр — не специализированный словарь, а энциклопедический, а потому и мы, собирая эту книгу, сознательно не ограничивали авторов рамками какой-либо тематической области, а, наоборот, призывали обратиться к максимально далеким друг от друга по структуре, времени хождения и контекстам употребления клише, а также к стереотипам, связанным с самыми разнообразными явлениями, которые, по их мнению, достойны быть увековечены в словаре — этой достопочтенной форме систематизации человеческого знания.

В то же время, мы составляли именно словарь, а не энциклопедию: редколлегия и авторов интересовали в первую очередь не столько явления как таковые, сколько слова и выражения, связанные с ними или сами сделавшиеся явлениями культуры. Поэтому 1) многие статьи посвящены непосредственно тем или иным речевым формам и 2) все статьи включают обильные текстовые примеры, среди которых авторы особенно стремились представить те случаи, в которых *не мы говорим, а язык за нас говорит* (© Клубков). И эта особенность непосредственно, *в-пятых*, связана с предпочтениями самого юбиляра, поскольку все статьи нашего словаря, таким образом, оказались в той или иной мере объединены филологическим подходом, а филология, по выражению Павла Анатольевича, не просто наука, а *форма жизнеобеспечения культуры*.

В-шестых, словарь в полной мере отражает тенденцию современного языка гуманитарной науки к раздвижению рамок так. наз. научного стиля, долгое время существовавшего в качестве закрытой структуры и считавшегося *визитной карточкой* настоящего исследовательского сочинения. Современные ученые стараются задействовать как традиционные модели научной речи, порой в гипертрофированном виде, так и другие регистры: публицистический, разговорный и т. п. Амплитуда этого колебания достаточно внушительна и очевидна, что, на наш взгляд, несколько не умаляет меру научности, но открывает дополнительные выразительные возможности. Несложно заметить, что та же самая стратегия характерна и для Павла Анатольевича, в сочинениях и выступлениях которого отчетливо заметна тяга к обоим дискурсивным полюсам — внушительному академичному наукообразию и яркой риторичности. В этом смысле неслучайно, что юбиляр зарекомендовал себя не только как ученый-филолог, но и как замечательный публицист, великолепный лектор, прекрасный рассказчик, интереснейший собеседник.

Другой принципиальной особенностью настоящего издания является наличие в нем иронического начала. Как и в предыдущем случае, редколлегия предоставила себе и всем авторам достаточно широкую свободу выбора тональности и интонации, сообщаемой словарю в целом, текстам статей или отдельным в них пассажам (при этом, как мы и предполагали, спектр вариантов корреляции между степенью иронической окрашенности и мерой содержательности оказался весьма широким). Очевидно, что и Павел Анатольевич не был бы самим собой или, по крайней мере, не стяжал бы столь внушительный круг друзей, коллег и учеников, если бы важнейшими чертами его личности не были остроумие и склонность к иронии и веселью. Стихия юмора для него — естественная *среда обитания*, что несколько не мешает ни фундаментальности в исследованиях, ни серьезности во взгляде на жизнь, ни категоричности в отстаивании своих нравственных позиций. В этом непротиворечивом сочетании — очередное неслучайное, *в-седьмых*, сходство между данным словарем и юбиляр, ироничность ума и веселый нрав которого, кстати, сохраняется и в солидный юбилейный год.

Наконец, *в-восьмых*, существенное свойство словаря, выгодно отличающее его от простого сборника научных статей, — это открытость к возможным дополнениям и уточнениям, что, в конечном счете, делает не только не бессмысленным, но, наоборот, необхо-

¹⁰ Клубков П. А. Литературоведческий анализ и установление прототипов (Вера Засулич и «Узница» Я. Полонского) // Проблемы истории и методологии литературоведения и литературной критики: Материалы науч.-теорет. конф., 3–5 нояб. 1982 г. — Душанбе, 1982. С. 18–19; Он же. На посту пограничник стоит // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. — М., 2003. С. 405–411; Клубкова Т. В., Клубков П. А. Право Павки Корчагина // Экономика и право в зеркале культуры (Россия и Запад): Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–8 мая 2002 г.). — СПб., 2003. — С. 63–72.

димым его переиздание в обновленном виде. И здесь мы опять усматриваем параллель с юбиларом, неизменно открытым всему новому, бесконечно дополняющим и уточняющим свои обширные знания и подчас даже готовым пересмотреть собственные научные концепции. Будучи всесторонне подобен словарю, он сам, как уже сказано, не раз участвовал в подготовке словарно-энциклопедических изданий, и ему лучше многих известно, сколь тяжел и бесконечен этот труд, поэтому мы не боимся признать юбиляру в том, что словарь наш несовершенен и ему присущи все характерные недостатки изданий этого типа. Любая ученая книга — это, кроме прочего, фиксация определенного состояния науки в точку времени, и настоящий словарь закрепляет некоторую часть гуманитарного знания на тот момент, когда Павлу Анатольевичу Клубкову исполнилось 60. Мы от всего сердца желаем ему долгих лет, полных новых открытий как в науке, так и в жизни, и готовы с радостью снова и снова дополнять и уточнять наш «Краткий энциклопедический словарь клише и стереотипов».

Об этом словаре

В последние полтора — два десятилетия в отечественном книгоиздании наблюдается настоящий словарный бум. Словари появляются один за другим, составители стремятся облечь в словарно-энциклопедическую форму самый, казалось бы, неожиданный материал, который подчас воспринимается как особый сегмент языка и/или культуры лишь благодаря тому или иному словарю¹¹. Это свидетельствует, с одной стороны, о попытке гуманитарной науки развернуть результаты своего производства в сторону доступности и утилитарности, с другой — о тенденции к немедленной каталогизации всякого знания, вызванной к жизни ощущением крайней шаткости и переменчивости миропорядка, в том числе и в интеллектуальной сфере. В этом пестром словарном множестве свою, весьма заметную часть составляют и те издания, в которых собраны и истолкованы разного рода устойчивые, застывшие, воспроизводимые в готовом виде элементы речевых, поведенческих и ментальных практик: от обценных фразеологизмов и общеупотребительных цитат до типичных и репрезентативных для того или иного культурного контекста предметов, действий, персонажей¹². В этом смысле КИСКИС — не первый и не уникальный опыт такого рода, однако у него есть несколько особенностей. Первая и важнейшая состоит в том, что в нем собраны и описаны клише и стереотипы разного онтологического порядка, причем во многих случаях — в рамках одной статьи. О прочих же специфических отличиях данного словаря от других мы предоставляем каждому проницательному читателю судить по-своему.

КИСКИС включает 94 словарных статьи (62 полнотекстовых и 32 референтных), написанных коллективом в составе 32 авторов. Корпус статей, расположенных в алфавитном порядке, предваряется списком принятых сокращений и списком авторов и сопровождается словником, в котором референтные вокабулы выделены курсивом.

¹¹ См., напр.: Дуличенко Л. В. Словарь обидных слов. Наименования лиц с негативной оценкой. — Тарту, 2000; Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. — М., 2002; Байбури А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII—XIX вв. — СПб.; М., 2004; Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства. В 2-х тт. — Шадринск, 2008 и др.

¹² См., напр.: Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь: Словарь разговорных выражений: (1929 ст., 2558 единиц). — М.: 1994; Елистратов В. С. Словарь крылатых слов: (Русский кинематограф): Около тысячи единиц. — М., 1999; Кожевников А. Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино: [Словарь: 15000 цитат из 1300 фильмов]. — СПб., 2004; Душенко К. В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источник, авторы, датировка. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2005; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии: около 10 000 слов и выраж. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005; Лебина Н. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. — СПб., 2006; Кожевников А. Ю. Между первой и второй...: словарь алкогонимов: [Около 2,5 тысяч слов, фразеологизмов и устойчивых сочетаний]. — М., 2007 и мн. др.

В тексте каждой статьи толкуемое слово или выражение начиная со второго употребления сокращается до первых заглавных букв (в отдельных случаях в статье дополнительно вводятся внутренние аббревиатуры). Курсивом выделены (1) цитаты иллюстрирующего характера, (2) обозначения разрядов, разделов, групп и (3) упоминаемые слова и выражения, не включенные в словник, но также имеющие отношение к системе клише и стереотипов.

Цитаты из литературных произведений сопровождаются примечаниями в круглых скобках с указанием полного названия и года написания / первого издания (если эти сведения не фигурировали в тексте) и без ссылки на то или иное конкретное издание. Ссылки на газетные и журнальные публикации также приводятся непосредственно после цитат в круглых скобках, где указывается название периодического издания и дата выхода соответствующего номера. В конце статьи приводится список использованной и рекомендованной литературы (библиографическое описание печатных и электронных источников дано по минимализированному стандарту), содержащиеся в тексте статьи отсылки к этому списку приводятся в круглых скобках. Публикации на некоторых общеизвестных и легко находимых электронных ресурсах (Википедия, anekdot.ru и нек. др.) атрибутируются минимальными данными непосредственно в тексте словарной статьи и в список литературы не выносятся. Все ссылки на электронные издания проверены и подтверждены как действующие на 6 января 2009 г.

Редколлегия КИСКИСа выражает искреннюю благодарность тем друзьям, коллегам, ученикам Павла Анатольевича Клубкова, без которых это юбилейное издание было бы невозможно: всем авторам, откликнувшимся на призыв принять интеллектуальное и финансовое участие в его издании, вольным спонсорам книги — Ирине Назаровой, Вере Пономаревой, Марине Пономаревой, Арине Тарабукиной, Анастасии Филипповой, а также Марине Калашниковой, предложившей использовать для юбилейного сборника форму словаря.

Авторы

А.А.Л. — Александр Анатольевич
Литягин

А.А.С. — Анна Александровна Сенькина

А.В.Т. — Александр Викторович
Троицкий

А.И.Р. — Анастасия Игоревна Рыко

А.К.Б. — Альберт Кашфуллович
Байбурин

А.П.М. — Анна Павловна Минаева

А.С.А. — Александра Сергеевна
Архипова

А.С.Б. — Александр Сергеевич Башарин

А.Ф.Б. — Александр Федорович Белоусов

А.Ю.В. — Александра Юрьевна Веселова

Б.Б.Л. — Борис Бениаминович Лурье

В.В.Б. — Влада Вячеславовна Баранова

В.В.Г. — Валентин Вадимович Головин

В.Ф.Л. — Вадим Феликсович Лурье

Д.К.Р. — Дмитрий Константинович
Равинский

Е.В.Д. — Елена Владимировна
Душечкина

Е.В.К. — Евгений Витальевич Кулешов

Е.В.М. — Елена Валерьевна Маркасова

И.А.С. — Инна Анатольевна Сергиенко

И.О.Е. — Игорь Олегович Ермаченко

К.А.М. — Кирилл Александрович
Маслинский

М.В.А. — Мария Вячеславовна Ахметова

М.В.К. — Марина Владимировна
Калашникова

М.В.С. — Михаил Викторович Строганов

М.Л.Л. — Михаил Лазаревич Лурье

Н.Б.В. — Николай Борисович Вахтин

О.А.А. — Ольга Альбертовна Абраменко

О.Р.Н. — Олег Рудольфович Николаев

С.Г.Л. — Светлана Геннадьевна
Леонтьева

Ю.В.Д. — Юрий Викторович Доманский

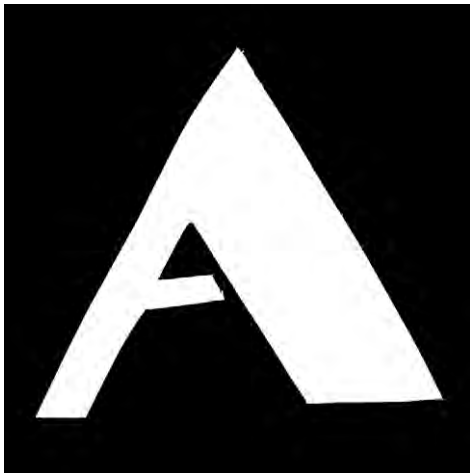
Ю.В.К. — Юрий Валентинович
Кагарлицкий

Я.Э.А. — Яна Эмильевна Ахапкина

Сокращения

АН СССР — Академия наук СССР
АПН СССР — Академия педагогических наук СССР
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ГАЗ — Горьковский автомобильный завод
ЕС — Европейский союз
ЗИЛ — Завод имени И.А.Лихачева
ИЗО — Изобразительное искусство
ИРЛИ — Институт русской литературы
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия большевиков
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ЛВЗ — Ликеро-водочный завод
ЛФШ/МФШ — Ленинградская / Московская фонологическая школа
ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт
МАЗ — Минский автомобильный завод
МВД СССР — Министерство внутренних дел СССР
МГБ СССР — Министерство государственной безопасности СССР
МГУ — Московский государственный университет
МФСбНИИАиФТиФ — Мурманский филиал Санкт-Петербургского НИИ анатомии и физиологии тропов и фигур
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НАТО (NATO, North Atlantic Treaty Organization) — Организация Североатлантического договора
НБА (NBA, National Basketball Association) — Национальная баскетбольная ассоциация (США)

ОАО — Открытое акционерное общество
ПМ-ПУ СПбГУ — Факультет прикладной математики — процессов управления СПбГУ
РАН — Российская Академия наук
РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РФ — Российская Федерация
СЕАТО (SEATO, South-East Asia Treaty Organization) — Организация договора Юго-Восточной Азии
СНГ — Содружество Независимых Государств
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СССР — Союз Советских Социалистических республик
СМИ — Средства массовой информации
США — Соединенные штаты Америки
ТСЖ — Товарищество собственников жилья
ФИБА (FIBA, Fédération Internationale de Basketball) — Международная федерация баскетбола
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦБК — Целлюлозно-бумажный комбинат
ЦИК и СНК СССР — Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
ЦК РКСМ — Центральный комитет Российского Коммунистического Союза Молодежи
ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха
ВВС (British Broadcasting Corporation) — Британская вещательная корпорация

АЗИОПА. Термин, получивший широкое распространение в современном российском общественном сознании, содержательно слово А. соотносится с идеологической установкой, чаще всего противоположной евразийству, в связи с чем периодически становится лексической основой для создания зеркального неологизма *азиопийство* (не путать с *азиопством*; (см.: Лактионов; Medieval)).

Упрощенно-количественное восприятие понятия А. наглядно отображено эстрадной сатирой: *Почему нас все называют Евразией? Евразия — это когда больше Европы, чем Азии. А у нас больше Азии, чем Европы. Поэтому мы не Евразия, мы — Азиопа* (Задорнов); ср. попытку организовать интернет-опрос с целью определить процентное соотношение «у нас» европейского и азиатского (fluteast). В таком прикладном восприятии «азиопство» конкретизируется в любых сферах — от футбола и компьютерного дела до перспектив «торговли продовольствием в розницу» (см., напр.: Курняев; Голубицкий; Федорин). Объединяющим звеном при этом выступает русский национальный характер, ср.: *Мы действительно выбрали в себя помногу от обоих континентов — но далеко не всегда именно лучшее. Скорее — наоборот: мы пьем больше ирландцев, жрем всякую гадость больше, чем китайцы; мы ленивее итальянцев, безалабернее арабов; мы спесивее англи-*

чан и мелочнее японцев. Иногда. Лишь иногда. Но в целом мы — русские, непобедимый народ, способный не стыдиться своих недостатков, а хвастаться ими. У нас все не как у людей — и именно этим мы горды прежде всего. Мы с легкой, свободной душой кидаемся в крайности — всегда и везде. Футбол — не исключение. В нем мы тоже Азиопа (Akar). С др. стороны, имманентный статус «азиопства» может и оспариваться, ср.: *Если отбросить «азиопство», то Россия мне нравится <...>. Конечно, возвращаться в нее резонов нет, раз я даже в Швеции выжить не могу* (frau-irma).

Термин А. был предложен на рубеже XX в. П. Н. Милоковым, несогласным с концепцией продуктивности евроазиатского синтеза на территории России (у истоков подобного отношения к «дурному» соединению Востока и Запада стоял А. И. Герцен). Генезис слова А. исчерпывающе объясняется характеристикой позиции Милокова в БСЭ: «Противопоставляя ист. развитие России и Запада и основываясь на ложном тезисе об извечной культурной отсталости Руси, М. делал вывод о прогрессивной роли „варяжских элементов“, иностр. заимствований и т. п. Он отрицал значение классовой борьбы, стремился доказать, что народные массы в России всегда отличались инертностью...» (БСЭ, 3-е изд., XVI, 266). Будучи одновременно выдающимся мыслителем-патриотом, светочем отечественного либерализма и депутатом Государственной Думы, Милоков сумел придать понятию А. импульс, обеспечивший этому термину долгую и счастливую жизнь. Некоторые современные думские депутаты (напр., депутат Екатеринбург. гор. Думы А. Альшевских в статье «Смотрим в Европу, остаемся Азиопой») неправомерно считают родоначальником термина А. А. П. Чехова, очевидно, имея в виду его известное высказывание: «Самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки азиатские» (А. П. Чехов, «Записная книжка I», 87) («Областная газета», 2009, 17 февр.). Для ликвидации подобных несоответствий в будущем, понятие А. (с указанием на авторство) вводится ныне в образовательную практику средней школы (см., напр.: Иванова).

В качестве пространственного символа понятие А. демонстрирует высокую вариативность относительно географических реалий, детерминированную контекстно-коннотативными параметрами. В то же время, идейная экспрессивность историко-культурной посылки, современное наивно-лексикологическое восприятие термина (включая аспект рефлексивной рифмовки) и неполное его соответствие приоритетам текущей государственной политики РФ обуславливают преимущественно виртуальное или маргинально-публицистическое бытование понятия А. Тем не менее, термин А. активно используется даже государственными чиновниками; ср.: *Президент постоянно доказывал приверженность нашего движения к Европе и европейским ценностям. А на этом пути, конечно, надо всяческие пережитки Азиопы убирать* (Пайдиев). В подобных случаях как нельзя кстати оказывается ссылка на авторитет П. Милюкова, и тем более на И. Бродского, также использовавшего слово А. (Бродский, 499).

В наиболее нейтральном, скорее географическом, чем геополитико-социокультурологическом словоупотреблении, термин А. связан с российским евро-азиатским фронтиром и, соответственно, с регионом Урала (включая Пред- и Зауралье), иногда служа туристам из более западных регионов в качестве синонима ему. Ср.: «Азиопа. Часть первая. Один день в Оренбурге: Местные жители по несколько раз в день путешествуют из Европы в Азию и обратно, а в архитектуре причудливым образом сочетаются христианские и мусульманские традиции. Все это — Оренбург, Евразийские ворота России» (Шутилова). Данная номинация отражена, в частности, в неформальном названии ежегодного съезда любителей автостопа — «А.», «Азиопская (Уральская) Эльба». Начиная с 2004 г. он проводится в последний уикенд июня на берегу озера Кандрыкуль (Республика Башкортостан, на трассе М 5, между Уфой и Самарой): «Азиопа» — это отличная возможность для общения со старыми друзьями и для знакомства с новыми людьми из самых различных населенных пунктов нашей страны (подробнее см. в разделе

«новости с трассы» от 02.07.2007 на сайте «Автостопом в небеса»).

Уральский регион стал также местом первой овеществленной символическо-визуальной репрезентации А., получившей общественное признание. В авг. 2006 г. одноименной скульптуре А. И. Иванова (Нижний Тагил) было присуждено 1-е место (разделенное с еще одной работой) на первом Международном фестивале садово-парковой скульптуры в г. Екатеринбурге (ЦПКиО им. Маяковского; впоследствии установлена на Туристической площадке Екатеринбурга). Беломраморное изваяние изображает А. в виде янусоподобного европеоидно-монголоидного лика. Сам факт выделения проекта среди 52 заявок авторов из России и СНГ в сочетании с главными критериями отбора («позитивное осмысление тем города, семьи, связи Европы и Азии») демонстрирует глубокую укорененность идеологии А. в уральском менталитете, где она обладает наибольшим потенциалом позитивности. По словам самого А. А. Иванова, *в таком названии <...> больше смысла, чем в слове Евразия. Оно точнее отражает суть предмета. В уральском регионе в результате слияния многих наций живет особый тип людей: неразговорчивых, упрямых, в чем-то жестких. Приглядитесь и поразмышляйте, какая маска (европейская или азиатская) сегодня вам ближе* (Иванов). При этом, по оценке комментаторов, «скульптор подошел к реализации идеи с юмором» (подробнее см. в разделе «новости» от 30.08.2006 на сайте «Официальный портал г. Екатеринбурга»).

Ответ столичного арт-бомонда — проект «А.» в рамках 2-й Московской биеннале современного искусства — постмодернистская фантазия на тему «стояния на Угре». Отражая типовую столичную экспансию в регионы, кураторы мероприятия А. Панов и С. Хачатуров избрали для акции деревню Никола-Ленивец (заповедник Угра Калужской обл.). Заявленная цель — *представить образ современной «Азиопы» в свете иронической конфронтации на полях подлинных макроэкономических битв. Сражение между «восточной техногенной армией», представленной зайцами китайского производства в человеческий рост (из*

искусственного меха; худ. Р. Тавасиев) и «силами русской природы» — «экологически чистыми» снеговиками (худ. Н. Полисский) призвано олицетворить смену «векторов варварства и цивилизации Востока и Запада» «в перспективе глобальных стратегий современной цивилизации» (подробнее о проекте см. на сайте «Афиша GiF.Ru»).

Тем не менее, пока смена векторов за пределами Москвы очевидно не произошла: *Прошу учесть, ребята, регионы — это Вам не «Европа» России! Так называемые «вливания», «контакты с властью» — для регионов не более чем химера (Азиопа, знаете ли).* При этом нельзя не отметить, что региональное восприятие А. отмечено здоровой самокритичностью (см., напр.: Лузин).

Самое впечатляющее региональное отождествление А. принадлежит, вероятно, В. Каганскому, рассмотревшему Калининградскую обл. как «Балтийскую Азиопу» (Каганский). Напротив, в Сибири, с ее традициями здорового регионализма, не склонны трагедизировать сюжет А. Так, Кемеровский областной театр кукол завершил театральный марафон «Кукольный караван» 2005 г. праздничным капустником «Азиопский новый год», объяснив название следующим образом: *...по европейскому календарю новый год давно уже наступил, по восточному — еще только маячит на горизонте, а мы — находясь посередине двух культур — имеем полное право вести свое летосчисление... <...> ...Новый год, пришедший в нашу кукольную Азиопу, сулит ей и продвижение в Европу, и (будем надеяться!) европейское признание* (Кузбасс, 2005, 08 февр.).

В трансрегиональном формате хронотоп А. еще более сложен и неоднозначен. Наиболее частотно отождествление А. с Россией (далее А=Р). Примером может служить русскоязычная стихотворная интернет-публицистика. Озаглавливая свои произведения «А.», авторы этого направления создают предельно критичный образ А=Р, чаще всего сводя его к механическому компендиуму недостатков современной общественной и повседневной жизни и иногда сопровождая отсылкой к предшествующей поэтической традиции

(ср. эпитафия: «„Эх, Рассея моя, Рассея, азиатская сторона...“ С. Есенин» к стихотворению «Азиопа 2007» (giveadollar)).

Характерно при этом, что из всех 11,5 зафиксированных случаев рифмовки слова А., 4,5 (т.е. 39,13 %) приходится на обценнизм ж[.]па (за 0,5 случая принята стихотворная рецензия-пародия В. Будяка на лирическое стихотворение Д. Карповича «Очаровательная нерусь» (2007): *Ах, ты евразия моя, // Скорее даже — азиопа... // Твоим лицом любовюсь я // И восхищаюсь славной противоположной стороной!*). В результате термин приобретает эвфемистический оттенок, что распространяется и на др. жанры, включая публицистику. Ср.: *Здесь тыл империи, реально — АЗИОПА* (Никитина Н. «Я был в Е-бурге, но давно.. проездом...», 2008); *Потенциальное союзное государство Абхазии, Южной Осетии и России (сокращенно Абосрус), создаваемое не ради каких-то геополитических интересов, а исключительно назло США и ЕС, станет первым уверенным шагом по интеграции в полную азиопу* (goutsoullac) и т.д.

Одна из главных претензий, предъявляемых «азиопскому» существованию — отсутствие в нем элемента прогресса, что, однако, может рассматриваться как труднопреодолимая данность, имманентное состояние, порождающее мучительные вопросы поэта: *Ты Евразия или Азиопа? // Как понять, как осмыслить тебя? // Удивляла веками Европу, // Свое счастье сама же губя!* (А. Дыбин, «К шестой части света», 1994). Впечатляет также созданный А. Фокиным образ «призрака Рассеи», который *Бродит и стоит // По своей Азиопе* в крайне сложных условиях исторической неизменности: *Все те же фарисеи // От Буга до Енисея; Латает лапоть, — // Вечная слякоть* (А. Фокин, «Азиопа», 2007).

Некоторые читатели подвергают подобные стихотворные опыты жесткой критике за антипатриотизм и капитулянтство перед А., которую они отождествляют не с Россией, а с Азией, требуя избавиться от ее воздействия. При этом может отрицаться сам принцип сосуществования в рамках единой государственно-сти с представителями «азиатских» на-

родов, в т. ч. мигрантами. Радикальные националисты часто инкриминируют действующим властям РФ потворство «азиопам», а последним — низкопоклонство перед первыми, вызванное их «азиопской сущностью» (см.: kapitan-282-sb). Публикуются лозунги вроде *Раздавить азиопскую гадину — единственный путь возрождения Великой России, Русской России!* (moo-nbr). Иногда проблема трагедийно глобализируется: *Белой Европе опять ДАЕТСЯ ШАНС — шанс остаться колыбелью ЦИВИЛИЗАЦИИ, а не задворками Азиопского Халифата... Подумайте, господа европейцы, посмотрите вокруг на орды вопящих «евротурок», на муэдзинов, завывающих с минаретов в центре Вены или Брюсселя — ЧТО ждет ваших потомков???* (mzaseka).

В то же время, термин А. продолжает широко использоваться для иронических неозападнических оценок российского общественного сознания, напр. в статье «Путешествие из Европы в Азию» А. Колесников пишет: *Это при Гаидах-Чубайсах и примкнувших к ним Козыревых мы осуществляли бездумное движение на Запад, а теперь мы одумались, встали на единственно верный путь из Европы в родную Азиопу, и с него не свернем* (Газета.ru, 2007, 20 мар.). Но в основном А=Р как идеологема, консервирующая милюковскую парадигму, в новых условиях используется прежде всего для дискредитации идей (нео)евразийства.

Критика (нео)евразийства с противоположной стороны политического спектра представлена, напр., на сайте «Руссоград»: *Евразия, получившая свое имя от союза Европы и Азии, усилиями своих пропагандистов теперь уже открыто превращается в союз Азии с Европой, и поэтому должна по справедливости называться — Азиопа. <...> Евразиец — это расовик-затейник, культурмичуринец. <...> Евразийство — это болото, его единственное назначение — умственное засасывание неосторожной жертвы, потерявшей из виду ограничительные вешки своей расы. СССР расценивается здесь как место триумфа Азиопы, а теория пассионарности Л. Н. Гумилева — как изнаночная сторона расовой теории Третьего Рейха, ибо он [Гумилев Л. Н.]*

умудрился аккуратно собрать все отбросы этнопсихологии, преданные анафеме немецкими антропологами, и смастерить из них свое ужасное этноублюдочное и квазиисторическое детище — Азиопу (Авдеев). Ср. также уничижительную характеристику наследия Гумилева в либеральной прессе (Ревзин) и стихах С. Яшина «Евразийцам» с подзаголовком: *Азиопцам и прочим гадам посвящается* (Яшин); а также моральное рассуждение *Христов народ или жители Азиопы? Аспекты и крайности русской национальной самооценки* (Аверин, Павлова).

Все перечисленное с двух сторон депотенциализирует А. как позитивное понятие. Если она и мелькает в таком качестве, то применительно не к России, а, напр., к Сингапуру (см., напр.: *Сингапурская Азиопа: здесь переплетены языки и национальности*. (Ковальчук)). На острополюмическом фоне крайне редко попытки теоретически закрепить хотя бы нейтральное значение А=Р. Так, отмечена смелая попытка заменить концепцию Гумилева теорией 500-летнего *евразийско-азиопского цикла*, согласно которому европейское господство на Востоке чередуется с азиатским на Западе. В последнем случае, как правило, *возникала Азиевропа, короче — Азиопа* («От Евразии к Азиопе и обратно»). Соответственно, *следует ожидать в XXIII столетии явление могучего азиоевропейского государства, когда не только Казахстан, но и вся Россия вполне может примкнуть к «Азиопе», находясь под протекторатом более организованных, сплоченных держав Азии [прежде всего Китая и Японии], в число которых, возможно, войдет Индия* (там же).

Последовательное намерение комплексно выйти из А. (хотя бы теоретически), не дожидаясь XXIII в., демонстрируется на сайте «Nationalism.org» в разделе «Azioпа: Сайт против евразийства». Здесь размещены тексты как антиевразийской классики (Н. Бердяев, Ф. Степун, Г. Флоровский), так и современных критиков (В. Авдеев «Детская болезнь евразийства в русском национализме», В. Аксютин «Соблазн евразийства», О. Арин «В капкане „Евразии“», Р. Бычков «Евразийский миазм», А. Кара-Мурза «Меж-

ду Евразией и Азиопой», Н. Черникова «Старая болезнь на новый лад» и др.). Напр., по мнению Кара-Мурзы (ср. также: Русская Азиопа), *проблематика «Азиопы» [сайта] — это и есть образец осмысления полномасштабного кризиса русской идентичности* (Кара-Мурза). Автор видит выход из этого кризиса в том, чтобы не дать *новой «Азиопе»* [не сайту], паразитирующей на традиционной конфронтации западников-реформаторов и неопочвенников, воссоздавать *реальный механизм самоварваризации культуры*, и рассматривать ее как *общего врага* <...>; с рациональным социологическим определением всей совокупности субъектных форм «нового варварства» и их последующей маргинализацией совместными усилиями гражданского общества на периферию социальной жизни (там же). Известный философ Г. Померанц еще более оптимистичен, диалектически связывая с «азиопским» состоянием уже глобальную миссию России: *«По вершинам культуры мы, от Пушкина до Чехова, — Европа. А по многим другим показателям — Азиопа. И нам, может быть, легче, чем другим, почувствовать себя одновременно и в волчьей, и в заячьей шкуре <...> Наш исторический долг — прокладывать путь к той глубине, где проблемы, толкающие к ярости, теряют свою неразрешимость* (Померанц).

Так или иначе, в большинстве дискурсивных казусов А., по существу, лишь эмоционально форсированный синоним Азии (понимаемой застарело европоцентристки) и антоним Европы. Ср.: — *Мы вообще очень странная страна — мы имеем азиатский менталитет, находясь на европейской территории. — Мы Азиопа. — Да... (Олеся Electra)*. Впрочем, встречаются оценки еще безысходнее: *Мы не Евразия, // Мы больше — Азиопа. // Над нами потешается Европа. // А, поглядев на наши безобразия, // С усмешкою лицо воротит Азия»* (Эржена, «Летний зной словно сон», 2000). Ряд публицистов корректируют свою интерпретацию А. в подобном же направлении (см., напр: Гольц). В то же время, идеологему А. пытаются поставить себе на службу вызревающие в Интернете альтерна-

тивно-виртуальные силы. Не случайно в альтернативных интернет-выборах «виртуального преемника» в 2008 г. (1152 кандидата и 3634 избирателя из 83 регионов России) приняла участие «Коалиция Азиопа», кандидат которой по итогам голосования занял 441 место (подробнее см. на сайте: «Preemnik2008.net»).

Соответственно, формула «А. = Европа» воспринимается как оксюморон, стирающий принципиальное разграничение и обесмысливающий оба понятия. Трактовка А=Е возможна исключительно в риторических или юмористических целях. Ср. стихотворения С. Соловьева *Ау, шалун, укравиший Азиопу!* (1992) и А. Кабанова: *Се — Азиопа, его был украден // и освещеван древний бог* (А. Кабанов, «Азиопа», 2008). Однако и здесь проявляется тенденция к эволюции трансконтинентально-геополитического понимания А. в экстрапространственно-ментальное. Так, в газете «Эвенкийская жизнь» был опубликован притчевый фельетон М. Валеева «Азиопа», рисующий картину своего рода экспорта А. в процессе эмиграции из России в условную Европу: *И очень скоро, к изумлению С-ова, а также многих его соотечественников, ставших герландцами, в этой некогда образцовой стране кругом, куда ни ступи, развелась грязь, расцвела преступность, люди стали грубыми, общественные туалеты загаженыными, дороги — разбитыми. — Ну вот, и здесь то же самое! — разочарованно сказал С-ов. — Прямо не Европа, а Азиопа какая-то! И он сердито сплюнул под ноги... («Эвенкийская жизнь», 2007, 9 авг.)*. В итоге гипотетическая общность А. и Европы рассматривается чаще всего абсурдистско-иронически: *Вчера из Азиопии отбыла очередная делегация ЕвроСоюза. Не в силах разобраться в экономической модели, используемой азиопцами (и не в состоянии, видимо, разобраться с собственными проблемами!!!), эксперты делегации в отчаянии сделали беспрецедентное предложение властям о присоединении ЕвроСоюза к Азиопии всего за каких-то жалких 100 000 000 000 000 евро* («Азиопский гудок», 2008, 17 окт.).

Еще более усложняется картина, когда пространственная символизация конти-

нуумно дополняется временной. С одной стороны, сама интерконтинентализация соответствующего комплекса представлений выводит аксиологическое наполнение термина А. за рамки различий между конкретными политическими системами и культурными традициями. Так, современная песня «А.» Попугая и Игоря Матеты, будучи по музыкальному строю типичным воплощением попсы, текстуально эксплуатирует как советские песни, так и хрестоматийные строки А. С. Пушкина: *Широка страна моя родная, // Много в ней невиданных чудес <...> Здесь живут, и песня в том порукой, // Нерушимой дружбою сильны, // Три еврея, три веселых друга, // Гордый росс и друг степей калмык. <...> Как невеста, Родина нас любит // И порой по многу раз на дню. Припев: И не знаю больше безобразия // Со времен Всемирного Потопа! // Назывались мы всегда Евразией, // А должны бы зваться [3 раза] Азиопа! // Она-опа, такая Азиопа! [2 раза] // Она! [1 раз]. Принадлежность композитора И. Матеты к когорте создателей любимых народом поп-шлягеров, наряду с наличием тяжелой рок-альтернативной группы «А.», доказывает стратовую многоуровневость музыкального оформления идеологии А. в современном российском общественном сознании.*

С одной стороны, в нем существует тенденция прямой экстраполяции понятия А. на советское прошлое. Ср.: *Совок нерушимый, мечту патриота // Весь год восстанавливал наш президент. // Его выбирала страна Азиопа...* (Матроскин; см. также: Мы — в Азиопе). С другой, указанной тенденции противостоит распространенная там же ностальгия по СССР, определяя континуитетный сбой, а то и срыв (см., напр., страницу одного livejournal, озаглавленную «А.»: «Бля, ну какого хера они [современные российские власти] из СССР берут самое тупое и не берут лучшее?» (ass-is)).

Непротиворечивую ассимиляцию советской традиции «азиопской» демонстрирует виртуальная газета «Азиопский гудок» — не только заглавием и девизом *Гудит на всю Азиопию*, но и самим стилем заорганизованной задушевности. В противовес более распространен-

ным интерпретациям, А., знаменательно-дистанцирующе преименованная на сайте «Азиопского гудка» в Азиопию, оказывается дружелюбно-уютным инфантильно-виртуальным мирком непритязательной пародии, исподволь раскрывающим мощный потенциал советско-постсоветской преемственности в современном российском общественном сознании: *В Азиопии постоянно функционирует центр обработки желаний граждан «Хочуха». Любой азиоп может высказать свое пожелание, причем — анонимно. <...> Хотят азиопы разного. Вот примерный список ответов: Хочу, чтобы в Азиопии <...>: — Был какой-нибудь справочный центр, в котором можно узнать, где и что можно приобрести и как туда добраться. — У людей были реальные тела, можно было бы их моделировать, как и лица, одевать, заниматься сексом, толстеть, худеть — ну это все фигня. <...>. На днях в пеньпердикулярном Азиопии мире был проведен радио-опрос населения. Простой вопрос — «Вы за красных или за белых?» — естественно, не поставил наших соседей в тупик. Подавляющее большинство звонивших ответило: — За голубых... Надо думать, соседи голосовали за Окраину с ее желто-голубым флагом. А что бы ответили вы, дорогие азиопы? («Азиопский гудок», 2008, 28 нояб.).*

Амбивалентность проявляется и на уровне персональной интернет-самоидентификации. См. напр., личную веб-страницу под ником *Азиоп Азиопыч* (alexkuz60.ya.ru) или псевдоним *Азиопа* на сайте «Стихи.ру». Во многом это определяется самоощущением невозможности изменить статус проживания в среде (или сами ее условия), латентно воспринимаемой как «внутренняя А.». Наиболее показателен интернет-опрос, результаты которого обнародованы на Форуме сайта «Урал Рок» (портал о рок-музыке Екатеринбурга) На вопрос: *Азиоп ли я?* из 42 проголосовавших 17 (40.48%) ответили отрицательно, 15 положительно (35.71%), 7 (16.67%) — *Я не азиоп, но это не точно* и 3 (7.14%) — *Я азиоп, но это не факт*.

С другой стороны, «неуютное азиопство» воспринимается частью интернет-

писателей как высокое бремя творческого эскапизма, в типично романтическом сочетании с авторским «я»: *И я — уже не я, а какая-то странная девушка по имени Азиопа* <...> — ...Вот Вы все еще страдаете оттого, что ваши стихи не печатают, и на эти страдания уходят колоссальные возможности вашего организма. <...> А надо создавать, не думая о скорейшем выходе созданного... <...> — Как не думать? — показала она [девушка А.] в невидимое ТАМ. — Как не думать, когда живешь по соседству с крысами... / — По соседству с облаками, — поправил ее Карро. — Неуют по соседству с облаками несоразмерен неуют по соседству с крысиными крышами. Потом, у творца не бывает соседства. Думать о переустройстве людей можно только держась от них подальше... (Лекари Великой Зари).

Существует некоторая надежда на то, что стародавняя юморина насчет евразии и азиопы (fluteast) когда-нибудь, наконец, закончится, так как рядовой пользователь интернета начинает понимать, что: «Любая идея умирает, как только ее доводят до идиотизма. Довели, и слава Богу» (Дугин).

Лит.: Авдеев В. Б. Сначала Евразия, теперь Азиопа (из наблюдений над жизнью сборщиков милостыни) // Авдеев В. Б. Метафизическая антропология. М., 2002 <http://xpomo.com/rusograd/avd_metaph/avd_asiopa.html>; Аверин К. М., Павлова Т. И. Христов народ или жители Азиопы? Аспекты и крайности русской национальной самооценки // Аверин К. М., Павлова Т. И. Быть или не быть русским. Гл. 3. <<http://www.chestisvet.ru/index.php4?id=208>>; Бродский И. Я принимаю свое страдание, но не хочу видеть страдание соседа // Бродский И. Большая книга интервью. М., 2000; Голубицкий С. Учителя и азиопы // Компьютера. 2004, № 1–2; Гольц А. Здравствуй, здравствуй Азиопа! // Ежедневный журнал, 2006, 28 янв. <<http://ej.ru/?a=note&id=2881>>; Дугин А. Путин — спаситель отечества от неминуемого краха (22.11.2007) // Назлобу: [web-сайт] <<http://www.nazlobu.ru/opinions/comments2418.htm#comments>>; Задорнов М. Н. // Викицитатник: [web-сайт]

<<http://ru.wikiquote.org/wiki>>; Иванов А. И. (2006) // Фестиваль садово-парковой скульптуры: [web-сайт] <<http://www.festivalps.ru/index.php?pagename=partis&contentid=144>>; Иванова Н. Между Западом и Востоком. Россия в зеркале истории. План-конспект урока по Новейшей истории России. 10-й класс // Я иду на урок: [web-сайт] <<http://his.1september.ru/2004/10/22.htm>>; Каганский В. Балтийская Азиопа (27.01.2005) // Русский Журнал: [web-сайт] <http://www.russ.ru/culture/20050127_kag.html>; Кара-Мурза Между Евразией и Азиопой // Современный русский национализм: [web-сайт] <<http://www.nationalism.org/aziopa/akm1.htm>>; Ковальчук В. Сингапурская Азиопа: здесь переплетены языки и национальности: Видеорепортаж // Приморское Телевидение и Радио. Филиал ВГТРК «ГТРК Владивосток»: [видеофрагмент] <<http://www.ptv-vlad.ru/news/video/1302-singapurskaja-aziopa-zdes-perepleteny.html>>; Курняев А. Закат «Азиопы»? // Красная звезда. 2007, 29 нояб.; Лактионов А. А. Идея альтернативного общества в философии культуры. (На основе концепций О. Шпенглера и Евразийства): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006; Лекари Великой Зари // Волшебные сказки. 2001, № 5 <http://www.wood-house.spb.ru/tales/2001/5_fr/01-03-09.html>; Лузин Д. Азиопа-Инвест, или Уолл-стрит по-челябински // Вечерний Челябинск, 2002, 20 сент.; Матроскин К. Антипатриотическая песнь (муз. Александра) Фотохроника текущих событий: [web-сайт] <<http://news.trtk.ru/trv/krform6.htm>>; Мы — в Азиопе. Путин возрождает железный занавес, Лукашенко ассистирует // Новая газета. 2006, 19 янв.; Олеся Electra Высмеять мешанство (Доменик Джокер о глупости шмоточников и счастье отцовства): интервью (28.09.2006) // Geometria.ru : [web-сайт] <<http://spb.geometria.ru/index.php?show=article&article=351>>; От Евразии к Азиопе и обратно (13.02.2006) // Маркетинг и Консалтинг: информационно-аналитическое агенство: [web-сайт] <<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=26017>>; Пайдиев Л. Всяческие пережитки Азиопы надо безжалостно убирать (31.10.2001) // ОПЕС — Открытая экономика: [web-сайт] <http://old-opec.hse.ru/comment_doc.asp?d_no=17041>; Померанц Г. Эпоха гло-

бального терпора // Гражданин. 2001, № 10. <<http://www.grazhdanin.com/>>; Резвин Г. Пророк Азиопы // Коммерсант. 2002, № 180; [Реплика неизв. пользователя] // Президентская программа подготовки управленческих кадров: [web-сайт] <<http://www.pprog.ru/scripts/assoc/answN.php?temaA=37>>; Федорин В. Россия 2025: В сетях Азиопы // SmartMoney: [web-сайт] <<http://www.smoney.ru/article.shtml?2006/03/13/135>>; Шутилова В. Азиопа. Часть первая. Один день в Оренбурге (15-05-2007) // Svali.ru: [web-сайт] <<http://www.svali.ru/stories/73/0/1102/index.htm>>; Яшин С. Азиопцам и прочим гадам посвящается: [Запись из дневника moo-nbp от 28.10.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://moo-nbp.livejournal.com/>>; Akar Чемпионат России. 18-й тур. Азиопа (11.09.2006) // Fifasoccer.ru: [web-сайт] <<http://www.fifasoccer.ru/news/archive/?year=2006&day=1157957438>>; ass-is [Запись из дневника ass-is «Азиопа» от 03.12.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://ass-is.livejournal.com/124108.html>>; goutsoullac [Запись из дневника goutsoullac «Азиопа=Абосрус» от 19.10.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://goutsoullac.livejournal.com/542771.html>>; fluteast [Запись из дневника fluteast «Азиопа» от 25.06.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://fluteast.livejournal.com/49320.html>>; frau-irma [Запись из дневника frau-irma «Азиопа» от 8.02.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://frau-irma.livejournal.com/317275.html>>; giveadollar [Из блога giveadollar «Смешное тут» от 25.09.2008] // Give a Dollar: [web-сайт] <<http://www.giveadollar.ru/blog/2/76/76142.html>>; kapitan-282-sb [Запись из дневника kapitan-282-sb «Азиопа-Путляндия» от 22/11/2007] // Livejournal: [web-сайт] <<http://kapitan-282-sb.livejournal.com/15937.html>>; Medieval [Комментарий от 18.10.2006 г. к теме «Левые бьют правых»] // Католический форум у Загробы: [web-сайт] <<http://forum.catholiconline.ru/index.php?showtopic=1181&mode=threaded&pid=25780>>; mzaseka [Запись из дневника mzaseka «Иван Поморцев. Турки опять не взяли Вену» от 25.06.2006] // Livejournal: [web-сайт] <<http://mzaseka.livejournal.com/24922.html>>; moo-nbp [Запись из дневника moo-nbp «В принципе ничего удивительного. Азиопа как она есть...» от 29.08.2008] // Livejournal:

[web-сайт] <<http://moo-nbp.livejournal.com/585679.html>>.

И. О. Е.

АЛЕКСАНДР БЕЛОВ — ДВА ОЧКА! Выражение, констатирующее факт меткого попадания чем-либо куда-либо (напр., огрызком в мусорное ведро, окурком в урну, жеваной бумагой в затылок впереди сидящего и т.д.), имевшее широкое распространение в подростковой и молодежной среде в 1970-е — 1980-е гг. Является воспроизведением реплики спортивного комментатора, ведущего в зале баскетбольный матч с участием Александра Белова. Необходимость указывать, сколько очков спортсмен принес команде, обусловлена тем, что, согласно правилам любительского баскетбола того времени, один мяч мог, в зависимости от условий, в которых он был забит, означать одно или два очка (в современном баскетболе возможно также три очка).

Александр Александрович Белов (09.11.1951, Ленинград — 03. 10.1978, там же) — легенда отечественного баскетбола, один из самых популярных центровых игроков (рост 200 см), обладавший очень высоким прыжком и отличной техникой, позволявшей ему выступать не только в роли центрового. Белов начал заниматься баскетболом сравнительно поздно, с 11 лет. Согласно бытующей в баскетбольной среде легенде, В. П. Кондрашин (тогда — детский тренер, впоследствии тренер ленинградской команды «Спартак» и сборной СССР), придя в обычную среднюю школу набирать мальчиков для спортивной школы клуба «Спартак», увидел сначала лишь руку, закрывающую дверь, и сразу понял, что эта рука принадлежит будущему великому баскетболисту. С 1967 г. Белов выступал за ленинградский «Спартак», с 1968 г. — за сборную СССР. Заслуженный мастер спорта (1972), чемпион Европы (1969; 1971), олимпийский чемпион (1972), чемпион мира (1974) и СССР (1975), неоднократный призер других всевозможных соревнований, кавалер ордена «Знак Почета». Современники отмечали красоту и изящество его игры

(см., напр.: Гомельский), отечественные специалисты по баскетболу полагают, что запрет для защитника касаться мяча в момент его отскока от щита в корзину был введен именно в ответ на изобретенный Беловым прием: он в прыжке прижимал мяч к щиту и затем сбрасывал его за пределы штрафной площадки (Кожбахтеев). Умер Белов в возрасте 26 лет от тяжелого сердечного заболевания, после чего в «Спартаке» долгое время (пока пропуск номера не был запрещен правилами ФИБА) не было игрока с номером 14, который носил прославленный баскетболист. Через год после смерти Белова в Ленинграде состоялся первый турнир его памяти, с 1991 г. он стал проходить регулярно, сейчас это Международный турнир по баскетболу «Кубок В. Кондрашина и А. Белова», организуемый «Фондом развития баскетбола им. В. Кондрашина и А. Белова» (создан в 2002 г.). Вместе с Кондрашиным и А. Я. Гомельским Белов был включен в Зал славы ФИБА в день его открытия (2007).

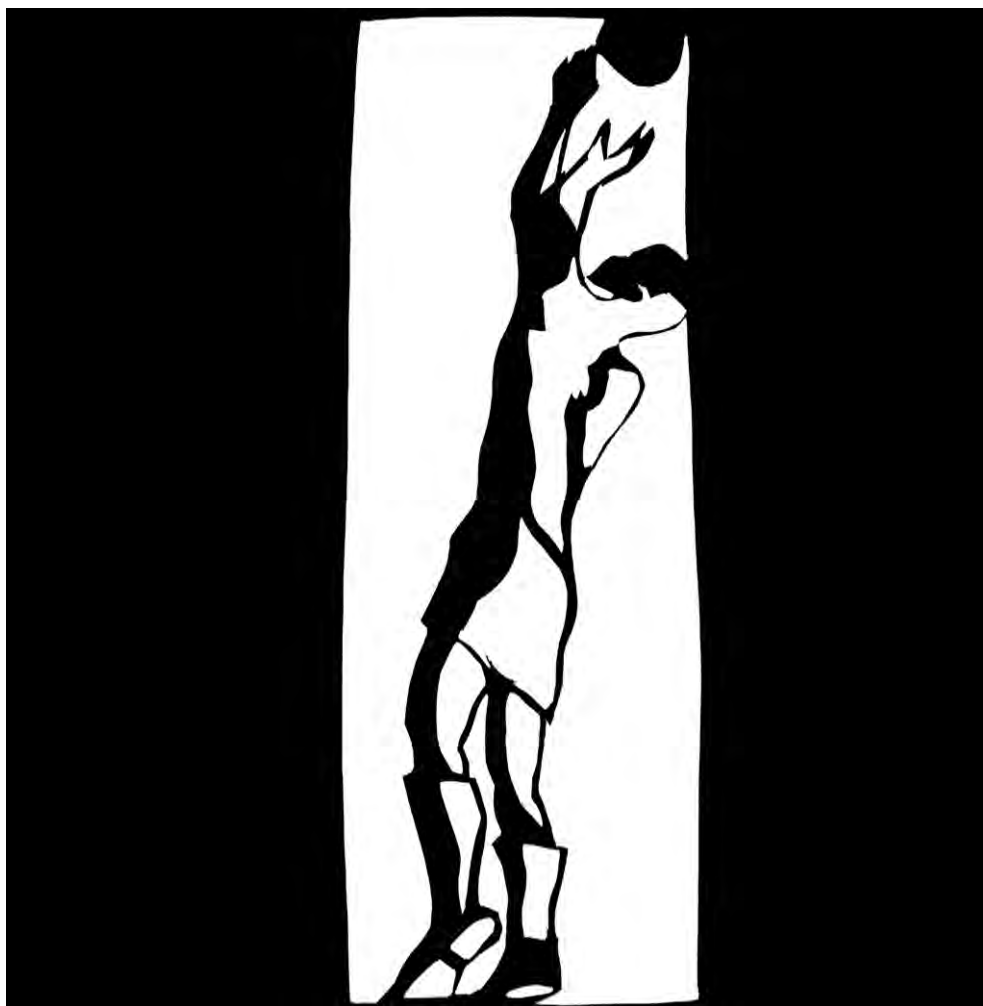
Самые известные *два очка* Александр Белов принес советской сборной в игре против команды США в последние секунды финального матча на Олимпиаде в Мюнхене (1972) (см. видеозапись: Basketball USSR — USA in Munich, 1972). Встреча завершилась со счетом 49 : 50 в пользу американцев, но из-за ошибки электронного табло командам было дано на доигрывание еще три секунды, в течение которых Белов получил пас через всю площадку от Ивана Едешко, забил мяч и вывел команду СССР в олимпийские чемпионы. Эта игра принесла баскетболисту мировую славу (он был даже приглашен в НБА), и именно этот эпизод был известен большинству советских людей, в том числе мало интересующихся спортом.

Тем не менее, фраза А. Б. 20. вряд ли была произнесена на встрече в Мюнхене по-русски, а если и была, то ее никто не услышал, кроме самих спортсменов и немногих присутствовавших там спортивных функционеров. По-русски матч комментировался в трансляции, а телевизионный комментатор свободнее в выражении своих эмоций, чем находящийся непосредственно в зале. Поэтому Н. А. Ереми-

на, комментировавшая эту игру для советских зрителей, срываясь от восторга на крик, произнесла более развернутую тираду: «... Пас на Александра Белова, и... сборная СССР забивает победный мяч! Ура! Победа!» (см. видеозапись с этим комментарием: «Три секунды Александра Белова»). Впрочем, и ее советский телезритель услышал лишь в записи, т.к. трансляция матча была прервана до объявления дополнительных трех секунд. Т.о., речевая формула А. Б. 20. является своего рода метонимической контаминацией плана выражения не с соответствующим ему, а со смежным планом содержания, т.е., произнося А. Б. 20., советский подросток подразумевал финал мюнхенской Олимпиады, но цитировал комментатора любой другой игры во внутреннем чемпионате с участием Александра Белова, тем более, что спортсмен обладал очень высокой результативностью и такая фраза произносилась довольно часто.

Несмотря на то, что фигура Александра Белова не утратила своей легендарности и остается символом славы отечественного баскетбола, выражение А. Б. 20. постепенно выходит из речевого обихода и забывается. Для человека, далекого от спортивного мира, имя знаменитого когда-то центрового уже вытеснено другими звездами спорта, поэтому журналисты и авторы популярных изданий часто путают его с баскетболистом-однофамильцем. Так, на сайте «Люди» в качестве иллюстрации к статье об Александре Белове, прожившем только 26 лет, размещена фотография немолодого седого мужчины — также баскетболиста, Сергея Белова (Александр Белов). Что же касается баскетбольной и околбаскетбольной среды, то в ней это имя (как и имя Кондрашина) в некоторой степени сакрализировано (особенно в Петербурге) и не может употребляться в жаргонизированных выражениях. Кроме того, меткость для баскетболиста — вопрос профессионализма, на котором нет смысла заострять внимание в бытовых контекстах повседневности.

Лит.: Александр Белов // Люди:
[web-сайт] <<http://www.peoples.ru/sport/>

basketball/below/»; Гомельский А. Я. Александр Белов // Гомельский А. Я. Центровые. М., 1988. Кожбахтеев В. Александр Белов. В память о великом игроке (8 октября 2003) // Баскетбол.ру: [web-сайт] <http://www.basketball.ru/spec/ages/past/past_10.html>; 100 лет Российского баскетбола. Справочник. М., 2006; Три секунды Александра Белова: [видеофрагмент] <<http://rutube.ru/tracks/285288.html?v=368ff5bc5621c228ba95af06285fc1bf>>; Basketball USSR — USA in Munich, 1972: [видеофрагмент] <<http://www.youtube.com/watch?v=gdOzBkPwKwA>>.

А. Ю. В.

АЛЬБОМ. Рукописный сборник текстов, сопровождаемых или не сопровождаемых рисунками, т.е. особым образом оформленное многожанровое гетерогенное явление, выполняющее ряд функций, связанных с художественным самовыражением составителя и его социализацией в группе (субкультуре); впрочем, вещь досуговая, по мнению многих — *безделица*. А. называют как сам бумажный носитель (тетрадь, блокнот, книга), так и созданный в результате его заполнения творческий продукт.

А. возникли достаточно давно, не позднее XVII в., в среде европейских студентов (по-видимому, *бездельников*), ср.: *Альбум студиозорум* (*album studiosorum*). Альбы *студиозорум* называются некоторые книжки, в которых студенты, вместе учившиеся, по окончании своих учений, или при расставании, вписывают свои имена, и притом некоторую сильную, краткую и хорошую речь (Словарь, 4).

Из отечественных мыслителей следующего столетия вопрос происхождения и исходного функционального назначения А. затронул известный критик В. Г. Белинский в статье «Страсть к альбомам» (перевод статьи Генриха Монье): «Происхождение альбома теряется в самых отдаленных временах; они начались в Германии. Когда кто-нибудь предпринимал продолжительное путешествие, то было в обыкновении, чтобы он отсылал к своим друзьям книгу, которая должна бы-

ла заключать в себе рисунки, стихи или музыку <...> Это была некоторым образом книга сердца, заключающая в себе воспоминания о всех драгоценнейших склонностях и связях наших» (Белинский, 191). Об устойчивости мемориальной функции А. свидетельствует, напр., следующий фрагмент, относящийся к середине 1930 гг. XX в.: *Переход из семилетки в восьмой класс ознаменовался различными переменами. Многие из соучеников и соучениц уходили кто в техникумы, кто в фельдшерско-акушерскую школу или на курсы машинисток, а кто и просто работать. Писали друг другу на память альбомы — альбомы не вывелись и в советской школе* (Пирожкова, 39 — 40).

Не позднее XVIII в. А. попали в Россию, и грамотное мужское и женское население быстро оценило их и завело на них моду. Скрашивая свой досуг и досуг своих родных, близких и знакомых, в А. вписывали свои вирши и многие известные российские литераторы. На этом поприще отметились Г. Р. Державин со стихотворением *В альбом красавице* (1808), И. И. Дмитриев — *В альбом Шишмановской* (1822), В. Л. Пушкин — *Стихи в альбом* (1822) и др. более или менее известные авторы (см.: Вацууро; Петина). В этой традиции писать друг другу в А. от нечего делать проявилась их вторая — коммуникативная — функция.

Интересна и поэтическая участь самого слова А. Поэт-романтик А. С. Пушкин рифмовал слово А. как с другими существительными, напр.: *Но вы, разрозненные томмы / Из библиотеки чертей, / Великолепные альбомы, / Мученье модных рифмачей* («Евгений Онегин»), так и со словами других знаменательных частей речи, напр.: *Конечно, вы не раз видали / Уездной барышни альбом, / Что все подружки измарали / С конца, с начала и кругом* («Евгений Онегин»). Это дает нам возможность судить о включенности А. в поэтическую традицию русской романтической литературы не только на жанровом, но и на лексическом, морфологическом и формально-поэтическом уровнях. Заметим, что в самих А., текстах которых свойственна некоторая экзальтированность и предпочтение эмо-

ционального рациональному, слово А. находит себе рифму среди междометий и онomatопей, ср.: *Бом, бом / Открывается альбом; Бом, бом, бом! / Закрывается альбом!* и т. п.

С окончанием эпохи романтизма закончилась и традиция романтических отношений, в том числе и между поэтами и хозяйками А. Литераторы нового, реалистического поколения при необходимости писать в А. испытывали определенные сложности. Напр., драматург А. Н. Островский выходил из подобных положений посредством малоубедительных каламбуров и метатекстов: *Вы, вашим альбомом, ставите драматического писателя в драматическое положение... Я не знаю, имел ли я смолоду столько легкости и остроумия, сколько их нужно, чтоб без труда, без тоскливого чувства своего бессилия написать приятную или шутиливую безделлицу. Теперь я очень хорошо чувствую, что все, что было во мне молодого и игривого, утрачено безвозвратно... Но богатое талантами общество, в которое вы меня радушно приглашаете, манит меня; я не могу отказать себе в удовольствии войти в него и только прошу извинения, что занимаю страницу блестящего альбома несвязными строчками. 11 апреля 1874 г.* (Островский, 461).

Настоящие поэты перестали писать стихи в А. (которые сами по себе от этого отнюдь не перестали существовать), и поэтому владельцы вынуждены были заполнять альбомные страницы собственными силами и привлекать к этому случайных людей из ближайшего окружения. В результате произошло катастрофическое художественное измельчание А., которые теперь заполнялись буквально чем попало (многочисленные прим. см.: Головин; Лурье; Борисов). С таким контентом А. к концу XIX в. окончательно превратился из явления дворянской литературной жизни в феномен мещанского письменного фольклора, а позже распространился во всех социальных стратах и даже проник в маргинальные субкультуры, в частности криминальную и армейскую.

Последнее вызывало справедливое раздражение тюремного или военного на-

чалства и возмущение всех небезразличных людей. Так, неизвестный критик в 1927 г. писал: «Некоторые молодые краснофлотцы особенно из деревни с особым „рвением“ переписывают всякую „дребедень“ к себе в тетрадки для того, чтобы, во-первых: не отстать в этом отношении от старослужащих и, во-вторых: когда поедет в отпуск к себе в деревню, блеснуть городской „культурой“, знанием новинок в области городских песен. <...> Распространителями самых скверных и порнографических стихов служат недисциплинированные краснофлотцы, которых списывают (переводят) с корабля на корабль, а они с собой переносят и пропагандируют свои записи в тетрадке» («Смена», 1927, 2 июн.). Годом раньше писатель А. П. Гайдар в заметке «Альбомные стихи» с негодованием восклицал: «Почему же такая разница и такое несоответствие между красивыми фразами о перестройке быта и затхлыми, затасканными строчками специфически „альбомных стихов“, переходящих без изменения из поколения в поколение?» («Звезда», 1926, 13 февр.).

Не исключено, что столь серьезная кампания по борьбе с традицией ведения А., развернутая творческой интеллигенцией и сопровождающееся присвоением их владельцам и распространителям негативных ярлыков, могущих серьезно повредить репутации, привела к тому, что А. практически перестали называться А. и с конца XX в. в основном функционировали под другими названиями, напр.: *песенник, тетрадь для стихов, анкета друзей, блокнот для стихов* и т. п. В связи с этим слово А. в данном значении в настоящее время является *полузабытым*, о чем свидетельствует и его фиксация в соответствующем словарно-справочном издании (Полузабытые слова и значения, 18).

Лит.: Белинский В. Г. Страсть к альбомам // Полное собрание сочинений в 12 т. Т. 1. СПб., 1900. Головин В. В. Девичий альбом 20–30 гг. XX века // Новое литературное обозрение. № 26 (1997); Лурье В. Ф. Современный девичий песенник — альбом // Школьный быт и фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов. Ч. 2.: Девичья культура. Таллин, 1992; Борисов С. Б. Эволюция жанров девичьего альбома в 1920 — 1990-е годы // Шадринский

альманах. Вып. 1 (1997). Шадринск, 1997; Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М., 1974; Петина Л. И. Художественная природа литературного альбома первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988; Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750 — 1840-е годы) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979; Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л., 1984; Пирожкова В. Потерянное поколение: Воспоминания о детстве и юности. СПб., 1998; Полузабытые

слова и значения: Словарь русской культуры XVIII — XIX вв. / Сост. А. Байбурин, Л. Беловинский, Ф. Конт. СПб.; М., 2004;

М. В. К.

БАЙКА́ЛЬСКИЙ ОМУЛЬ. См.:
КЕРЧЕНСКИЕ ПУЗАНКИ.

БОЛО́ТО, грязь, топь. Один из образов русского национального ландшафта, являющийся культурологическим мифом, а не реальным явлением природы, которое имеет право непосредственно репрезентировать культуру. Параллельно с ним существует образ России, который может быть представлен словами песни *Широка и привольна ты, родная страна* (см.: Широкая, привольная).

К образу России концепт Б. одним из первых применил молодой А. С. Пушкин в 1819 г.: «Н. И. Тургенев, быв у Н. М. Карамзина и говоря о свободе, сказал: „Мы на первой станции к ней“. — „Да, — подхватил молодой Пушкин, — в Черной Грязи“» (Разговоры Пушкина, 11). Черной Грязью называлась последняя почтовая станция на пути из Петербурга в Москву, так называется и последняя глава в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. И поэтому если мы «на первой станции» просвещения, то именно в Черной Гязи. Вместе с тем словосочетание *черная грязь* в русском языке является синонимом слова Б. Так, очень многие Б. в разных местах нечерноземной России называются черной грязью; тот же образ мы видим и в фольклорных текстах, ср. приговор из свадебного

обряда: *Поедем мы в далекую далицу, // В чисто поле — широкое раздолье, // За темные леса, // За черные грязи, // За быстрые реки* (Иорданский, 108). Но словосочетание *черная грязь* можно разложить на составляющие его слова, поэтому пушкинский каламбур можно понять и буквально: «мы в грязи». Каждый поймет по-своему, и каждый не ошибется.

Пушкин в принципе предпочитал хтоническим проявлениям природы рукотворную деятельность человека: *Прошло сто лет, и юный град, // Полнощных стран краса и диво, // Из тьмы лесов, из топи блат // Вознесся пышно, горделиво* (А. С. Пушкин, «Медный всадник», 1833). Это со/противопоставление города и болота представлено и в поэме «Ночная Фиалка» (1906) А. А. Блока: *Город вечерний остался за мною. // Дождь начинал моросить. // Далеко, у самого края, // Там, где небо, устав прикрывать // Поступки и мысли сограждан моих, // Упало в болото, — // Там краснела полоска зари*. Пушкин хотел преодолеть городом русское Б., у Блока же город перетекает в Б. Традицию истолкования русской жизни как Б. преодолеть невозможно — напр., в постмодернистском тексте «Фердинанд, или Новый Радищев» с образом Б. связаны те же коннотации, относящиеся к российской повседневности (см.: Сенькин).

Для современной культуры концепт Б. означает жизнь вообще. Вполне традиционный образ Б. дал К. Бальмонт: *О, нищенская жизнь, без бурь, без ощущений, // Холодный полумрак, без звуков, без огня. // Ни воплей горестных, ни гордых песнопений, // Ни тьмы ночной, ни света дня. // Туманы, сумерки. Среди тусклого мерцанья // Смешались контуры, и краски, и черты, // И в царстве мертвого бессильного молчанья // Лишь дышат ядовитые цветы. // Да жабы черные, исчадия трясины, // Порою вынырнут из грязных спящих вод, // И, словно радуясь обилью скользкой тины, // Ведут злоеущий хоровод* («Под северным небом», 1894). Таково же стихотворение современного автора «Болото»: *Жизнь в дымке сигарет и аромате кофе, // Дышу затяжками, живу глотком на вдохе, // Жизнь без очков зеленых глаз, // Бро-*

жду в тумане, // Жизнь с горьким прикусом, // Кружусь в обмане, // <...> Жизнь — конура и пахнет старой псиной, // Скрываю кости под лесной трясиной... // Тону в болоте собственных мучений, // Иду ко дну я в поиске значений, // <...> Пусть я один в слепой толпе — // Не быть на дне болота мне. // <...> И все вокруг // Горит в огне. // И сотни рук // Рвут мою душу на куски // И топят кости от тоски // В болоте гнева своего. // А мне смешно, мне все равно. // Меня здесь нет, я глубоко. // Болото — жизнь, и все мы в нем, // Как якоря ко дну идем (VAleska). Запутанность позиции автора — то он уже на дне Б., то не быть ему на дне Б. — говорит о тотальности самого этого образа при осмыслении жизни как таковой.

Синонимия Б. и *грязи* формировала политические идеологемы не официального, государственного, а подпольного, антигосударственного содержания. В романе «Что делать?», во «Втором сне Веры Павловны» Н. Г. Чернышевский описал два типа грязи, каждая из которых по-своему влияет на формирование людей: «чистая», «реальная грязь» и «грязь гнилая», «фантастическая». Роман Чернышевского был напечатан в «Современнике» в номерах 4–6 за 1863 г., а двумя месяцами ранее Д. Л. Мордовцев развивал этот же образ: *Человека формирует окружающая его среда. Надо иметь необыкновенное счастье или удивительную энергию, чтобы из грязного болота жизни выйти сухим и незапачканным* («Русское слово», 1863, № 2, 1). Мордовцев к тому времени не мог читать роман Чернышевского, следовательно, *фантастическая, гнилая грязь* в качестве образа *окружающей среды* употреблялась в то время как языковое клише, а не как литературный образ. Борьбу молодых людей против тлетворного влияния *грязи жизни* и стремление жить по иным правилам и законам А. К. Шеллер (А. Михайлов) выразил в романе «Гнилые болота» (1864), написанном под воздействием Чернышевского (см.: Жучкова). Название этого произведения стало моделью для романов «Засоренные дороги» (1866), «В чаду глубоких соображений» (1866–1867) (см.: Коковина), однако то, что пер-

вым в этом ряду был роман «Гнилые болота», показывает особую роль концепта Б. в русской культуре.

«Чистая», «реальная грязь» — это главное построение радикального сознания. Народное же сознание готово все неудачи, ошибки и вины человека списывать на опасное влияние *среды*. Так, в песне «Постой, паровоз» из кинофильма «Операция „БГ“ и другие приключения Шурика» (1965; обр. муз. А. Зацепина) мы находим следующий образ: *Не жди меня, мама, хорошего сына. // Твой сын не такой, как был вчера. // Меня засосала опасная трясина // И жизнь моя — вечная игра.* В основе этой обработки лежит лагерная песня Н. Ивановского (1946, Петрозаводск): *Его засосала тюремная трясина, // Он с волею простился навсегда.* Песня выражает народное понимание окружающей социальной среды как Б., засасывающего ни в чем не повинного человека.

Социальные толкования Б. восходят к природным истокам. В рассказе А. И. Куприна «Болото» (1902) семья лесника вымирает от болотной лихорадки, как вымерла семья его предшественника. Б. — это не просторное, а замкнутое и тесное пространство, поэтому жить там может всякая нечисть, а не человек: *Вы катитесь, ведьмы, // За мхи, за болоты, // За гнилые колоды, // Где люди не боят, // Собаки не лают, // Куры не пьют, — // Вам там и место!* (Обрядовая поэзия, 286). Или: *Идет мужичок по лесу и дошел до большого топучего болота и видит: утонул в болоте большой лумпа (леший)...* (Северные сказки, 497). Из народных заговоров эти образы проникают в литературу. В «Истории села Горюхина» (1830) А. С. Пушкина рассказывается, что село примыкало к *диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.*

NB. Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней не далеко от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не мог-

ла удовлетворительно объяснить этого случая. Глас народный обвинил болотно-го беса <...> Пушкин очевидно иронизирует, считая подобные народные поверья о Б. отголоском непросвещенного времени. То же толкование дает и А. И. Куприн в повести «Олеся» (1898): героиня живет рядом с Б. *около Бисова Кута*, суеверные местные жители считают ее бабку колдуньей, изгоняют их из деревни, а саму Олеся избивают.

Толкование народной мифологии в духе символизма дает А. А. Блок в цикле «Пузыри земли» (1904–1905), связанном с работой поэта над статьей, в которой он цитирует заговор с характерным перечислением: *Во темные леса, в зыбучие болота, в сырое коренье!* («Поэзия заговоров и заклинаний», 1908). Восходящие к крестьянским поверьям блоковские «болотные чертенятки», «твари весенние», «болотные попики», «Ночные Фялки» оказываются родственными новой символистской мифологии, активно разрабатываемой А. М. Ремизовым, которому посвящено одно из стихотворений цикла. Согласно традиции, Блок изображает Б. как замкнутое пространство и связывает с ним темные силы, опасные для человека: *Болото — глубокая впадина // Огромного ока земли. // Он плакал так долго, // Что в слезах изошло его око // И чахлой травой поросло, // Но сквозь травы и злаки // И белый пух смеженных ресниц — // Пробегают зеленая искра, // Чтобы снова погаснуть в болоте, // И тогда говорят в деревнях // Неизвестно откуда пришедшие // Колдуны и косматые ведьмы: // «Это шутит над вами болото, // Это манит вас темная сила»* («Болото — глубокая впадина», 1905). Но вопреки народной трактовке эта нечисть превращается у Блока в симпатичных *болотных чертенят, болотного попику* и даже связывается с христианскими, церковными ценностями: *Скоро каждый чортик запросится // Ко Святым Местам* («Твари весенние», 1905); *Мы и здесь лобызаем подножия // Своего, полевого Христа* («Старушка и чертенята», 1905).

Лубочный образ Б. находим в ранней лирике С. А. Есенина: *Топи да болота, //*

Синий плат небес. // Хвойной позолотой // Взвенивает лес («Топи да болота...», 1914). Это не реальная картина: во-первых, в родных есенинских местах такие ландшафты редкость, а во-вторых, хвойный лес не может желтеть, покрываться позолотой, и уж тем более «взвенивать». Но лубочность этого ландшафтного образа оправдана очень точной формулой первого стиха, которая закрепилась в русской поэзии, не переставшей связывать с Б. образ России, ср.: *То топи, то болота, // То кочки, то пеньки. // Ах, птица, птица-тройка, // Себя побереги.* (Н. Е. Палькин, «Тройка», 1994).

Классически традиционное осмысление Б. как страшного, таинственного места присутствует и в популярных песнях — ср. в «Песне про зайцев» А. Зацепина и Н. Дербенева из кинофильма «Бриллиантовая рука» (1969): *А дубы-колдуны что-то шепчут в тумане, // Из поганых болот чьи-то тени встают.* Болота — поганые, и поэтому в них живут поганки. В мультфильме «Летучий корабль» (1979) Водяной поет ставшую необычайно популярной «Песенку» (сл. Ю. Энтина, муз. М. Дунаевского). Она вошла в репертуар караоке (см., напр., сайт karaoke.ru), а каждая строка припева превратилась в поговорку: *Эх, жизнь моя жестянка!!! // Да ну ее в болото! // Живу я как поганка, // А мне летать охота!* Любители караоке не знают, что песня является отголоском архаических верований, однако она транслирует в культурную память каждого человека представление о болоте как о месте нечистом, лишенном перспектив и широты.

Б. как замкнутое пространство отчетливо противопоставлено пространству открытому, ср.: *...поднялся по полю такой бесовский хохот, что твои лягушки в болоте!* (И. И. Лажечников, «Ледяной дом», 1835). Грамматически корректнее было бы «в поле», а не «по полю», но предложно-падежные формы у Лажечникова точнее воплощают в себе устойчивые представления о пространстве: предлог *по* больше соответствует пространству открытому, а предлог *в* — закрытому. Ср. интерпретацию леса в картине И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» как закрытого пространства, противопо-

ставленного «панораме и убежищу» (см.: Ely Christopher, 21–43).

Традиционная негативная оценка Б. закрепились и в русской пословице, напр.: *Всякий кулик свое болото хвалит* (Малые жанры, 187). Штольц влечет Обломова *вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь!* (И. А. Гончаров, «Обломов», 1858) — здесь образ Б. несет в себе критику архаичности мышления, неумения и нежелания глядеть в будущее, которая основана на стремлении заменить ценности традиционной культуры инновационными тенденциями современного общества. Впрочем, экологическое мышление перестраивает коннотации Б. в русской культуре, поскольку в качестве природного ресурса Б. воспринимается как благо, значение которого человечество не поняло и не оценило. Так, в цикле очерков И. С. Соколова-Микитова «По сороочьму царству» (1927) агроном говорит: *Если речку хорошенько расчистить <...>, можно будет через три года Большое болото косить, через пять — сеять кормовые травы, и через девять будет на болоте прекрасный луг...*

Лит.: Жучкова Е. Н. Романы А. К. Шеллера-Михайлова 1860–1880-х годов (поэтика жанра): Автореф. дис... канд. филол. на-

ук. Нижний Новгород, 2005; Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4); История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова и Д. Н. Овсянко-Куликовского. Т. I. М., 1908; Коковина Н. З. А. К. Шеллер-Михайлов и литературное движение 1860 — 1870-х годов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Калинин, 1985; Малые жанры русского фольклора: Хрестоматия. М., 1986; Обрядовая поэзия. Книга 1: Календарный фольклор. М., 1887; Разговоры Пушкина / Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929; Северные сказки: Сборник / Собрал Н. Е. Ончуков. СПб., 1909; Сенькин Я. М. Фердинанд, или Новый Радицев. М., 2005; Ely Christopher. Prospect, Refuge, Coherence, Mystery: Landscape Theory and Russian Terrain // Understanding Russian Nature: Representations, Values and Concepts. Aleksanderi-papers. 4: 2005. Saarijärvi, 2005; VALeska Болото (сентябрь, 2005) // Литературный Клуб: [web-сайт] <<http://www.goneliterate.ru/libro/read.text-2359.xml>>

М. В. С.

Б

ВЗЯТЬ НАКРЕСТ. Разговорное выражение, обозначающее ‘незаметно переложить часть нагрузки на другого’. Возникло в жаргоне врачей, фельдшеров и медицинских сестер (братьев), работающих на «Скорой помощи», как обозначение одной профессиональной традиции. При необходимости донести больного от квартиры (или от места, где произошел несчастный случай) до машины, медработники просят помочь родственников больного (или травмированного) или присутствующих людей; относительно прямоугольника носилки намеренно становятся таким образом, что работники «Скорой помощи» образуют одну диагональ, а помогающие — другую; после подъема носилки медработники незаметно ослабляют руки, так что вся тяжесть тела переносимого распределяется между руками помогающих. Из медицинской среды выражение В.Н. перешло и в речевую практику других профессиональных сообществ, представителями которых употребляется, как правило, в расширительном значении ‘избежать выполнения всего объема работы; сделать меньше, чем следует’. Так, учителя некоторых петербургских гимназий применяют понятие В.Н. к ситуации намеренного запаздывания к началу урока и/или окончания его за некоторое время до звонка.

А. А. Л., М. Л. Л.

ВОР ДОЛЖЕН СИДЕТЬ В ТЮРЬМЕ.

Реплика из телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» (СССР, Одесская киностудия, 1979; по роману А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» (1975); авторы сценария А. Вайнер и Г. Вайнеры, режиссер С. Говорухин), произнесенная капитаном Московского уголовного розыска Глебом Жегловым (актер В. Высоцкий). Приобрела широкую популярность сразу после выхода фильма и до сегодняшнего дня используется как инструмент пропаганды и аргумент в дискуссиях по общественно значимым вопросам.

Жеглов произносит реплику в споре о допустимости фальсификации улики: при аресте вора-карманника Жеглов тайком подложил ему в карман украденный кошелек, который тот успел выбросить. В соответствующем эпизоде романа этой фразы нет (см. табл. 1), что неудивительно: по воспоминаниям участников работы над фильмом, во время съемок актеры много импровизировали (одна из изящных импровизаций — вмонтированная в речь Жеглова цитата из «Каменного гостя» А.С. Пушкина — была описана О.А. Проскуриным (см.: Проскурин)). Источник импровизации В.Д.С.В.Т. находится в другом фрагменте «Эры милосердия». Это реплика Жеглова, произнесенная в споре с Шариковым о возможности отпустить подозреваемого Груздева: «Здесь МУР, понял? МУР, а не институт благородных девиц! Убита женщина, наш советский человек, и убийца не может разгуливать на свободе, он *должен сидеть в тюрьме...*». Первоначальный смысл выражения В.Д.С.В.Т. становится понятен лишь в связи с соседней репликой — «И людей не беспокоит, каким образом я его туда упрячу» (в романе — «загоню»). Один из магистральных конфликтов романа и телефильма связан с тем, что Жеглов считает допустимым прибегать к незаконным действиям, если они, на его взгляд, служат благородной цели, и порой склонен видеть в соблюдении юридических формальностей лишнее препятствие для эффективной работы; Шариков, его оппонент, убежден в том, что такой подход, в конечном счете, стира-

ет грань между правоохранителем и преступником (Ср.: «Я так понимаю: если закон один раз поднять, потом другой раз, потом начинать им дырки в следствии затыкать, как нам с тобой удобно, то это не закон будет, а кистень. Да, кистень»).

Стремящийся во что бы то ни стало добиться справедливости (в своем понимании), обладающий ярко выраженными лидерскими качествами и превосходным чувством юмора, Жеглов типологически близок к многочисленным персонажам популярной культуры — супергероям, народным заступникам. Говоря словами Аристотеля, «такой человек был бы все равно, что божество среди людей <...> для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами — закон. Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы» (Аристотель, Политика: III, VIII, 1-2). Нарушение юридических формальностей и даже этических табу в глазах массового зрителя не недостаток персонажа, а его достоинство. Кроме того, на Жеглова в большой степени перешел культовый статус актера, исполнившего его роль. Характерно, что в экранизации Жеглов в большей степени, чем в романе, претендует на монопольное обладание истиной: его позиция сделана убедительной, позиция Шарапова — менее. Такой эффект возник благодаря нескольким обстоятельствам. В романе Жеглов и Шарапов почти ровесники (Шарапову 22 года, Жеглову — 26), тогда как в фильме Жеглов значительно старше (в 1978 г., когда проходили съемки, исполнителю роли Шарапова В. Конкину, было 27 лет, Высоцкому — 40). В романе Жеглову оппонирует не только Шарапов, но и другие сотрудники его отдела; так, в споре о подброшенном карманику кошпелке поступком Жеглова недовольны Ваня Пасюк и Гриша «Шесть-на-девять» Ушивин — в фильме они молчаливо его поддерживают. Все эпизоды романа, позволяющие отнестись к Жеглову иронически, в фильм не вошли или были существенно трансформированы — так, сцена, в которой Жеглов безуспешно ухаживает за Варварой Синичкиной, в фильме осталась, только в роли ухажера-неудачника там выступает не Жеглов, а Коля Тарас-

кин. Речевая партия Жеглова в фильме очищена от откровенно демагогической риторики.

Таким образом, у зрителя создается впечатление, что Жеглов выражает авторскую позицию. Это, по всей видимости, входило в задачу режиссера С. Говорухина (который в своих публичных высказываниях неоднократно заявлял о солидарности с персонажем), однако вызвало критику одного из авторов романа и сценария, Г. Вайнера: «Вопрос был в изменении фактуры материала. Кто читал этот роман, те знают, что там очень осторожно и очень аккуратно, безо всяких революционных криков написано, что замечательный человек, выдающийся сыщик Глеб Жеглов является по существу сталинским палачом. Для него не существует ценности человеческой жизни, свободы, переживаний. И совершенно очевидно для тех, кто помнит немножко историю, что вслед за событиями 45–46 года, описанными в романе, наступила волна чудовищных репрессий, где именно Жегловы отличились в корпусе МВД—МГБ неслыханными злоупотреблениями, неслыханными злодействами, потому что искренняя убежденность в правоте дела, которое они делают, безусловные личностные способности, отсутствие всяких моральных сомнений делало их страшным орудием. В романе это прослеживается, и понятно, что будет из Жеглова завтра. В фильме эта тема практически ушла, потому что исчез текст, а осталось огромное обаяние Володи Высоцкого» (Герои времени).

После выхода фильма фраза В. Д. С. В. Т. зажила собственной жизнью. По свидетельству выпускников юридического факультета МГУ, преподаватели использовали ее как «затравку» в проблемных дискуссиях на семинарах, причем в этом случае речь шла не только о допустимости фальсификации улик, но и о соразмерности наказания преступлению (напр., правомерно ли назначать наказание в виде лишения свободы преступнику, виновному в краже личного имущества). Вкладывается в эту фразу и другой смысл — она воспринимается как выражение принципа неотвратимости наказания. В конце XX в. формула

Таблица 1: Текст фрагмента в романе и телефильме

«Эра милосердия»	«Место встречи изменить нельзя»
<p>— Да о чем речь — кошелек он украл! Я разве спорю? Но мы не можем унижаться до вранья — пускай оно формальное и, по существу, ничего не меняет!</p> <p>— Меняет! — заорал Жеглов. — Меняет! Потому что без моего вранья ворюга и рецидивист Кирпич сейчас сидел бы не в камере, а мы дрыхли бы по своим квартирам! Я наврал! Я наврал! Я засунул ему за пазуху кошелек! Но я для кого это делаю? Для себя? Для брата? Для свата? Я для всего народа, я для справедливости человеческой работаю! Попускать вору — наполовину соучаствовать ему! И раз Кирпич вор — ему место в тюрьме, а каким способом я его туда загоню, людям безразлично! Им важно только, чтобы вор был в тюрьме, вот что их интересует. И если хочешь, давай остановим «фердинанд», выйдем и спросим у ста прохожих: что им симпатичнее — твоя правда или мое вранье? И тогда ты узнаешь, прав я был или нет...</p> <p>Глядя в сторону, я сказал:</p> <p>— А ты как думаешь, суд — он тоже от имени всех этих людей на улице? Или он от себя только работает?</p> <p>— У нас суд, между прочим, народным называется. И что ты хочешь сказать?</p> <p>— То, что он хоть от имени всех людей на улице действует, но засунутый за пазуху кошелек не принял бы. И Кирпича отпустил бы...</p> <p>— И это, по-твоему, правильно?</p> <p>Я думал долго, потом медленно сказал:</p> <p>— Наверное, правильно.</p>	<p><i>Шарапов.</i> Кошелек он украл, я разве спорю? Но не можем мы до вранья опускаться. Пускай оно формально, пускай ничего не меняет.</p> <p><i>Жеглов.</i> Меняет! Все меняет! Потому что если б не мое вранье, то вор-рецидивист Сапрыкин сидел бы сейчас в малине, а не в тюрьме. Правильно, я засунул ему в карман кошелек, но для кого я это сделал? Для себя, для свата, для брата?</p> <p><i>Шарапов.</i> Да погоди ты, Глеб...</p> <p><i>Жеглов.</i> Нет, это ты подожди. Если Кирпич вор, он <i>должен сидеть в тюрьме</i>. И людей не беспокоит, каким образом я его туда упрячу. <i>Вор должен сидеть в тюрьме, верно?</i> Вот что людей интересует. Копытин, остави машину! Давай сейчас выйдем и спросим у ста человек, что им больше по сердцу, мое вранье или твоя правда. И тогда ты поймешь, прав я или нет.</p> <p><i>Шарапов.</i> А как ты думаешь, суд у нас тоже от этих людей? Ну, тех, что на улице.</p> <p><i>Жеглов.</i> Суд у нас, между прочим, народный, а что ты хочешь этим сказать?</p> <p><i>Шарапов.</i> А то, что хоть суд и действует от имени всех людей, но кошелек, засунутый тобой, не признал бы и Кирпича отпустил.</p> <p><i>Жеглов.</i> И это правильно?</p> <p><i>Шарапов.</i> Правильно!</p>

В.Д.С.В.Т. стала стандартным газетным заголовком. Среди многочисленных примеров — информационная заметка в газете «Коммерсантъ» об аресте в Токио президента крупной строительной компании (Мясин) и интервью с прокурором Зуевского р-на Вятской обл. в областной газете «Вятский край» (Жуйков).

Существует, однако, еще один, более узкий контекст, в котором эта цитата фигурирует в публицистических текстах, — социально-обличительный. В этом случае под *вором* подразумевается высокопоставленное лицо или представитель финансовой элиты, причем как конкретный человек, так и собирательный об-

раз. Образец первой модели представлен скандально известной статьей журналиста В. Поэгли «Паша-Мерседес. Вор должен сидеть в тюрьме, а не быть министром обороны» («Московский комсомолец», 1994, 20 окт.), в которой обнародовались материалы, компрометирующие П. С. Грачева, в 1992–1996 гг. — министра обороны РФ. Статья приобрела широкую известность и послужила поводом для судебного преследования автора Грачевым (см.: Душенко, 78). Вторую модель продемонстрировал сам С. Говорухин, в 1995 г. безуспешно пытавшийся провести в Государственную Думу собственный политический блок. В предвыборный

телевизионный ролик «Блока Говорухина», выступавшего с национально-патриотических и социалистических позиций, был вмонтирован фрагмент с Желтовым, произносящим реплику В. Д. С. В. Т. В 2006 г. вышла книга ультраправого публициста-конспиролога Максима Калашникова (псевд., настоящее имя — В. А. Кучеренко) «Вор должен сидеть в тюрьме. Это от тебя скрывают», посвященная разоблачению олигархов 1990-х. Аннотация к книге гласит: «Нынешняя российская „элита“, все это ворье и спекулянты, „сырьевики“ и банкиры, нажившие свои неправедные миллиарды на разграблении нашей Родины, — тупиковая ветвь эволюции, обреченная на вымирание <...>».

По мере того как государственный дискурс стал определяющим в российской публицистике (а с середины 2000-х гг. при поддержке цензуры — едва ли не единственно возможным), цитата В. Д. С. В. Т. употребляется все чаще, превращаясь в один из риторических ходов, при помощи которых формируется мифологема «бандитских девяностых». По логике государственной мифологии, в 2000-х гг. к власти пришли социально ответственные силы, реализующие национальные интересы России и действующие от имени и во благо всего народа, а олигархи, все предыдущее десятилетие устраивавшие беспредел, понесли заслуженное наказание.

Наиболее известный пример такого наказания — т. н. дело ЮКОСа (2005), по которому был осужден ряд руководителей нефтяной компании ЮКОС: глава компании М. Ходорковский, исполнительный вице-президент В. Алексанян, заместитель начальника правового управления С. Бахмина и мн. др. Дело ЮКОСа вызвало и продолжает вызывать страстные споры, в первую очередь, в сетевом информационном пространстве. Практически обязательным их компонентом стала и цитата В. Д. С. В. Т.; более того, в последние годы она фигурирует почти исключительно в контексте споров о ЮКОСе, где используется как возражение тем, кто сомневается в справедливости приговоров или считает желательным его смягчение по соображениям гуманности (по отношению к смертельно больному Алек-

саняну или беременной С. Бахминой). Характерно, что цитата сохраняет свои первоначальные обертоны: ради достижения справедливости можно пренебречь юридическими формальностями или этикой; предполагается, что использование цитаты В. Д. С. В. Т. в качестве аргумента снимает все проблемы и делает вопрос о правомерности или законности судебного производства исчерпанным. В 2005 г. в интервью газете «Столичные новости», объясняя свою позицию по делу ЮКОСа, эту цитату вспомнил сам Говорухин: [Корреспондент:] *Вы подписали знаменитое коллективное письмо против Ходорковского...* С. Говорухин: *Да, подписал, только не пойму, чем оно знаменито? Если бы это письмо дали сочинить мне, я бы подписал не такое беззубое письмо. Хотя, я считаю, что ко всем, кто накрал народные деньги, должно быть одинаковое отношение. Но пытаться купить власть на наворованные деньги? Мне это глубоко неприятно. Как говорил Глеб Жеглов, вор должен сидеть в тюрьме* (Говорухин).

30 октября 2008 г. в передаче «К барьеру», выпускаемой телеканалом НТВ, состоялись дебаты между политиком и публицистом В. И. Новодворской и писательницей и активисткой феминистского движения М. И. Арбатовой. Арбатова, говорившая о недопустимости условно-досрочного освобождения Бахминой, привела в подкрепление своей позиции все ту же цитату (*И вот лично я, Мария Ивановна Арбатова, считаю, что воровка должна сидеть в тюрьме*), что, в частности, было специально отмечено бизнесменом Г. Трусовым, участвовавшим в программе в качестве «судьи»: *Мария Арбатова <...> пришла с фокусированной понятной риторикой про то, что вор должен сидеть в тюрьме* (Стенограмма). Неудивительно, что на сайте bakhmina.net, создатели которого собирают подписи против условно-досрочного освобождения Бахминой, подписавшиеся постоянно повторяют максимуму В. Д. С. В. Т. По выборочному подсчету не менее 10 % от общего числа подписавшихся оставляют комментарии с цитатой В. Д. С. В. Т. (с незначительными модификациями).

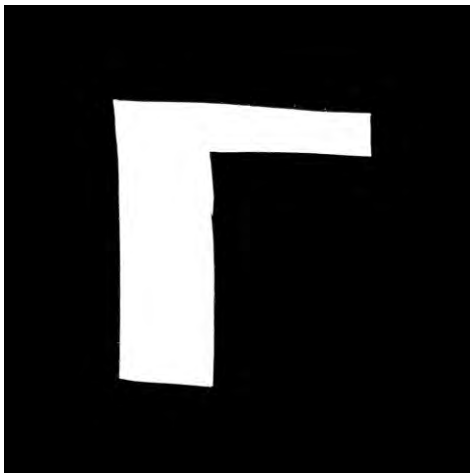
По всей видимости, столь широкое распространение цитаты В. Д. С. В. Т. в конечном счете предвещает ее скорую смерть. Она превратилась в политическую декларацию и затаскана настолько, что вызывает раздражение уже сама по себе, служит объектом насмешек; в сетевых спорах ее (явно иронически) берут на вооружение и те из участников дискуссий, кто симпатизирует осужденным по делу ЮКОСа. См. характерный пример такой сетевой дискуссии: *Поменять бы их с Путиным местами — Почему? — Потому что вор должен сидеть в тюрьме, а талантливый управленец в правительстве*. Кроме того, на сегодняшний момент цитата уже накрепко связана с конкретным и, по-видимому, непродолжительным эпизодом в новейшей российской истории, и после разрушения соответствующей мифологической модели исчезнет из широкого употребления.

Лит.: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4. М., 1983; Герои времени: Глеб Жеглов (Автор и ведущий Петр Вайль) // Радио Свобода: Программы: Культура [web-сайт] <<http://www.svoboda.org/programs/cicles/hero/02.asp>>; Говорухин С. «Вор должен сидеть в тюрьме». Беседовал Олег Сулькин // Столичные новости. 2005. № 42. 1–7 нояб.; Душенко К. Словарь современных цитат.

4-е изд. М., 2006; Жуйков Е. Вор должен сидеть в тюрьме. Этот прокурор следует не только букве закона, но и здоровому образу жизни // Вятский край. 2007. № 189. 9 нояб.; Калашников М. Вор должен сидеть в тюрьме: Это от тебя скрывают. М., 2006; Мясин Н. Вор должен сидеть в тюрьме. Из миллиардеров — в арестанты // Коммерсантъ. 1997. № 97. 26 июн.; Помочь Светлане Бахминой до конца досидеть свой срок [web-сайт] <<http://bakhmina.net>>; Проскурин О. «После переговоров»: сериалы и интертексты [запись от 12.09.2008] // Livejournal:[web-сайт] <<http://o-proskurin.livejournal.com/141843.html>>; Стенограмма передачи Владимира Соловьева «К барьеру» с участием Марии Арбатовой и Валерии Новодворской (НТВ, 30.01.2008) // Liberty.ru:[web-сайт] <<http://www.liberty.ru/groups/media/Stenogramma-peredachi-Vladimira-Solov-eva-K-bar-eru!-s-uchastiem-Marii-Arbatovoj-i-Valerii-Novodvorskoj>>

Е. В. К.

ГЕРО́Й_(хviii). Понятие, имевшее в русской культуре XVIII в. три смежных значения: *Герой (правильнее выговаривается Ирой). 1) в древние времена язычники называли сим именем рожденных от бога или богини и от смертного человека; 2) придается название сие мужам, отличившимся храбростию и мужеством в военных походах, которые к телесным силам приобщали и нравственные добродетели и которые с твердостью противостояли опасности; 3) в повествовательном стихотворстве называется то лицо, которое составляет главный предмет поэмы* (Словарь Академии Российской, II, 34–35). На практике все эти три определения обычно относились к одному и тому же лицу. Истинный Г. (в русской словесности того времени это слово обычно писалось с прописной буквы) отличался не только добродетельной храбростью и мужеством, но и благородным происхождением, а совершив героическое деяние, сразу же становился «главным предметом» поэмы или оды. Г.Р. Державин писал о Г.: *Друзья герои человека* (Г.Р. Державин, «Памятник Герою», 1791), имея в виду, что Г. — друзья человека. Это стихотворение посвящено полководческому таланту Н.В. Репнина. Далее Державин разъясняет, что Г.: *... Суть соль земли, во мраке звезды; // Чрез них известна добродетель; // Они великие зерцалы // Бо-*

гоподобных слабых смертных. Тем самым подчеркивается не только добродетельность Г., но и их «сверхчеловеческий» статус: они созданы Богом по его образу и подобию, но, в отличие от простых смертных, сильны, потому что, как Г. античности, подобные Ахиллу или Гераклу, защищены свыше, т. е., по сути, полубессмертны. В России XVIII в. часто предпочитали мыслить в категориях античности: под «язычниками» в академическом словаре подразумевались древние греки и римляне. Поэтому XVIII в. стал первой героической эпохой России, пришедшей на смену эпохе витязей и былинных богатырей.

Пантеон Г., в отличие от пантеона богов, может расширяться, но число мест в нем ограничено. Утверждение пролетарского писателя Максима Горького «В жизни всегда есть место подвигу» чуждо как античности, так и культуре XVIII в. Г. может стать тот, кто изначально избран для этого богами и вознесен на необходимую высоту, а также прошел соответствующую подготовку: напр., его окунали в воды Стикса (или, по другой версии того же мифа об Ахилле, закаляли в огне) или отдали на воспитание кентавру: *Всяк мнит, что равен он Алкиду, и что немейским львом покрыт...* (М.В. Ломоносов, «Ода на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-петербург... 1742 г.»). Т.к. античные Г. прежде всего зарекомендовали себя на полях сражений — это именно то место, где можно найти применение собственной неуязвимости, — то и в культуре, наследующей античные традиции, Г. прежде всего становится полководец, функция которого часто выполняет император. Для XVIII в. невозможно сочетание «Г. труда», понятие Г. может относиться только к воину, причем к воину-победителю. Г._{хviii} не обязательно совершает личный подвиг. Он *мещет перуны* (Г.Р. Державин, «Евгению. Жизнь Званская», 1807) и блещет доспехами, одним своим видом устрашая врага. Но главное — он определяет исход сражения, и это его победа, каким бы способом она ни была достигнута. В этот момент он не только выполняет волю богов, но и уподобляется им. Поэтому в одах и поэмах XVIII в. часты сравнения

персонажей не только с Г., но и с богами. В этом сочетании бога и Г. в одном лице нет противоречия. Напр., М. М. Херасков пишет об А. Г. Орлове: *Является вдали мне Марсово лице: // Конечно то Орлов? В геройском он венце!* (М. М. Херасков, «Чесмесский бой», 1771–1787), имея в виду, что Г., потомки богов и смертных, воплощают собою своих предков, и лицо бога войны Марса может принадлежать его наследнику.

Взаимное тяготение Г. и их певцов друг к другу оправданно: Г. не может оставаться неизвестным, его нужно славить, «петь». Певец, в свою очередь, обретает бессмертие в своих творениях. Г. Р. Державин утверждал, что именно *Героев и Певцов вселенна не забудет* (Г. Р. Державин, «Монархия!», 1795). На каждого русского императора с подведомственными ему полководцами пришелся свой одописец (иногда несколько). Елизавету и Анну воспевали В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, Екатерину II — также Ломоносов, В. В. Петров, которого она называла «карманным стихотворцем», М. М. Херасков и Г. Р. Державин. Но первым русским героем, которого прославляли все вышеперечисленные авторы, был Петр I. Ср.: *О! Петр толь Великий, о! верх и царей, // О! героев всех храбрыми делами // Превосшедший всяко бывших в жизни сей...* (В. К. Тредиаковский, «Плач о кончине блаженный и вечно достойный памяти государя императора и самодержца всероссийского Петра Великого...», 1725–1752). Тредиаковский здесь включает Петра сразу в два ряда: лучших монархов и величайших Г. Постепенно, по мере того как петровская эпоха уходила в прошлое, первый российский император сам становился воплощением Г. и образцом для сравнения, наряду с Диомедом, Одиссеем (Улиссом), Нестором или Аяксами.

А. С. Пушкин написал о Петре I: *То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник...* (А. С. Пушкин, «Стансы», 1827). Г. здесь — одна из ипостасей императора, можно даже сказать, один из видов его профессиональной деятельности. Петр не герой-мореплаватель и не герой-академик, он Г. в те моменты, когда совершает героические деяния, т. е. одер-

живает военные победы, точно так же, как он становится академиком только когда занимается наукой. Это очень хорошо чувствовал Пушкин и потому, обратившись к образу Петра I, отчасти воспользовался риторикой предыдущего столетия.

То, что наследниками престола в России XVIII в. после Петра чаще становились женщины, чем мужчины, не мешало героической преемственности. Г. делают общее дело — преумножают славу России на полях сражений, и поэтому женщина тоже может быть Г. (точнее, *героиней*), но только если она выступает в роли полководца. Ломоносов неоднократно называет Елизавету Г. (известно, что Елизавете очень шло мужское платье и она любила в нем показываться), а в «Оде на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 г.» именует императрицу Анну Иоанновну *страны полночной героиня*.

Екатерина II менее прельщалась военной славой и предпочитала именоваться Российской Минервой, богиней мудрости. За нее роль Г. исполняли ее многочисленные фавориты: А. Г. Потемкин, П. А. Зубов, Г. Г. Орлов и др. Именно в эпоху Екатерины с наибольшей силой актуализировалось стремление России вернуть Константинополь в лоно христианской церкви и стать новым, третьим Римом. Этот *греческий проект* Екатерины не был осуществлен, но завоевание Крыма отчасти примирило ее с действительностью, т. к. она получила возможность взять под свое покровительство прямых наследников древних Г. — греков, населяющих Крым: *Ахелн, в тварей превращенных, // Минерва вновь творит людьми* (Г. Р. Державин, «На приобретение Крыма», 1784).

В русской словесности XVIII в. Г. никогда не становятся представители вражеского народа. Для русской культуры «нравственная добродетель», которая должна быть «приобщена» к мужеству (см.: Мужество), заключается в том, чтобы желать блага России. Поэтому противник не может быть Г. Признание благородства соперника возможно для частного человека в частном случае, напр. на дуэли, но недопустимо по отношению к врагу. Г. может проявить милость по от-

ношению к побежденным, но никогда не признает в них подобных себе. Тем не менее, в ранг Г. возводятся исторические деятели «догероической» эпохи, если они расширили пределы России и прославились военными победами. У Ломоносова Иван Грозный и Петр I разговаривают на равных: *Герою молвил тут Герой: // Нетщотно я с тобой трудился, // Нетщетен подвиг мой и твой, // Чтoб рос-сов целый свет страшился...* (М. В. Ломоносов, «Оде на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 г.»).

XIX в. создал новый тип Г. Отечественная война 1812 г. дала множество примеров героизма в современном понимании слова: отдельных подвигов, совершаемых людьми как благородными, так и «подлого сословия». И если Державин утверждал, что *прямой герой страстьми недвижим...* (Г. Р. Державин, «Памятник Герою», 1791), то герои войны 1812 г. — это не только полководцы с портретов в Военной галерее Эрмитажа, но и гусары Дениса Давыдова, *очаровательные франты* (М. И. Цветаева, «Генералам двенадцатого года», 1913), равно побеждающие на поле брани и в любовных битвах и умеющие ценить *всемогущее вино*, которое, по словам Жуковского, и есть *веселие героев* (В. А. Жуковский, «Певец во стане русских воинов», 1812).

В дальнейшем очевидна тенденция к расширению и, одновременно, размытию значения слова Г. Появляются *Г. труда* (см.: ИМЯНАРЕЧЕНИЕ СОВЕТСКОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ), *литературные Г.*, *города-Г.*, почти оксюморон *неизвестный Г.* и т.д. До логического предела этот процесс был доведен в эпоху постмодернизма — ср. слияние в едином образе обеих составляющих античной формулы «боги и герои» с фигурой «парня плечистого и крепкого» из «Рассказа о неизвестном герое» С. Я. Маршака (впервые под названием «Двадцатилетний. Современная баллада», 1937) в песне молодежного филолога, акына, бодисингера и современного скомороха Псоа Короленко «Залп» (1993): *много разных хороших парней // только ты // не забудь // когда будешь молиться богам // помянуть // помянуть // того парня который тогда // сделал свет // изo тьмы // сделал кош-*

ку и сделал котят // сделал рай // и ад // парень-герой // парень-герой...

Лит.: Словарь Академии Российской. Ч. I—VI. СПб., 1789–1794.

А. Ю. В.

ГРАНТ. 1. Сезонное краткосрочное мероприятие, отнимающее все физические и моральные силы руководителя проекта (см.: Руководитель проекта) лишаящее здоровья и сна исполнителей проекта (см.: Исполнитель проекта₁). Состоит в подготовке и отправке грантодателю (см.: ГРАНТОДАТЕЛЬ) зафиксированных на материальных носителях канонических документов — заявок (см.: ЗАЯВКА) (преим. в январе или сентябре) и отчетов (см.: ОТЧЕТ) (преим. в ноябре или декабре). Процесс подготовки занимает в разных региональных и культурных сообществах от 7 часов до 7 дней (ср. с такими реализациями в культурной нумерологии семиотики числа 7, как *семь братьев, семь Симеонов, седьмое небо, семь чудес света, цветик-семицветик*). Что касается формы подготавливаемых канонических документов, то «первоначально словесная часть <...> по-видимому, была незначительна <...>. Затем словесная сторона начинает разрастаться, становясь как бы пояснением совершаемого ритуала (см. также Г.2). Постепенно словесная часть начинает играть все большую роль» (Мифы народов мира, II, 236). Изменялись и способы их подачи: известны *бумажная*, предположительно более древняя (со временем дополненная первичным артефактом невыясненного назначения, т.н. *дискетой*, позже — двумя *дискетами*), и *электронная*, более поздняя.

Общими для разных региональных и субкультурных традиций признаками Г.₁ являются следующие: традиционно неожиданное сообщение сроков представления заявок и отчетов (напр., 30 сентября и 15 декабря соответственно); экстренное воскрешение в памяти содержания заявок при подготовке отчетов и содержания предыдущего отчета при подготовке нового варианта заявки с последующими грамматическими метаморфо-

зами канонического текста (при написании отчетов футуральные / инфинитивные глагольные формы и модальные конструкции заменяются претеритальными и перфектными глагольными употребленными, при написании заявок осуществляется обратная процедура); авральное выполнение ритуалов верстки, макетирования, кодирования в формате html, размещения на сайте.

Компоненты обрядовой трапезы, элементы костюма и модификации внешнего вида агентов варьируют в широком диапазоне. Некоторые информанты отрицают включение трапезы в традиционный сценарий Г.₁, однако «пристальное изучение этого момента не оставляет сомнений в том, что» (Пропп, 25) данный элемент присутствует. Так, известны адепты *кофейной*, *чайной*, *голодной*, *никотинообогащенной* и *алкогольной* грантовых диет. Широко распространены такие черты облика исполнителя проекта, как взлохмаченность, красноглазость, запорошенность содержимым картриджа для принтера и копира. Традиционным считается также дефицит (удаленность, труднодоступность, сомнительность существования) копий первых страниц публикаций участников со ссылкой на грантодателя. Известны случаи восполнения указанной недостачи путем обращения к исходным источникам в формате «Word». Поиск потерянных страниц осуществляется на жестких дисках ряда ПК, в ящиках электронной почты, на переносных носителях информации, известных в сообществе как *живы* и под. и требует последовательного прохождения ряда препятствий, причем в ряде случаев зафиксировано обращение для их преодоления к волшебному помощнику — т.н. *компьютерному гуру*.

Особой магической силой в традиционном представлении обладают подписи и оттиски гербовой печати организации, получающей финансирование, проставляемые в определенных каноном позициях на листах бумаги (Ballet, Svetocopy, Canon) формата А4 (210×297 мм.). Их отсутствие аннулирует чудесный эффект от коммуникации с грантодателем. Необходимым условием успешного исхода мероприятия

является также наличие у руководителя проекта *Плотного Конверта формата А4*, а в некоторых случаях — двух и более *Почтовых Карточек с марками* и курьера, способного в минимальные сроки преодолеть маршрут «город N — Москва».

2. Особый тип ритуальных практик, принятых в академических институтах и вузах. Известны просительный, благодарственный и хвалебный аспекты Г.₂ (последний аспект освещен на сайтах и в вестниках соответствующих *фондов*). По непроверенным данным, способствует социализации индивида и его адаптации в научном сообществе, облегчает конференционные миграции, в редких случаях имеет краткосрочный незакрепляющий психотерапевтический эффект повышения значимости индивида в глазах общества. Факультативно включает посещение сакральных локусов и ритуальных мероприятий: библиотек, конференций, семинаров, симпозиумов, поля (варианты последнего требуют от исполнителя проекта экспедиций в дальние страны, захолустные деревни, окрестные детские сады, школы, университеты, общежития, а также наличия диктофона и коммуникативных навыков).

Итог Г.₂ в благоприятных случаях бывает представлен в виде картотек, баз данных, докладов, статей и монографий, реже — словарей, учебно-методических комплексов и интерактивных курсов обучения. Процесс исполнения *проекта*, выполняемого в ходе реализации Г.₂, наводит на мысль об аналогии с мифом о Сизифе — сюжет с камнем (см.: Мифологический словарь, 502), процесс получения т.н. *трáншей*, или выплат, — на мысль об аналогии с мифом о Тантале — сюжет с наказанием. (см.: Мифологический словарь, 530).

См. также: ГРАНТОДАТЕЛЬ, ЗАЯВКА, ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРОЕКТА, ОТЧЕТ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА.

Лит.: Мифологический словарь. М. 1991. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. М., 1998; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

Я. Э. А.

ГРАНТОДАТЕЛЬ. Существо или группа существ (т.н. *фонд*), по непроверенным данным имеющее статус божества-благородателя в научном сообществе. При точном исполнении ритуала своевременной подачи заявки и отчета (см.: Заявка, Отчет), Г. якобы способен несколько повысить благосостояние обратившегося к нему индивида или группы индивидов на короткий срок. Образ Г. получил отражение в фольклоре отдельных субкультурных групп, ср. из народной песни-подтекстовки на мотив «Yesterday» (слова приписываются П. А. Клубкову (см.: КЛУБКОВ)): *Над дорогой дальнею // Облака плывут, // Власти федеральные*

// Гранты раздают! // Ой, мама, если бы...

См. также: ГРАНТ, Заявка, Исполнитель ПРОЕКТА₁, Отчет, Руководитель ПРОЕКТА.

Я. Э. А.

Г

ДИКТА́НТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ́.

Одна из наиболее укорененных в отечественной методической традиции преподавания родного (русского) языка (см. Родной язык, Уроки родного языка). форм отработки практического навыка грамотного письма на родном (русском) языке и проверки уровня освоения учащимися материала школьной программы по орфографии и пунктуации родного (русского) языка в объеме, необходимом для выработки у них соответствующего навыка; всякий вербальный текст, используемый в вышеописанных функциях; особый жанр методической словесности, стилистико-грамматические и содержательно-тематические характеристики которого являются оптимальными для продуцирования специальных текстов для реализации вышеописанных функций.

К сожалению, методическая теория не выработала классификации Д. П. Р. Я., аналогичной перечню типов изложения (*полный, выборочный, сжатый, с творческим заданием*), который в устной традиции филолого-педагогического сообщества кодируется посредством мнемонаграммы «Полина Виардо сожительствовала с Тургеневым».

Особенности поэтики жанра Д. П. Р. Я. определяются необходимостью на сравнительно небольшом пространстве текста разместить в достаточном количестве

словоформы и/или синтаксические конструкции, содержащие пройденные орфограммы и/или пунктограммы и наиболее эффективно проверяющие необходимый уровень их освоения учащимися посредством предоставляемой им возможности выбора между нормативным и ненормативным написанием. Основной набор таких единиц прочно освоен методистами-составителями и переходит из текста в текст, благодаря чему эти единицы обретают дополнительную функцию жанровых маркеров Д. П. Р. Я., функционально идентичных, напр., рефрену «*баю-баюшки-баю*» колыбельной песни или зачину «*встану благословясь, выйду перекрестясь*» народного заговора. Ср., напр.: *неглубокая, но широкая речонка, крашенная масляной краской и некрашенная мебель, заря разгоралась над равниной, на давно не кошенном лугу, на деревянной дощатой террасе, в камышовый поросли близ причудливо извивающейся речонки, холщовый мешочек, наполненный настрелянной в течение дня добычей, пробирющийся сквозь заросли какой-то стелющейся растительности отряд юннатов, тяжелораненый унтер-офицер, повернулся на бок на своей некрашенной чугунной кровати и под.*

В тематических орфографических Д. П. Р. Я. скопление словоформ, содержащих определенную орфограмму, и возникающая вследствие этого высокая степень концентрации разнообразных комбинаций фонем создает эффект аллитерации и придает текстам своеобразную музыкальность. Это особенно ощутимо при диктовке вслух Д. П. Р. Я., посвященных темам «Н—НН в суффиксах слов различных частей речи», «О—Ё после шипящих и Ц», «Употребление частиц НЕ и НИ», «Различение приставок ПРЕ и ПРИ» и нек. др., ср., напр.: *Изумленные родственники ошеломленно застыли, но под градом масляных вареников, пущенных в них взбешенным именинником, вынужденно отступили к отворенным дверям... Чопорный черт в черном шелковом пиджачонке и чесучовых шортах...; К сырой погоде я был не подготовлен, так как не захватил с собой на дачу ни плаща, ни*

непромокаемой обуви, ни даже какой-нибудь незатейливой одежонки, которую не жалко было бы трепать в непогоду.

В диктантах, не сосредоточенных на отработке одной орфограммы или пунктограммы (т.н., комплексных), подобный эффект созвучности возникает в результате использования особого методического приема, который заключается в том, что на небольшом участке текста намеренно размещаются пары омофонических словоформ, паронимов или слов с частично сходным морфемным составом, ср., напр.: *Попробуйте, крикните! Если вы крикнете...*; *Он уверял, что к ветрам всегда притерпеться можно, только я претерпевал эти превратности путешествия...*; *В пору искать прибежище... Но спрятаться в дупле впору только ребенку...*; *Он рассчитывал на скорое окончание путешествия, но расчеты его не оправдались...*; *...о трансевропейских экспрессах, трансатлантических перелетах...*

С целью отработки навыков написания т.н. словарных слов тексты Д. П. Р. Я. часто используют редкие антропонимы, малоизвестные топонимы, а также устаревшие, книжные и, реже, окказиональные, отсутствующие в нормативных словарях лексические единицы, ср., напр.: *вдова подъячего Аполлинария Никитична, старик Аниканыч, деревенька Волго-Верховье, предьяольская пора, мягкая прель и сухая игольчатая изжелта-красная осыпь.*

За историю своего существования жанр Д. П. Р. Я. выработал и очевидные сюжетно-тематические предпочтения. Из общего фонда сюжетных мотивов Д. П. Р. Я. наиболее частотными являются поимка нарушителя границы, работа геолого-разведывательной экспедиции, отдых бойцов на привале, возвращение с охоты и нек. др. Безусловным лидером по частоте использования в Д. П. Р. Я. следует признать мотив встречи группы людей с грозой. В обобщенном виде реализация этого мотива выглядит так: герои в *безветренный день*, когда *в небе ни облачка*, идут по *извивающейся тропке*, но что-то *грохочет в дали*, *неясной и туманной*, или

неожиданно блеснула молния — начинается гроза, *впору искать прибежище от дождя*, но, к счастью, *вблизи оказался домишко лесного обездчика* — *низенькое бревенчатое строенье*, где *гостеприимные хозяева потчуют* вымокших героев *изысканными яствами*, а когда *молнии наконец отблистали* и *барабанил-дождь сначала приостановил*, а затем и *вовсе прекратил свою трескотню*, *разрозненные полчища туч уносятся куда-то вдаль*, а стихии *больше не спорят*, не *ссорятся*, не *борются*, путники, *усталые, но довольные*, направляются *домой по уже езженному проселку*, а затем по *асфальтированному шоссе*, *заменившему старую немощеную дорогу.*

Еще одна общежанровая содержательная особенность Д. П. Р. Я. — чрезвычайно частотное присутствие в них сцены изобильного пиршества, которое, как правило, венчает охотничьи и/или метеорологические злоключения героев и происходит либо непосредственно на природе, либо в гостях у радушных хозяев обретенного жилища. Перечни блюд в этих сценах обычно описываются с особенной подробностью и обстоятельностью, ср., напр.: *Наутро хозяева накормили незваных гостей и вяленой олениной, и стреляными зайцами, и печенной в золе картошкой, напоили теплым кипяченым молоком; Маринованные грибочки, поджаренная колбаса, масляные ржанные лепешки, сгущенное молоко, говяжья тушенка, печеный картофель, немного вывалянный в золе, и глоток напитка, постоянно на каком-то диковинном снабдьё, — все это покажется вкусным на свежем воздухе даже самому сверхизысканному гурману.*

Сочетание вышеописанных художественно-стилевых и содержательных особенностей с функциональной установкой на проверку владения нормативной грамотностью в сфере правописания сближает Д. П. Р. Я. с известными в культуре явлениями словесности, в которых манифестации нормативного знания оформляются с использованием специфического языкового регистра, максимально удаленного от обывденной речи и общепонятной логики и содержащего большое количество устойчивых фонетических, син-

таксических, лексико-фразеологических, сюжетно-тематических блоков — такими как молитвы на сакральных языках, «темные» пророчества юродивых, заговоры и заклинания, технические описания и инструкции по применению приборов, речи лидеров тоталитарных держав XX в.

Сочетание особенностей жанровой поэтики и прагматики Д. П. Р. Я. обусловило тот факт, что в школьной субкультуре по отношению к ним фиксируется устойчивое предубеждение, согласно которому данный вид учебного задания является наиболее трудновыполнимым и психологически травматичным для учащихся. В некоторых случаях такое отношение к Д. П. Р. Я. сопровождается иррациональным страхом и принимает клиническую форму истерического психоза или устойчивой фобии, реализующейся, в частности, в широко распространенном суеверном представлении, отрицающем непосредственную корреляцию уровня владения орфографическими и пунктуационными нормами родного (русского) языка с результатом написания Д. П. Р. Я., который фиксируется отметкой, присваиваемой учащемуся педагогом по принятой в системе среднего образования в РФ пятибалльной системе.

М. Л. Л.

ДЕВУШКА ИЗ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ БЮДЖЕТНОЙ СЕМЬИ.

См.: Дочь бедных, но благородных родителей.

ДОЧЬ БЕДНЫХ, НО БЛАГОРОДНЫХ РОДИТЕЛЕЙ. Литературное клише для обозначения определенного женского типа.

Выражение Д. Б. Н. Б. Р. часто встречается в произведениях XVIII — начала XIX в. Ее буквальное значение — дочь бедных дворян, а подразумеваемый смысл — скромное достоинство, сокрытая добродетель. Нередко Д. Б. Н. Б. Р. оказывалась особой высокого происхождения, в силу житейских обстоятельств вынужденной покинуть отчий дом. Так, в драме Ф. Иванова «Награжденная добродетель, или женщина, каких мало» (1805) отстав-

ной майор, увлеченный простой крестьянской девушкой, восклицает: *Нет, нет! Она не крестьянка, — этого быть не может, тут должна скрываться какая-нибудь тайна, которую я проникну...* И действительно, крестьянка оказывается дочерью бедных, но благородных родителей. Важная для сентиментализма тема истинных добродетелей, не зависящих от богатства и социального положения, легко воплощалась в образе Д. Б. Н. Б. Р., чье генетически унаследованное благородство находило признание сентиментального героя. В романе М. Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев» (1842) герой, встретив «прелестную молодую девушку с печальным лицом», удивляется: *... И это небесное создание, этот ангел несчастлив!* Узнав же, что эта девица — дочь бедных, но благородных родителей, сирота, призренная покойною владелицей деревеньки, Мирошев расплакался и полюбил ее, полюбил сильно, глубоко и вечно, а не тою чувственною любовью, что вспыхнет да пройдет.

Можно точно установить время, когда эта формула получила свое новое значение. В 1841 г. И. И. Панаев написал повесть «Актеон», где фигурирует женский персонаж *дочь бедных, но благородных родителей* (курсив Панаева) — именно так она обозначена при первом появлении и в дальнейшем всегда именуется так же, хотя названо и ее имя — Аннеточка. Здесь Д. Б. Н. Б. Р. — приживалка при богатой помещице. Соблюдая правила дворянской вежливости, помещица рекомендует ее — именно таким образом — всем новым знакомым. Жестокая ирония состоит, видимо, в том, что после этой рекомендации на Аннеточку перестают обращать внимание.

В противопоставление предыдущей традиции, унаследованное «благородство» оказывается малопривлекательным. Панаев уловил скрытый комизм традиционного клише, построенного на двойном противопоставлении: во-первых, человек характеризуется через добродетели своих родителей, а не собственные; во-вторых, формула *бедный, но благородный* содержит снижающую оговорку, предвосхищая известное ироническое выражение «бедный, но честный».

Формула Панаева получила широкое распространение в петербургской среде. Показательно ее использование В. О. Михневичем для обозначения добродетельной посетительницы трактира сомнительной репутации («Картинки петербургской жизни», 1884). Несколько иной, но также иронический смысл этой формулы встречаем в рассказе А. П. Чехова «Ёлка» (1884), где взрослым детям предлагаются подарки: *Молодая, хорошенькая девушка, дочь бедных, но благородных родителей! Приданого ни гроша, но зато натура честная, чувствующая, поэтическая! Кто хочет? (Пауза.) Никто? — Я бы взял, да кормить нечем! — слышится из угла голос поэта.*

В советское время, особенно после 1956 г., формула Д. Б. Н. Б. Р. приобрела новую

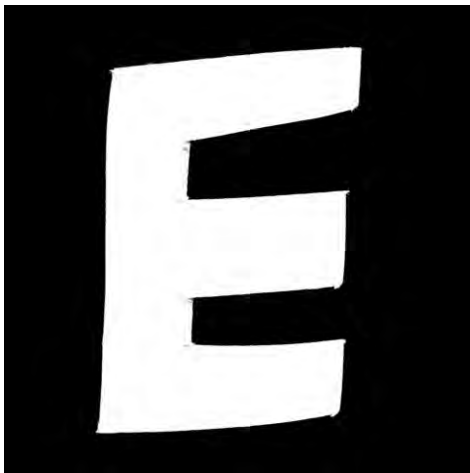
востребованность, став обозначением девушки из семьи бюджетной интеллигенции.

Д. К. Р.

ДОН. См.: ТУМБА.

ДУБА́Й. См.: ТУМБА.

ЕР / ЯТЬ. См.: Ъ / Ь.

ЁСЛИ БЫ / А ЁСЛИ БЫ ОН ВЁЗ ПАТРОНЫ? Риторическое клише, распространенное в современном речевом обиходе. Восходит к фильму «Непридуманная история» (1964, реж. В. Герасимов, сцен. И. Зверева, Ю. Дунского и В. Фрида по рассказу И. Зверева «Что человеку надо?», 1961), где эта фраза повторяется рефреном в сцене заседания товарищеского суда, произносит ее герой Ролана Быкова. В конце концов кто-то из присутствующих прерывает вопрошающего контрвопросом: *А если бы он вез макароны?*

Один из участников лингвистического форума в Интернете сформулировал функцию данного клише: «Обычно используется в ситуации, когда кто-то слишком напирает на сослагательное наклонение в своей аргументации», — при этом выразив удивление его популярностью: «Учитывая некультовость фильма, цитируется даже слишком часто» (Booker).

В свою очередь, распространенность выражения Е. Б. О. В. П. обусловлена частотностью «сослагательной» аргументации в русских / советских риторических практиках. Кlišе попадает в списки т.н. скриптов современного сознания, составляемые психологами прагматической

ориентации: *Если бы он вез патроны? (цитата из старого советского фильма).* Состояние, когда один человек выпадает по отношению к другому в неосознанную претензию и настырно пытается рассматривать ситуацию, которой на самом деле не было, но теоретически таковая могла бы произойти. При этом даже производится попытка осудить за то, чего не было. Такие пробуксовки есть почти у всех людей, особенно в отношениях супругов и родителей (Москалев).

Представляется значимым бросающийся в глаза «советский» колорит фразы. Антураж ее произнесения в фильме тоже красноречив — «типично совковая» проработка проштрафившегося человека. В такой ситуации подобные высказывания вполне могли выполнять функцию замаскированного доноса — так, в фильме А. Е. Б. О. В. П. звучит как обвинение в несовершенном преступлении. «Сослагательность» высказывания в советской судебной практике, как известно, нередко воспринималась как «изъявительность»: мог совершить — значит, уже совершил.

Вообще, такого рода конструкции, начинающиеся с *Если бы...*, эксплицируют некоторую модель советского менталитета, ярко проявляющуюся в частотных риторических ситуациях — ср.: *А если все будут кричать / толкаться / наступать на ноги / лезть без очереди / опаздывать / выпивать на работе / спать на лекциях...* и т.п. В тетради с записями Марии Григорьевны Лесмановой (1934 г.р., манси, пос. Березово ХМАО) — своего рода энциклопедии советских дискурсивных тактик — автор неоднократно использует, наряду с немалым количеством других речевых клише и стереотипов, и конструкцию *Если бы...: Прошу меня не обижать, так-как я очень больная женщина, а защищать. А дежурным молодым милиционерам запрещаю кино смотреть на работе, а кино смотреть после работы. Вы пришли на работу не кино смотреть, а работать. Я вежливо попросила паспорт найди это ваша обязанность объявить по радио. Может кто-нибудь найдет. А вы отказались от меня. И еще дочку обозвали вором. Мои дети никогда не были ворами. А сами се-*

ли кино смотреть. 25 августа в 1999 г пятницу нам мол не когда. Так отведи-ла молодой кругло лиций милиционер де-журный, а сам сел кино смотреть. Лад-но я домой пошла начала все документов перепирать и сама нашла. На этом ко-нец. А дежурный милиция не оказал по-мощь это его обязанность. Если летчи-ки во-время по лета на воздухе смотре-ли бы кино, то они давно разбились вме-сте с пассажирами. Если дорогой наш милый добрый, умный Березовский врач Персянев смотрел бы кино во-время ра-боты, то все больные умерли во-время опирация. Он понимает любой болезни, всем молодым врачам надо научиться от него. Он дорогой, милый, умный врач не будет для нас жить 300 лет. Это я советую всем врачам брать с него при-мер и все болезни от него научиться. Это самый дорогой врач Персянев. Я хо-чу сказать много лет жил и чтобы было ему здоровье и семейное счастье личной жизни. Такую жизнь желает гр-ка Ле-сманова Мария Григорьевна. Если учите-ля и воспитателя и зав дет — сада и все медсестры и акушерки роддома смот-рели бы кино. Все дети новорожденные умирали бы. Если бы учителя во — время урока смотрели бы кино, то бы все дети не стали бы грамотные.

Некоторая «патологичность» данного пассажа красноречиво проявляет «пато-логичность» самого советского риториче-ского дискурса, порождающего подоб-ные модели. Собственно говоря, эта дис-курсивная «ненормальность», отзываю-щаяся авторитарным стилем, и обыгрыва-ется иронически в цитате из фильма «Непридуманная история».

В песенном фольклоре XX в. мож-но найти нарративную реализацию кли-ше А. Е. Б. О. В. П., выполненную в жанре жестокого романа: *Ольшанский тракт* проложен до Херсона. // *И как-то раз по этому пути* // *Машина ЗИЛ, гру-женная бетоном,* // *Решила «Студебек-кер» обойти.* // *А «Студебеккер» вез бо-е припасы.* // *Вела машину девушка-шо-фер* // *Не жми на газ, не трать бен-зин напрасно —* // *Сильней у «Студебек-кера» мотор!* История, как положено по законам жанра, заканчивается трагиче-ски: гибелью и парня, и девушки по во-

ле рока, функцию которого выполняет «встречный МАЗ»: *А встречный МАЗ решил судьбу иначе.* В вариантах пес-ни Ольшанский тракт чаще заменяет-ся Московским, ЗИЛ — ГАЗом, «Студе-беккер» — «сто тридцатым» (ЗИЛ — 130) и т.д. Для усиления катастрофичности происходящего машина парня оказывае-тся «груженной бензином». Трагедийная разработка коллизии в жестоком романсе в контексте общего культурного поля яв-но полемична по отношению к гипотети-ческой истории о преступной халатности, на которую намекает фраза Е. Б. О. В. П.

Вторая часть диалогической конструк-ции, восходящей к сцене фильма (*А если бы он вез макароны?*), вызывает гораздо меньший резонанс в общественном созна-нии. В СМИ цитируется обычно первая часть, в разговорной речи может также воспроизводиться и вторая, и обе. По при-чине забытости фильма «Непридуманная история» ситуацию приходится домыс-ливать. Так, участник Интернет-форума предполагает, что «про макароны» гово-рит «какой-то пожилой и умудренный ра-бочий» (Booker). Возникновение подобно-го персонажа более чем симптоматично, а для 1964 г. «пожилой и умудренный» должен быть еще и фронтовиком. В сво-ей полной форме (с сохранением обеих частей) киноцитата строится по модели, очень характерной для русских (а не со-ветских!) риторических стратегий.

В народной паремнологической тради-ции есть ускользающий от исследова-тельского внимания жанр: наиболее ча-стотные в речи клише и стереотипы вызывают в ситуации диалога своеобразные игровые отклики. Они выпол-няют негативно-коммуникативную функ-цию (по Е. Л. Пермякову), то есть раз-рушают привычную модель речевого об-щения, одновременно опровергая ее ба-нальность. Этот жанр сходен с «допол-нениями» к пословицам («Тише едешь — дальше будешь... от того места, куда едешь»), но отличается от них тем, что «дополняет» не «народную мудрость», а самые стертые, тривиальные частот-ные речевые единицы. Несколько при-меров из речевого обихода жителей То-ропецкого р-на, Тверской обл.: — Кто? — Дед Пихто; — Кого? — Сеньку, брата мо-

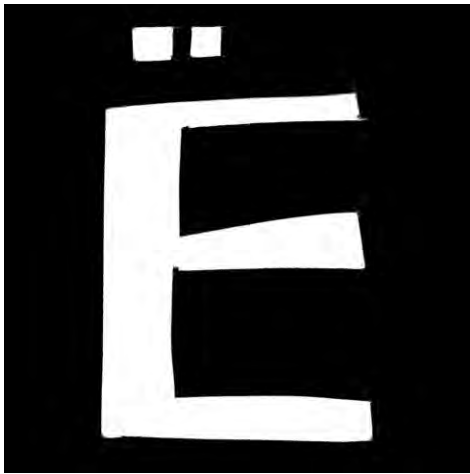
во!; — Чаво? — Насрала кошка на чело и кричит: «Черно, черно...»; — А мне? — У тебя нос в говне; — Сколько время? — Два берема, третий час за жопу тряс; — Что-то мне худо... — Съешь говна три пуда. Подобные «дополнения» опровергают непреложность диалогических конструкций, косвенно подвергая сомнению и содержание высказывания и прежде всего его серьезность. Собственно, ту же функцию выполняет и фраза *А если бы он вёз макароны?* — нейтрализует «глубокомысленность» высказывания (еще и граничащую с доносом) игровой рифмой: «патроны — макароны». В народной традиции можно найти и «дополнения» в большей степени акцентированные на семантике: — Сегодня тепло. — С носу потекло. Подобные *релятивные* риторические модели подвергают сомнению даже непреложность истины метеорологического прогноза, что уж говорить об опровержении «сослагательности», претендующей на «изъявительность». Обобщающей формулой «народ-

ного релятивизма» можно считать следующую: — Ну, так это... — Ну, так тое... А по поводу риторических конструкций *А если бы...* традиция тоже имеет свое устойчивое мнение: «Если бы да кабы — то во рту росли б грибы...»

Лит.: Москалев С. Если бы он вёз патроны? // Москалев С. Разноцветные вуали (Ranga Rang Negaabi): словарь [Версия книги от 22 апреля 2003] <<http://openpage.ru/smos/ei.html#2>>; Booker [Комментарий к теме «А если бы он вёз патроны?» на форуме «Охота за цитатами» от 23.07.07] // АБВУ Lingvo: [web-сайт] <<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=84545>>.

О. Р. Н.

Е

ЁЛКА СОВЁТСКАЯ. Ритуал празднования Нового года в советских детских (учебных, культурно-просветительских и дошкольных) учреждениях. Был введен в 1935 г., благодаря инициативе кандидата в члены ЦК ВКП(б) П. П. Постышева, который, по свидетельству сына, очень любил детей, а также рождественскую елку: маленьким мальчиком стоял под окнами богачей — заглядывался на роскошные елки и дрожал от холода и обиды (Постышев, 303–304). После того как в ноябре 1935 г. И. В. Сталин произнес свою знаменитую фразу: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее», Постышев поставил вопрос о елке на пленуме ЦК ВКП(б), и в дек. 1935 г. в газете «Правда» появился призыв к «горсоветам, председателям районных исполкомов, сельсоветам, органам народного образования»: «Давайте организуем к новому году детям хорошую елку!» («Правда», 1935, № 357, 28 дек.). Основная трудность, с которой столкнулись устроители первых Ё. С., состояла в том, что традиции рождественской елки, которой наследовала Ё. С., были связаны с недопустимым в советских учреждениях религиозным праздником, к тому же обычно проходящим в кругу семьи. Поэтому было нелегко обеспечить предписанное составителями методических указаний «наличие традиционных моментов наряду с внесением нового сюрпризного материа-

ла» (Дзержинская, 4–5). Организаторы Ё. С. обратились к практике школьных елок, которые проводились со 2-й пол. XIX в., в основном для сирот и детей из неимущих семей. Сценарии таких общественных елок состояли из нескольких пунктов: чтения стихов о зиме и елке, танца снежинок и подарков под елкой (см.: Душечкина, 275 — 314).

Т.о., «традиционные моменты» Ё. С. свелись к стихам Плещеева, Полонского, Некрасова и подаркам от Деда Мороза (впервые этот персонаж появился на елке в 1910 г.). По свидетельству очевидцев, первоначально эффект получился неожиданный: когда в детском саду «в группах детей 3–4 лет торжественно вошел Дед Мороз с палкой, запел песню „Не ветер бушует над бором...“ (из Некрасова) — шесть ребят расплакались. И несмотря на то, что руководительница сняла у Деда Мороза бороду и усы, дети не подходили к ней: подарка никто не хотел брать» (цит. по: Адоньева, 54).

Согласно методической директиве Ё. С. должна была остаться праздником чудесным, волшебным, но ожидание чуда необходимо было лишить религиозного смысла. Советскую мистику организовывали за счет создания таинственной атмосферы. Ср. описание Ё. С. 1937 г. в московском Доме союзов: «Первый зал украшен цветами... огромное панно с изображением Сталина среди детей... Всех заинтриговала темнота Колонного зала. На сцене зажглись два пылающих костра, и стала заметна поднимающаяся фигура Деда Мороза в белом костюме, с длинной бородой и с сумкой через плечо». Для младших школьников сценарий был немного изменен: «в Колонный зал впускают детей в полутьме. Елка зажигается, и перед детьми на сцене вырастает Дед Мороз» (цит. по: Адоньева, 55). Для создания большей интимности между Дедом Морозом и «школьниками» появилась «Снегурочка — шаловливая девчонка, которая мешает Деду в его разговорах с детьми, выдает его тайны детям» (Там же), а также елочные игрушки — зайчики, медведи, ежики — которые «один за другим» спрыгивали с елки и «оживали на сцене». Последним была отведена роль греческого

хора, только очень доверчивого и светливого.

Сюжет Ё. С. мог исчерпываться раздачей подарков (на елках районного масштаба); в других случаях разворачивались спектакли: персонажи низшей демонологии (Баба-Яга, Кикимора, Леший, Водяной) крали время / подарки / Деда Мороза / Снегурочку, «портили» Деда Мороза. Лесная нечистая сила не только создавала конфликт, но и нагнетала лишнюю религиозности мистическую атмосферу. Апофеозом мистики на Ё. С. стали двойники: перед изумленной публикой появлялись два одинаковых Бурагино или два Д'Артаньяна (обычно в полутьме): один хороший, другой — плохой. Они морочили голову нервным и доверчивым зайчикам и ежикам, и только дети, по замыслу сценариста, оказывались способны помочь Деду Морозу отличить хорошего персонажа от плохого. Плохой при этом обычно бывал физически неполноценен: хром, крив на один глаз, или ходил боком и воровато оглядываясь. Перевоспитанные к финалу они уже ничем не отличались от хороших своих двойников (см.: Леонтьева 246–250).

По замыслу создателей традиций Ё. С., это праздник должен был стать также «эффективным педагогическим мероприятием». Во-первых, Добро неизменно побеждало Зло и «плохие» персонажи перевоспитывались. Во-вторых, не каждый ребенок был достоин чуда новогодней елки: *Могут даже у ребят // Сбыться все желания, // Нужно только, говорят, // Приложить старания; Мне на днях сказала мама: // «Если все отметки пять, // Значит, ты имеешь право // Елку весело встречать», — говорил пионер, участник одной из Ё. С.* (цит. по: Леонтьева, 247).

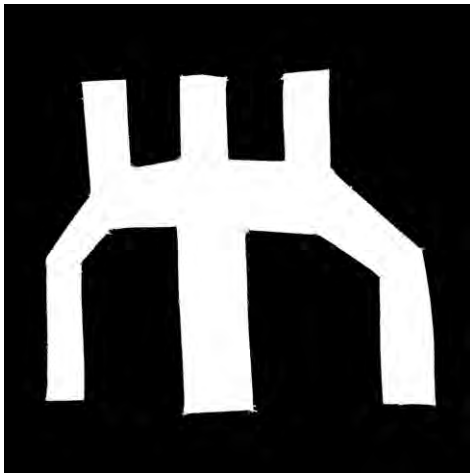
Право на подарок тоже надо было заслужить: напр., сплясать, спеть, рассказать стишок. При этом елочный подарок обычно был заранее оплачен, поэтому так или иначе, заслужить его удавалось каждому. На начальном этапе существования Ё. С. дети находили в кульке с конфетами записку: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Потом записки исчезли, но остальные «традиционные моменты» очень быстро закрепились и более уже не поддавались экспансии «сюрпризного материала» (напр., попыткам замены Деда Мороза на Космонавта и т.д.), поэтому ритуал празднования Ё. С. просуществовал почти в неизменном виде вплоть до распада СССР и даже пережил его.

Лит.: Адоньева С. Б. Категории настоящего времени. СПб., 2001; Дзержинская Ю. Новогодняя елка в детском саду // Ёлка: Сб. художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946; Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002; Леонтьева С. Г. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003, №1; Постышев Л. П. Воспоминания об отце // Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987.

А. П. М.

ЁШКА. См.: Йошкар-Ола.

Ё

ЖАНЛІС, мадам Жанліс. Литературное имя популярной французской писательницы Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графини де Жанлис, маркизы де Силлери (Stéphanie-Félicité Ducrest de Saint-Aubin, comtesse de Genlis, marquise de Sillery), 1746–1830. Ж. прославилась как автор нравоучительно-сентиментальных произведений для юношества («Театр для пользы юношества» (1779–1780), «Адель и Теодор, или Письма о воспитании» (1782), «Вечера в замке, или Курс морали для детей» (1784) и др.), любовно-приключенческих романов («Артур и Софрония, или Любовь и тайна» (1807), «Альфонс, или Побочный сын» (1809) и др.), псевдоисторических романов («Рыцари Лебеда, или двор Карла Великого» (1795), «Герцогиня де Ла Валиер» (1804) и др.), романов и повестей *из светской жизни* («Мадмуазель де Клермон» 1802, «Ида, истинная повесть» (1805) и др.), пьес («Агарь в пустыне» (1779), «Иосиф, узанный братьями» (1799), «Красавица и чудовище» (1779) и др.), мемуаров («Воспоминания Фелиции Л***, состоящие из отборнейших мыслей и изящнейших анекдотов» (1804), «Неизданные мемуары о XVIII в. и французской революции» (1825) и др.), нравоучительно-сатирических очерков («Дух госпожи Жанлис» (1804), «Сенклер, или Жертва наук и изящных искусств» (1808) и др.), учеб-

ных книжек («Ручная книжка для путешественников» (1808) и др.). Ж. проявила себя как чрезвычайно плодовитая писательница: ее литературное наследие насчитывает около девяноста различных произведений, из которых более пятидесяти переведено на русский язык.

Литературная деятельность Ж. во многом была сформирована ее эпохой, когда, по замечанию исследователей, «писали все: аристократы, буржуа, священнослужители, выходцы из народа, мужчины и женщины» (Ловерня-Ганьер и др., 201), а также житейскими обстоятельствами самой мадам Ж. Герцог Орлеанский, принявший впоследствии революционное имя «Эгалите», увлекшись молодой аристократкой, не только отличавшейся красотой, но и не упускавшей случая подчеркнуть свою образованность, сделал ее гувернанткой и воспитательницей собственных детей, в числе которых был и будущий король Франции Луи Филипп I. Отчасти для того, чтобы обозначить исполнение своих воспитательских обязанностей, Ж. начинает писать для детей, но довольно скоро переходит к сочинению разнообразных романов для широкой публики, не оставляя, однако, и педагогико-назидательного направления. В период, предшествующий Французской революции, Ж. придерживалась свободолюбивых взглядов, отдавая дань своеобразной революционной моде, распространенной в некоторых аристократических кругах. В бульварном романе современного автора Ги Бретона «Когда любовь была санкюлотом» (1992), где в числе прочих персонажей выведена мадам Ж., ей приписывается фраза «Нет ничего забавнее, чем революция!» Однако с началом революционного террора Ж. эмигрирует и ищет пристанища то в Бельгии, то в Швейцарии, то в Германии. Наполеон, став консулом, лично приглашает Ж. вернуться на родину, и та возвращается, но при этом подчеркнуто манифестирует свои роялистские взгляды в романе «История Генриха Великого» (1815), за что попадает в опалу. В период реставрации монархии Ж. возвращены все ее почетные титулы и регалии, назначена пенсия. Ж. не оставляет литературных трудов до конца жизни, демонстри-

руя теперь, по выражению автора статьи «Жанлис» в словаре Брокгауза и Эфрона, «взгляды самые консервативные и реакционные».

Насыщенная драматическими и скандальными событиями жизнь Ж., ее долголетие и литературная слава привели к тому, что сама Ж. становится героиней романов. В упоминавшемся уже опусе Бретона, входящем в цикл его многотомной сенсационной эпопеи «Истории любви в истории Франции», она выведена в образе искусенной светской развратницы и политической интриганки, в романе А. Дюма «Мадам Лафарг» (1855) описываются любовные авантюры Ж. и злключения ее дочерей в годы революционных потрясений, в романе В. Гюго «Отверженные» (1861) перед читателями предстает Ж.-старушка: «латинистка» и «суверка» (как ее аттестует сам Гюго). Ж. входит в списки «галантных красавиц» своего века, ее упоминают в мемуарах Талейран, А. де Кюстин и др.

Ж. создавала произведения в различных жанрах: от излюбленного ею псевдоисторического чувствительного романа, многословных нравоучительных бесед, многотомных мемуаров и драм до лапидарной сатиры нравов, одноактных комедий, анекдотов и афористики, но стиль ее оставался всегда узнаваем — патетический, тенденциозный, избыточный аллегориями, нарочитым остроумием, моралистическими сентенциями и литературными клише. Сюжеты книг Ж. чаще всего строятся на основе мелодраматической интриги, характеры героев схематичны, значительную роль играет образ автора-резонера, а созданные Ж. художественные образы отражают распространенные стереотипы. Впрочем, Ж. нередко удается достичь необходимого мелодраматического или сатирического эффекта, особенно в тех случаях, когда она берется обличать хорошо знакомые ей светские нравы и пороки: *Ты горько плачешь Мелания, из-за того, что матушка не разрешила тебе надеть новое платье с высокой греческой талией, а заставила носить старое, с карманами? Постой же, я живо утешу тебя! Ни в платье с карманами, ни без карманов, и ни в каком другом никогда не будешь, ты, Мелания,*

похожа на Венеру! («Дух госпожи Жанлис, или Изображения, характеры, правила и мысли, выбранные из всех ее сочинений, до ныне изданных в свет», 1808). В отдельных случаях Ж. предстает перед читателем едким литературным критиком (как, например, в очерке, где она нападает на готический роман — модное в ту эпоху литературное явление, составившее серьезную конкуренцию сочинениям самой Ж.), а также автором, обладающим наблюдательностью и мастерством тонкого психологизма, с какими описана, например, драма стареющей кокетки и пр.

Хотя романы Ж. были адресованы широкой публике (в «Войне и мире», например, Толстой «заставляет» Кутузова перед Бородинской битвой читать один из самых известных роялистских романов Ж. — «Рыцари Лебедя»), своей целевой читательской аудиторией она все же считала светских барышень и дам. В этой связи произведения Ж. являются не только (перефразируя Белинского) «энциклопедией женской жизни», где в калейдоскопическом порядке перетряхиваются на все лады *Любовь, Влюбленность, Охлаждение, Ревность, Невинность, Красота, Юность, Старость, Кокетство, Материнство, Измена, Наряды, Украшения, Бал, Мужья, Кавалеры, Соперницы* и пр., но и проводником в особый мир галантной культуры. Страницы книг Ж. заполнены описанием этикетных норм, пояснениями различных светских обычаев, ритуалов и реалий. Ж. пишет о галантных девизах, мушках, игре веером, салонных играх, бальном этикете и т.д. Характерен сюжет одного из ее романов («Цветы или художники», 1810), полностью построенный на принятой в салонной субкультуре эмблематике цветов (т.н. *флоршифрах*), где причиной любовных недоразумений и перипетий становится ошибочная адресация колец, содержащих этот самый флоршифр. Увлечение галантными иносказаниями подчас порождает комический эффект, на который сама Ж., разумеется, не рассчитывала — как, напр., в романе «Артур и Софрония, или Любовь и Тайна» (1807), героиня которого берет на память о своем возлюбленном рыцаре птичье гнездо и

на протяжении всего повествования носит его с собой, завернув в вуаль, «ибо гнездо есть символ надежды, а вуаль — символ тайны!»

Рецепция и резонанс произведений Ж. и семиотическая судьба этого имени в русской культуре не менее интересны, чем сами ее сочинения, давно отошедшие в область литературных реликтов. Наибольшая популярность творчества Ж. приходится на конец XVIII — 1-ю четверть XIX в., когда ее романы заняли едва ли не главенствующее место в чтении юных дворянок и стали, по ироническому замечанию К. Н. Батюшкова, «катехизисом молодой девушки» («Прогулка по Москве», 1817). У Пушкина книги Ж. неоднократно упоминаются в качестве своеобразной эмблемы девичьего чтения: ... *Жан-Жака ли читаешь / Жанлиса ль пред тобой?* («К сестре», 1814). То же и у А. А. Бестужева-Марлинского: *Я б мог представить вас среди полей, кусточков, / Гуляюще в тени лесов <...> / Или в душе с мечтой, с мадам Жанлис в руке, / Спешите к Волхову-реке...* («Послание к С. В. Савицкой», 1817) и т.д. В этом же качестве, но с негативной оценкой использует имя Ж. В. Ф. Одоевский в сатирической новелле «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» (1833), где «злодеи-басурмане» (чародей-лавочник, французская голова, английский живот и немецкий нос) готовят адское зелье, превращающее «славянскую красавицу» в безмозглую куклу: в это зелье, наряду с другими ингредиентами, входят и романы Ж. Для славянофила Одоевского творения Ж. являются символом вредоносного западного влияния, развращающего «наших красавиц». О том, что знаковая функция маркера девичьего чтения пушкинской эпохи весьма прочно закрепилась в русской культуре за сочинениями Ж., свидетельствует, напр., тот факт, что в студенческой поэме-переделке «Евгений Неглинкин», созданной в 1930-е гг. на мехмате МГУ, романы Ж. входят в семиотический ряд, при помощи которого создается клишированный образ пушкинской героини (... *И с ним должны быть неразлучны // Печальный нрав и томный вид, // Желто-зеленый цвет ланит, // <...> Трех нянь*

докушливый надзор, // Роман Жанлис и прочий вздор...), в то время как в «Евгении Онегине» ни книги Ж., ни их героини непосредственно не упоминаются.

В. Г. Белинский защищает от Ж. детскую литературу, в рамках которой ее произведения к тому времени стали хрестоматийными образцами назидательной *дамской прозы*. Его сакраментальная фраза: *Бедные дети, сохрани вас бог от осы, кори и сочинений Беркена, Жанлиса и Бульи!* («О детских книгах», 1840), в свою очередь, стала общим местом для всех, кто изучает историю русской детской литературы, и даже, как показывает опыт, тем немногим, что остается в памяти студентов, прослушавших соответствующий курс. Однако, несмотря на горячее осуждение творений Ж. многими критиками, ее произведения продолжают входить в круг рекомендованного чтения для девочек и издаваться до конца XIX в. Любопытное упоминание об этом содержится в повести А. И. Куприна «Впотьмах» (1892), где вчерашняя институтка сетует на то, что в институте благородных девиц не было других книг, кроме романов *противной Жанлис*, которые заставляли читать.

Начиная уже с 1830-х — 1840-х гг. упоминание романов Ж. приобретает еще один оттенок: чаще всего этим приемом маркируется отсталость, старомодность, ограниченность культурной среды и ее представителей. Романы Ж. становятся знаком провинциального чтения. Напр., в повести М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834) рассказывается, как в захолустный городок Сердобск Пензенской губернии «вырывается» литературная мода, уже давно минувшая в Петербурге и Москве: ... *Сестра городничего, девица зрелых лет, с лицом несколько уже поблекшим, но с юной душою и сердцем отменно романтическим, одна <...> выписывала из Москвы все романы знаменитой Радклиф и первая известила сердобских жителей о существовании господжи Жанлис*. Тот же ход использован И. А. Гончаровым («Обломов», 1859) и для характеристики Обломовки, где новостью становится известие о переводе романов Ж. на русский язык. Стереотип о популярности творений Ж. у провин-

циальных читательниц послужил основой и для известного святочного рассказа Н. С. Лескова «Дух госпожи Жанлис» (1881), подробный анализ которого был осуществлен недавно А. С. Жолковским. Рассказ Лескова построен на акцентуализации двух характерных черт творческого стиля Ж. — назидательности и фривольности. Лесков обыгрывает фрагмент из книги «Воспоминания Фелиции Л***», где скабрзную историю о якобы «ягодичеподобном» лице известного историка Гиббона Ж. излагает самым изящным образом, искусно используя фигуру умолчания.

Подобной двойственностью отличается и образ самой Ж., который загадочным образом не хочет оставить в покое русская культура. Если в стихотворении Пушкина «Разевавшись от обедни...» (1821) прозвищем *Жанлис* награждается героиня образованная, но непривлекательная, к которой обращен призыв *будь глупа, да хороша!*, то в постомодернистском романе М. Берга «Рос и я» (1991) эти строки подвергаются смысловой инверсии: героиня Берга (прототипом которой является первая жена Хармса Эстер Русакова) *глупа и хороша, как Жанлис*, причем такая характеристика использована исключительно для игры в литературные аллюзии. Если Толстой в «Войне и мире», давая несимпатичной Вере Ростовой прозвище *мадам Жанлис* справедливо рассчитывает на то, что у читателя мгновенно возникнет образ скучной моралистки, то у массового современного читателя заглавие статьи Т. Шоломовой «Александра Маринина: русская Кристи или мадам Жанлис?» (Питерbook, 2008, № 11) ассоциаций с нравоучительными романами и писательницей-резонеркой отнюдь не вызывает. Образ Ж., удаляясь от своей эпохи, становится все более размытым и неопределенным, делаясь, скорее, эмблемой чего-то *французского и галантного*.

В современной российской массовой культуре имя Ж. (которую упорно именуют Мадленой) представлено главным образом несколькими сентенциями, включенными в различные сборники афоризмов и обильно размещенными в Интернет-пространстве. Среди них особенно популярны три фразы: *Плакать — не всегда означает страдать; Дружба должна быть бесконечно более терпимой, чем любовь; Смерть есть только один шаг в нашем непрерывном развитии*. Вырванные из контекста и бесконечно повторяющиеся в печатных и электронных изданиях, они создают впечатление зашифрованного послания или даже повествовательного сюжета.

Лит.: Евгений Неглинкин: поэма // Сайт ПМ — ПУ СПбГУ: [web-сайт] <<http://www.apmath.spbu.ru/ru/staff/uteshev/neglin.html>>; Жолковский А. К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. Ловерьня-Ганьер К, Попер А., Сталлон И., Ванье Ж. История французской литературы. М. 2007; Рак В. Д. Жанлис // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004; Шарафадина К. И. Флоршифры в поэтике прозы С. Ф. Жанлис // Мировая культура XVII — XVIII вв. как метатекст: дискурсы, жанры, стили: Мат-лы межд. науч. симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Вып. 26. СПб., 2002.

И. А. С.

ЖАШ ЛЕНИНЧІ (киргиз.). См.: НОРЧИ ЛЕНИНЕЛИ.

ЗАБОР. Стена, чаще деревянная, служащая для ограждения, символическая граница между «своим» и «чужим», «культурным» и «природным» пространствами.

Наиболее маркирован докус около З. с внешней стороны (= под З.), который наделяется отрицательными коннотациями. Под З. валяется мусор и обитает собака (т.е. существо, считающееся нечистым): *Под заборами, в бурьяне, валялись дохлые кошки и арбузные корки* (В. В. Вересаев, «На повороте», 1901); *Пускай где хочет, у кого хочет ночует, на улице, под забором, с собаками!* (Е. И. Замятин, «Наводнение», 1929); *И кошка на печи терпит, и собака под забором тоже терпит* (Б. А. Можаяев, «Живой», 1964). Место под З. — универсальная свалка мусора, в т.ч. метафорического: *Не лучше ли сразу корову под топор, а заботу под забор?* (В. Г. Распутин, «Прощание с Матерой», 1976).

Кроме собак под З. обитают социальные низы, причем под З. проходит вся их жизнь. Здесь они рождаются: *Ночью я родился под забором, // Черти окрестили меня вором* (фольклор); *Родила меня мать под забором // И спустила меня в нищету* (фольклор); иногда матери бросают их под З.: *Если вы неподатливы или не найдете средств защитить дитя от притязаний матери, которая его не любит, но имеет на него права, — она обратится к властям и отнимет его у вас,*

и... потом его бросит... В приют или под забор... (Н. С. Лесков, «Пагубники», 1885); *Пьем за здоровье тех матерей, что бросают своих детей под забором!* (Дон Аминадо [А. П. Шполянский], «Поезд на третьем пути», 1954). Пространство под З. — обычное место пребывания нищих и бездомных: *Богач и говорит: Авраам, батюшка, тебя я беспокоить не смею, а вижу, с тобою сидит Лазарь коростовый, тот, что у меня под забором валялся* (Л. Н. Толстой, «Учение Христа, изложенное для детей», 1908); *И тогда Господин обращается к своим слугам: обойдите все задворки, пройдите по всем задним улочкам, соберите из-под заборов всех бродяг, хромых, больных и приведите сюда* (митрополит Антоний (Блум), «О верности», 1985–1994). Пьяницы под З. распивают спиртные напитки или спят тяжелым похмельным сном (что часто обозначается глаголом *валяться*): *Твое место под забором с бродягами распивать!* (Б. В. Шергин, «Мартышко», 1930–1959); *Блуждая глазами, Иван Савельевич заявлял, что днем в четверг он у себя в кабинете в Варьете в одиночку напился пьяным, после чего куда-то пошел, а куда — не помнит, где-то еще пил старку, а где — не помнит, где-то валялся под забором, а где — не помнит опять-таки* (М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», 1929–1939). Сексуальные связи под З. ассоциируются исключительно с развратом: *Ты там черт знает с кем валялась по улицам, под заборами, и ты опять, сволочь, лезешь в приличное, порядочное заведение!* (А. И. Куприн, «Яма», 1915); *Ликуя, разинув оскаленные рты, малолетки сваливают девку под забор* (Э. Лимонов, «Подросток Савенко», 1982); *Гуляй, герой, пока не свалишься, защищая честь родины, в сифилисе под забором* (М. С. Шагинян, «Перемена», 1923). Наконец, под З. умирают (околевают, подыхают, в т.ч. как собаки) — от пьянства, голода, нищеты и т.д.: *Не пойдешь за меня, сопьюсь, обопьюсь, под забором как собака околею* (П. И. Мельников-Печерский, «В лесах», 1871–1873); *О, вы не верите, что я смогу найти в себе столько великодушия, чтобы суметь кончить жизнь у купца гувернером или умереть с голоду под забо-*

ром! (Ф. М. Достоевский, «Бесы», 1871); Вероятно, зимой замерз где-нибудь под забором (А. А. Фет, «Семейство Гольц», 1870). Поскольку под З. умирают по недостойным причинам, смерть под З. вообще синонимична смерти в позоре и неизвестности: Самая лучшая смерть это та, которая почитается самой худшей: когда никого нет при человеке — умереть далеко на чужбине, в больнице, что называется, как собака под забором (Л. И. Шестов, «Апофеоз беспочвенности», 1905); Еще дымятся остовы изб, еще плачут на пепелище люди, еще хрипит под забором не подошедший фашист (Б. Л. Горбатов, «Письма товарищу» 1941–1943). Ср. также определение подзаборный, приписывающее объекту коннотации пьянства, непристойности, необустроенности и, с другой стороны, низкопробности: Шлюха она подзаборная! Каждую ночь в парке под кустами валяется (Б. А. Лавренев, «Ветер», 1924); Умер старик, прогнали Коську из ночлежки, прижился он к подзаборной вольнице, которая шайками ходила по рынкам и ночевала в помойках, в пустых подвалах под Красными воротами, в башнях на Старой площади, а летом в парке и Сокольниках, когда тепло, когда «каждый кустик ночевать пустит» (В. А. Гиляровский, «Москва и москвичи», 1934); Силаев по натуре не кисейная барышня, и не подзаборная ругань сама по себе убивала его, а вот это желание унижить тех, кто и так лейтенанту не ровня, насладиться превосходством счастливчика... (А. З. Анфиногенов, «А внизу была земля», 1982); Нет, мы не расписаны были, пьяница он подзаборная (Д. Донцова, «Микстура от косяглазия», 2003); Потому что, когда бы я ни включила радио или телевизор, я слышу эти подзаборные песни, вижу безвкусные клипы, где современные певцы так беспомощно, так непрофессионально играют! (Л. Смирнова, «Моя любовь», 1997).

То, что находится за З., напротив, описывается как защищенное, при этом подразумевается утрированная и излишняя забота хозяев двора о собственной безопасности и безопасности имущества, огражденного З., что характеризует их жадность или замкнутость: Я помню,

ощеренные, с прогнившими досками заборы — забор и под забором упавшего человека, когда все двери перед тобой захлопнулись, а калитки и ворота под замком заперты крепко; и эти проклятые стены, отгораживающие человека от человека — самодовольные свиньи хари, выглядывающие из-за заборов на твою беду и отчаяние... (А. М. Ремизов, «Взвихренная Русь», 1917–1923); Все великие правители сидят за заборами, чтобы их никто не мог достать, а показываются только при могучей охране и по телевизору, — вздохнул Козьявкин и подвел итог этому размышлению: чтобы быть великим, надо сидеть за забором (Ю. А. Кувалдин, «Забор», 2008); Из чего автор с необходимостью делает вывод — государство, огородившееся непреодолимым забором пресс-служб и секретарей, заботливо бережет репутацию своих воров («Огонек», 1997, 17 марта).

Сидение на З. представляет собой своего рода положение наблюдателя. На З. сидят обычно мальчишки, из животных — кошки и птицы, реже собаки, ср.: Емельянов кричал «Сидишь, мать твою так, как собака на заборе!» (А. Н. Толстой, «Гадюка», 1928); Толпа остановилась перед домом Марка Данилыча, а мещанские парнишки с учениками уездного училища взлезли на забор, что стоял насупротив смолокуровского дома, и, как воробьи, расселись на нем (П. И. Мельников-Печерский, «На горах», 1875–1880). Формула сидит X на заборе (где вместо X может быть милый, кошка, Ваня, Ленин и т.д.) представляет собой традиционный зачин частушек и традиционную частушечную экспозицию, напр.: Сидит Ленин на заборе, // Держит серп и молоток, // А у Троцкого на фронте // Все солдаты без порток.

Важной функцией З. является информационная: его поверхность представляет собой место для размещения объявлений, афиш и пр. (в этом З. синонимичен столбу (см.: Столб): Ни о какой войне с Францией не могло быть речи, вы еще и теперь найдете на заборах старые плакаты «Нет войне против Франции!» (М. А. Алданов, «Девятое термидора», 1921), Мартовский ветерок посвистывал в еще голых акациях,

шурша отклеившейся на заборе рекламой «займа свободы» (А. Н. Толстой, «Хождение по мукам», 1922). Наряду с санкционированной информацией, на З. размещается несанкционированная, под которой обычно подразумевается obscene лексика и непристойные рисунки ср.: На другой день, к удивлению страны — появилось «ё», видимо, для того, чтобы удобнее писать на заборах «е... мать» (Вс. В. Иванов, «Дневники», 1924–1962); В нашей стране, где роль комиксов довольно убого исполняли журнал «Крокодил» и неприличные рисунки на заборах, только сейчас начинают понимать значение жанра («Вечерний клуб», 2004, 22 дек.). Отсюда характеристика подобных надписей и рисунков как заборных (заборная поэзия, заборное творчество, заборная живопись и т. д.), напр.: Но если в XIX в., особенно в России, эротические стихи и проза более походили на юношескую шаловливость, зачастую отличающуюся художественными достоинствами, то наша современная «эротическая литература» с каждым годом все больше напоминает заборное творчество, блистающее цинизмом и пошлостью («Московская правда», 1996, 1 окт.).

Поскольку З. является преградой, преодолеть ее можно как санкционированным образом (через калитку), так и несанкционированным — через З. (что подразумевает перелезание через З. или перебрасывание через него каких-л. предметов) либо через дырку в З.: Советский человек все унесет, пронесет и вынесет, — вторил кому-то из очереди Буся, вернувшись с квасом, — это чисто советские понятия: вынести через проходную, перебросить через забор (Н. В. Горланова, «Гамбургский счет»,

1987–1998); Да, возможно, в то время подобные умения были единственным конкурентным преимуществом таможенного брокера, который знал, как найти пресловутую «дырку в заборе», чтобы снизить издержки клиента. Но сегодня, как выяснилось, самая большая и удобная дырка в заборе, через которую нужно пролезть, — это та самая официальная дверь, на которой висит табличка «Таможня»! («Бизнес-журнал» 2006, 5 дек.).

М. В. А.

ЗАЯВКА. Аналог молитвенного обращения к грантодателю (см.: ГРАНТОДАТЕЛЬ), инициирующий коммуникацию, отражает просительный аспект гранта (см.: ГРАНТ₂). Исполнение З. подразумевает использование особого кода и строгое соответствие канону. Канон составления З. закреплён в специальных опросных матрицах (т. н. *анкетах*) и часто включает такие элементы, как *Титульный лист* (в виде таблицы) и *Формы 1–8 (10)*. Требуем от заполняющего внимания, опыта и владения особым ритуально-магическим знанием.

См. также: ГРАНТ₁, Исполнитель проекта, Отчет, Руководитель проекта.

Я. Э. А.

З

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ СОВЕТСКОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ.

Процесс создания новых имен в СССР в 1920–1930-х гг., когда были сняты церковные ограничения на состав имен, регистрацию новорожденных стали вести отделы записи актов гражданского состояния, а родителям была предоставлена свобода в наречении детей любым именем; явление, получившее название «антропонимического взрыва» (Горбаневский, 152) или «антропонимического половодья» (Бондалетов 1976, 22). Хотя И. С. И. затронуло небольшой круг населения страны, оно отразило идеологические представления советского общества этого периода.

Послереволюционное время осмысливалось как начало «новой эры», которая приведет человечество в «светлое царство коммунизма». Путь к нему шел через построение «нового мира», «нового быта», «нового календаря», «нового человека». В обществе возникла потребность замены старого имени (в первую очередь — православных святцев) новым, т.к. «новый человек» должен входить в «новую жизнь» с «новым именем».

Основные тенденции И. С. И.:

1. *Имена в честь вождей народных выступлений и революций* (восстания рабов, крестьянские бунты, Великая французская революция конца XVIII в., Парижская коммуна и т.п. события): *Спартак, Марат, Робеспьер, Гарибальди, Уот*

(по имени вождя крестьянского восстания в Англии XIV в. Уота Тайлера), *Жанна* (в честь Жанны д'Арк), *Ванцетти* (имя порождено казнью в 1927 г. участников рабочего движения в США), *Мора* и *Томас* (в честь автора «Утопии» Томаса Мора, казненного из-за отказа дать присягу королю). Те лица, в честь которых назывались новорожденные, составили своеобразный пантеон «святых» и мучеников (аналогичный христианским святым): почти все они умерли несобственной смертью в «борьбе за правое дело». В присвоении новорожденному имени того или иного революционного деятеля проявлялась убежденность, что вместе с именем ему передадутся свойства того лица, в честь которого его называли, и (или) он получит его заступничество, патронаж.

2. *Имена, данные в честь основателя советского государства В. И. Ленина* (как его псевдонима, так и реального личного имени и фамилии). Экзальтированное и даже мистическое отношение к нему препятствовали использованию его псевдонима (*Ленин*) в качестве личного имени. Чаще всего имя Ленина использовалось в аббревиатурах или сложных сокращениях, породив наибольшее число антропонимических неологизмов. Напр., мужские: *Вилен, Виленин, Вил, Виль, Владилен, Виулен* — в последнем имени используются все четыре имени вождя: «Владимир Ильич Ульянов-Ленин»; женские: *Вилена, Виленина, Владилена, Лени́на* и др.. В некоторые имена инициалы Ленина или составляющие его псевдонима входили как часть: *Вилора* («Владимир Ильич Ленин — организатор революции»); *Ленэра* («ленинская эра») и др.

3. *Имена в честь других вождей мирового пролетариата*. Псевдоним Сталина (в чуть более позднее время) также явился основой ряда именных новообразований: *Сталий, Сталик, Сталь, Сталина* и др. В честь Энгельса были образованы имена *Энгелен* и *Энгельсина*, а имя Маркса, кроме того, что оно породило имена *Маркс* и *Маркса*, входит как часть в имена-аббревиатуры *Мазль* и *Мэла* («Маркс, Энгельс, Ленин»), *Марлен* и *Марлена* или *Марилена* («Маркс,

Ленин») и наконец, имя *Мэлис*, включающее в себя имена всех основоположников марксизма («Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин»). Использовались и менее значимые фигуры революционных деятелей советского государства: в честь С. М. Буденного — имя *Будена*, в честь М. В. Фрунзе — имя *Фрунзе*, в честь Ф. Э. Дзержинского — имя *Дзефа* (Егоров, 225–226) и *Дзерж*, в честь А. В. Луначарского — имя *Луначара*, в честь Алексея Ивановича Рыкова было образовано имя, построенное из его инициалов: *Аир*. Более консервативные родители, отказываясь от конструирования нового имени, использовали реальные имена, носителями которых являлись вожди и деятели мирового революционного движения. В послереволюционное время существенно активизировалось использование имени *Владимир* (см.: Белоусов, 182–183). Кроме того, присваивались такие имена как *Эрнст* (в честь Тельмана), *Клара* (в честь Цеткин), *Луиза* (в честь участницы Парижской коммуны Луизы Мишель), *Роза* (в честь Люксембург) и пр. Давались также имена детей вождей и основоположников марксизма: *Светлана* (имя дочери Сталина), реже — *Василий* (по имени сына Сталина), *Дженни* и *Элеонора* по именам жены и дочери Маркса. Эти имена начинали также ощущаться как «имена идеологического звучания».

4. Имена с использованием слова *революция*, воспринимавшегося как синоним Октябрьского переворота и приобретшего в языке советской эпохи высокий идеологический статус едва ли не самого освященного нарицательного понятия. Напр.: *Ор* («Октябрьская революция»), *Рев* («Революция»), *Революта* и просто — *Революция*. Некоторые имена представляли собой соединение элементов имен основателей марксизма и слова *революция*: *Виорел* («Владимир Ильич, Октябрьская революция, Ленин») или *Мэлор* («Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция»). Бывали и «парные имена», которые давались близнецам или же братьям и сестрам: *Рево* (мужское) и *Люция* (женское).

5. Имена с использованием слова «революция» в сочетании с другими идеологическими понятиями эпохи напр., *Ревмир*

(«революционный мир»). Их появление связано с тем, что *Октябрьская революция* рассматривалась как провозвестница революции *мировой*. В новом «революционном мире» рождаются «революционные дети» (*Ревдит* — «революционное дитя»), готовые завершить дело Ленина (*Изиль* — «исполнитель заветов Ильича», *Роблен* — «родившийся быть ленинцем», *Эдил* — «эта девочка имени Ленина»). Они наделяются несокрушимой волей (*Ревволя* — «революционная воля») и призваны идти в правильном направлении (*Ревпуть* — «революционный путь»). Вера в то, что реализация намеченных планов возможна лишь при наличии союза рабочих и крестьян (*Рикс* — «рабочих и крестьян союз»), что волна Октябрьской революции распространяется по всему миру (*Реввола* — «революционная волна»), а также стремление ускорить свершение уже начавшейся мировой революции (*Ремизан* — «революция мировая занялась»), породило имя-лозунг *Дамир* («Даешь мировую революцию!»).

Мировая революция, в честь которой образованы имена *Рем*, *Рема*, *Ревмир* («революция мировая»), *Всемир* (всемирная революция), оказывалась возможной лишь при опоре на учение марксизма (*Рэми* — «революция, Энгельс, Маркс»), а также при активном использовании достижений технического прогресса (*Рэмо* — «революция, электрификация, мировой октябрь»; *Рэм* и *Рэма* — «революция, электрификация, механизация»). Вскоре должна была наступить «новая эра» (слово *эра* приобретает идеологические коннотации, образовав имя *Эра*), эра коммунизма (*Эркама*). Заимствования из западных и восточных языков наделяются новым смыслом: *Лора* («Ленин, Октябрьская революция»), *Рената* («революция, наука, труд»), *Гертруда* («герой труда») (мужской вариант — *Гертруд*), *Лина* («Лига наций», *Зарема* («за революцию мира»)).

6. «Календарные» имена, которыми новорожденных называли по значимому в революционном календаре месяцу или дате. Напр., *Майя* или *Мая* (имя приобрело новый смысл, связанный с почитанием Международного дня трудящихся 1 мая); *Октябрина* (мужское — *Октябрь*) и *Но-*

ябрина, а также *Декабрист* (в честь восстания декабристов), *Восмарт* (в честь Международного женского дня 8 марта), *Первомай* и даже *Седьмое Ноября* (это двусловное мужское имя зафиксировано в актовых записях Ленинграда). «Календарным» также является имя *Даздраперма* («Да здравствует Первое мая!»), возможно анекдотичное. Стремление ускорить процесс построения нового мира сказывался и в «лозунговых» именах (*Пят-вечет* — «Пятилетку в четыре года»).

Основные тенденции И. С. И. 1920–1930-х гг. основывались на общей метафизической платформе, каковой являлась осознание советским народом своего призвания в мировой истории. Преображение мира может и должно быть осуществлено во исполнение великого замысла, созревшего в умах классиков марксизма-ленинизма — на этом строилась вера в великое и светлое будущее советского государства, отразившаяся в имитаторстве. Включение в новый именник иностранных имен и конструирование новых по иноязычным моделям свидетельствует о стремлении интернационализировать себя. Но к середине 1930-х гг., когда намеченная идеологическая траектория претерпела изменения и стало понятно, что «революция мировая» еще «не занялась», «антропонимическое половодье» начало спадать (Бондалетов 1983, 157), и хотя процесс образования новых имен продолжался и в более позднюю эпоху, идеологические интенции в характере именных новообразований, за редким исключением, себя изжили.

Лит.: Белоусов А. Ф. «Вовочка» // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996; Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, стилистическая структура и особенности изменений // Ономастика и норма. М., 1976; Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983; Ветина Т. Ф. Словарь личных имен. М., 1999; Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М., 1987; Данина Е. Ф. Имена-неологизмы // Лексика и словообразование. Пенза, 1972; Егоров Б. Ф. Воспоминания. СПб., 2004; Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974; Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965; Петров-

ский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1996; Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 1998; Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991; Шпилрей И. Н. О перемене имен и фамилий // Психотехника и психофизиология труда. 1929. № 4.

Е. В. Д.

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРОЕКТА. 1.

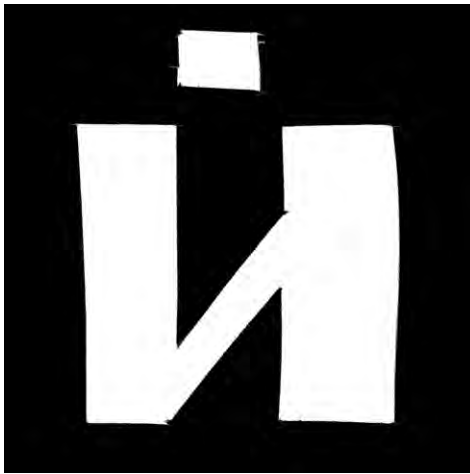
Представитель научного сообщества, совмещающий текущую деятельность с участием в сезонных мероприятиях по гранту (см.: ГРАНТ₁) и ритуальными практиками гранта (см.: ГРАНТ₂). Вступает в опосредованную коммуникацию с грантодателем (см.: ГРАНТОДАТЕЛЬ), в непосредственную — с руководителем проекта (см.: РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА), с которым, как правило, тем или иным образом знаком: возможны реализации ролей *Друга*, *Сокурсника*, *Коллеги*, *Ученика*, *Ученика ученика* (т. н. *Внучатого ученика*) и т. п. В предельном воплощении смиренен, быстр, усидчив, сообразителен, инициативен, способен к аскезе (длительному отказу от еды, сна, беседы). Во многих локальных традициях особенно ценятся И. П.₁, имеющие навык вырезания и наклеивания, обладающие знанием программ верстки и умением быстро обнаружить необходимые источники информации, а также характеризующиеся способностью к текstopорождению, редакторскими и корректорскими талантами, мобильностью.

2. Мифическое существо, упоминающееся в заявке и отчете (см.: ЗАЯВКА, ОТЧЕТ) среди участников гранта (см.: ГРАНТ₂), но не имеющее материального воплощения, т. н. *мертвая душа*.

См. также: ГРАНТ, ГРАНТОДАТЕЛЬ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА.

Я. Э. А.

И

ЙОШКАР-ОЛА (марийск. *Йошкар* — красный, *Ола* — город). Столица автономной Республики Марий Эл; экземплификатив (см.: ЭКЗЕМПЛИФИКАТИВ) названия города, начинающегося на букву Й при игре в города. Основана в 1584 г., историческое название Царевококшайск (с 1919 по 1927 гг. — Краснококшайск). Местным населением именуется *Ёшка* (*Йошка*); ср. общепотр. *Ёшкин кот!* выражающее удивление при виде столь экзотического животного, как кот из Й.-О. Расположена на живописном берегу реки Малая Кокшага (левый приток Волги), якобы названной по имени популярного персонажа марийского героического эпоса — богатыря Кокши. Город со всех сторон окружают сельхозугодья, лесные массивы и заливные луга. В этих краях, популярных сейчас как места отдыха, издавна проживают *луговые марийцы* (в отличие от *горных*, селившихся по высоким берегам Волги). Ландшафтная доминанта местности отразилась не только в наименовании населявшего эти земли народа, но и на идентичности здешней интеллигенции: под псевдонимом *Луговой* творил писатель Алексей Тихонов (1853–1914), который провел детство и юность в Царевококшайске и описал городские нравы в повести «Как росла моя вера» (1909) (Русские писатели, III, 398–400).

В дореволюционной России Царевококшайск являлся своеобразным аналогом современного Урюпинска, т.е. символизировал собой провинциальное захолустье, был его экземплификативом. В таком значении Й.-О. упоминается в произведениях русских классиков, соседствуя, что показательно, с другими синонимичными ему в этом смысле топонимами. Так, Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» повествует о мытарствах беглого крестьянина: *И пишет суд: препроводить тебя из Царевококшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь Весьегонск*. В романе И. С. Тургенева «Рудин» скептик и пессимист Пигасов пророчествует главному герою смерть *где-нибудь в Царевококшайске или Чуломе — на руках престарелой деви в парике*. Во многом такой репутации города способствовало его название, обращавшее на себя внимание «комическим несоответствием высокого „Царево-“ и грубого „-кокшайска“» (Белусов, 465). Те же культурные коннотации унаследовала и отчасти сохранила до настоящего времени Й.-О., название которой тоже не очень благозвучно для носителя русского языка. Напр., кинорежиссер Л. Гайдай, по свидетельству современников, любил говорить, что *снимать нужно так, чтобы было понятно любой бабушке в Й.-О.* (Подзорова, 30), имея в виду *в самой глухой провинции*. Возможно, реминисценцией этого высказывания Гайдая, понятной лишь узкому кругу деятелей отечественного кино, является упоминание Й.-О. в фильме «Ирония судьбы. Продолжение» (2007), в эпизоде, когда герои читают адрес регистрации в паспорте Лукашина-младшего: *Москва! — Москва... — Москва-а-а! Не Йошкар-Ола же!*

В то же время, очевидно, что Й.-О. не входит в группу существующих и вымышленных названий типа *Зажопинск — Крыжополь — Мухосранск — Урюпинск*, обозначающих условный провинциальный локус. В реальности Й.-О. (как и Йоханнесбурга) никто не сомневается, т.к. *в игре в города можно называть только настоящие города*. Нельзя поставить Й.-О. и в один ряд с *Карагандой*, воплощающей собой прежде всего крайнюю

удаленность от центральной России, тоже мифическую, но вместе с тем действительную и печально известную благодаря Карлагу. Й.-О. вряд ли сможет заменить Караганду в знаменитом *ответе в рифму: Где? — В Караганде!* — т.к. благодаря Й., редко встречающейся в русском языке в позиции начала слова, название Й.-О. однозначно воспринимается как иноязычное и инокультурное. При этом Й.-О. (наряду с Сыктывкаром) — один из крайне немногочисленных примеров закрепившегося советского переименования крупного города с использованием языка автохтонов (принципиально иная ситуация, напр. с Нарьян-Маром, также в переводе с ненецкого означающем «Красный город», т.к. он был преобразован в город только в 1935 г.). Большинство жителей Й.-О. хотя бы раз в жизни сталкивались с необходимостью не только объяснять населению других регионов, где находится Й.-О., но и доказывать, что она расположена в центре России, на Волге, а, напр., не на Северном Кавказе, хотя и созвучна, в частности, Махачкале. Последнее особенно актуально для йошкаротинцев, останавливаемых для проверки документов органами милиции на улицах Москвы или Петербурга.

Современная Й.-О. обладает столичным статусом и соответствующими амбициями, особенно возросшими в связи с выдвинутым после инаугурации президента России в 2008 г. проектом переноса государственной столицы в пос. Медведево, административно подчиненный Й.-О. (см.: Алексеев; о реакции городских и республиканских властей на это предложение пока ничего не известно). Поэтому город активно борется с репутацией захолустья как с наследием прошлого, закрепившимся в сознании или подсознании самих его жителей (ср. бытующее еще с советских времен наименование *Йошкар-дыра*). Эта борьба ведется на официальном уровне, в городских СМИ и популярной исторической литературе (см., напр.: Андреев), где постоянно высказываются опровержения дореволюционных представлений об отсталости города: «Но самое примечательное: в городе, который в литературе служил символом бескульту-

рья, дремучей отсталости, три улицы были названы именами великих русских писателей — Пушкина, Гоголя, Чехова, они с этими же названиями сохранились и сейчас» (Отсталость города).

Официальная позиция находит отклик в местном городском фольклоре, который постоянно подчеркивает значение Й.-О. для всей России и ее достоинства на фоне других городов и регионов. Напр., с начала 1990-х гг. среди населения города распространилось убеждение, что столица Марий Эл играет роковую роль в судьбах отечественных политиков: вскоре после визита того или иного государственного деятеля в Й.-О. его снимают с должности или (в более жесткой версии) он умирает.

Наконец, Й.-О., также еще с советских времен, претендует на славу лучшего или одного из лучших производителей продукта, имеющего символическое значение для России (СССР), — водки (на лидерство в этой сфере традиционно претендуют многие провинциальные города России, напр. — Калуга, Кашин, Муром и др). Согласно местной легенде, первый президент республики Марий Эл В. М. Зотин будто бы однажды сказал: «Мы почти ничего не производим, кроме водки. Но если мы делаем только водку, то пусть она будет самой лучшей». И с тех пор качество водки, производимой Фокинским ЛВЗ, расположенным в окрестностях Й.-О., всегда находилось под особым контролем властей города и республики. Впрочем, многие специалисты отказывают йошкар-отинской водке в праве претендовать на звание лучшей из-за специфических особенностей местной воды, используемой в алкогольном производстве.

С другой стороны, в краеведческой литературе признается, что первый человек с высшим образованием (лесничий, поляк Мартын Аполлинарьевич Контский) прибыл в Царевококшайск только в 1888 г. (Город ссылки). Поэтому в современной локальной мифологии Й.-О., стремящейся к преодолению стереотипа восприятия родного города как *медвежьего угла*, населенного темным, непросвещенным народом, большое внимание отводится про-

блеме образования и образованности. В частности, с середины XX в. в Й.-О. бытует мнение, что в этом городе больше всего высших учебных заведений, студентов и преподавателей на душу населения, чем во всей остальной России (СССР). В Й.-О. также принято гордиться грамотностью речи (особенно в сравнении с говорами других частей волжского региона), тяготеющей к московской норме, а не к тем или иным локальным вариантам (напр., *бордюр* вм. *поребрик*, *шаурма* вм. *шаверма*, *водолазка* вм. *бадлон* и т.д.). Тем не менее, узнать в любом русскоязычном сообществе йошкаротинца, причем даже давно покинувшего родной город, без труда позволяет своего рода йошкаротинский шиболлет — устойчивый речевой оборот *че хоть / хоть че*, употребляемый обычно в экспрессивных вопросительных предложениях типа *Че хоть это такое?! или Ты хоть че такое говоришь?!*

Т. о., современная городская культура Й.-О. — это поле столкновения двух направлений: «архаистов», по-прежнему считающих свой город *дырой*, и «новаторов», борющихся с этой тенденцией и гордящихся нынешним процветанием и славным прошлым марийской столицы. Для риторики обеих сторон актуальным и значимым является сопоставление с Москвой как *настоящей столицей* (вероятно, эта ситуация характерна и для других крупных городов — столиц автономий и районных центров, особенно в условиях возрождения регионов, начавшегося в последнее десятилетие). Не случайно республиканская целевая программа строительства социального жилья в Й.-О. носит название «Столица»: подразумевается, что в сознании жителей автономной республики Марий Эл столица может быть только одна — Й.-О. В соответствии с этим амбициозным проектом, в Й.-О. строятся дома, квартиры в которых на льготных кредитных условиях предоставляются работникам бюджетной сферы: в каждом доме по несколько семей обычных врачей, учителей, государственных служащих и т.п. По свидетельству

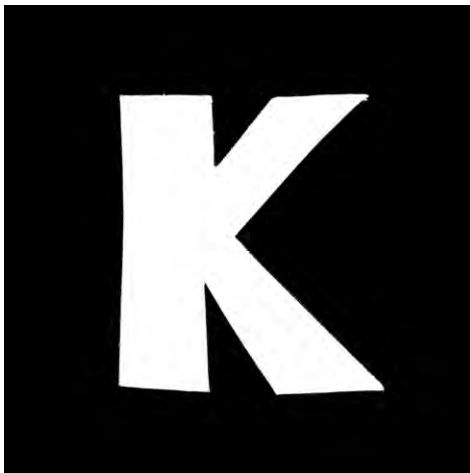
йошкаротинцев, в одном из таких домов получит квартиру и семья обычного президента республики Л. И. Маркелова, который лично занимался отбором наиболее достойных претендентов на соседство, независимо от их желания.

При этом показательно, что для жителей Москвы привлекательность Й.-О. как раз заключается в ее экзотичности (начиная с названия) и принципиальной нестоличности: *Завтра я буду в Йошкар-Оле. И самое большое достоинство этого еще невиденного мной города в том, что это НЕМОСКВА. Есть такая страна, такое пространство, такая часть Земли. Для меня она существует. Название ей — неМосква (mazepina).*

Лит.: Алексеев А. Год великого переноса // Власть. 2008, № 13 (776); Андреянов А. А. Город Царевококшайск: Страницы истории (конец XVI — начало XVIII в.). Йошкар-Ола, 1991; Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Город ссылки «умов» России // YoCity.ru (Йошкар-Ола — наш город!): [web-сайт] <http://www.yocity.ru/yoshkar-ola/city_deportation/>; Отсталость города, отрезанного от мира // YoCity.ru (Йошкар-Ола — наш город!): [web-сайт] <http://www.yocity.ru/yoshkar-ola/backwardness_city/>; Подзорова М. «„Операция Ы“ и другие воспоминания о бабушке из Йошкар-Олы: [Интервью Якова Костюковского]» // Московские новости. 1995, №47; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. III. М., 1994; mazepina [Запись в блоге Татьяны Мазепиной «Самый лучший город на Земле» от 7.03.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://mazepina.livejournal.com/727.html>>.

А. Ю. В.

КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК.

Цитата из стихотворения С. П. Щипачева (1898–1980) «Пионерский галстук» (1942), широко известного по первой строчке К. П. Г. Степан Щипачев — советский писатель, в широких кругах советской читательской аудитории знаменитый своей песенной и любовной лирикой: многие из его текстов, напр., «Любовью дорожить умеете» (1939), «Ты со мной — и каждый миг мне дорог» (1944), «Своей любви перебирая даты» (1944) имели письменное хождение в девичьей среде, переписывались в тетради со стихами (см. Альбом). Однако можно утверждать, что наиболее растиражированное его произведение — это стихотворение «Пионерский галстук». Подтверждением этой гипотезе служат суждения наших современников: Сергей Завьялов называет К. П. Г. «хитом» поэта (Завьялов, 245), а в статье в Википедии оно охарактеризовано как «самое известное произведение».

Творчеству Щипачева пионерская тематика действительно не была чужда: кроме К. П. Г. он написал другие стихи на пионерские темы и поэму «Павлик Морозов» (1950), за которую был удостоен Сталинской премии в 1951 г. Его сын Ливий Щипачев (1926–2001), после того как снялся в главной роли в культовом фильме «Тимур и его команда» (вышел на экраны 31 дек. 1940 г., автор сценария

А. Гайдар), на долгое время стал «лицом пионерии».

Тем не менее, «Пионерский галстук» не включен в интернет-антологию поэзии Щипачева, современные публикаторы лирики поэта предпочитают об этом тексте не вспоминать, не упоминается это стихотворение и в творческой биографии поэта в авторитетном биобиблиографическом словаре (Банк, 631–632). Но в то же время К. П. Г. всенародно известно, о чем свидетельствуют воспоминания соотечественников и устойчивое использование этой конструкции в современной речевой практике.

Тому есть несколько причин. Во-первых, стихотворение в качестве учебного текста с 1945 г. входило в состав учебных книг по чтению для третьего класса (см. Родная речь). Впервые как хрестоматийный текст оно было опубликовано в пособии «Родная речь» в 1945 г. в разделе «Школа, товарищи, семья» (Родная речь, 1945, 26–27). В этом разделе его окружают «Письмо к ребятам» Н. К. Крупской, «Песня пионеров Советского Союза» С. В. Михалкова, «Пионер Вая» Ивана Кожедуба, «Одна беседа» Льва Кассиля. По словам составителей этой хрестоматии, «все эти литературные произведения вводят учащихся в атмосферу пионерской жизни, воспитывают уважение к пионерской организации, желание с достоинством носить имя пионера» (Щепетова, Карпинская, 21). В первом издании 1945 г. и в последующих двух переизданиях (1946, 1948) текст стихотворения публиковался полностью и без каких-либо заданий, однако в 1950 г. было изъято четверостишие *Как повяжешь галстук / Ты светлей лицом / На скольких ребятах / Он пробит свинцом* (Родная речь, 1950, 49). В переизданиях 1950–1960-х гг. это четверостишие также опущено. Появится оно лишь в 1974 г. в хрестоматии других авторов (Родная речь, 1974, 8). А к полному тексту будут присовокуплены вопросы: «Почему пионер должен беречь пионерский галстук? Ответ подтвердите словами стихотворения. „Ты светлей лицом“. Объясните смысл этого выражения. „На скольких ребятах он пробит свинцом“. Как вы понимаете это предложение?» (Родная

речь, 1974, 8). В заданиях после раздела требуется выразительно прочитать стихотворение о пионерском галстуке (Родная речь, 1974, 23).

Итак, в составе книг для чтения К. П. Г. переиздавалось внушительными тиражами (в общей сложности более 40 переизданий). Напр., есть оно и в четвертом издании книги для чтения для 3 класса 1990 г. под общей литературной редакцией действительного члена АПН СССР С. В. Михалкова (Книга для чтения, 148). Помимо вопросов по содержанию произведения («Почему галстук красного цвета? Чем дорог пионерский галстук каждому пионеру? Какой призыв содержится в стихотворении?»), на той же странице можно обнаружить настоящее требование: «Выучи стихотворение наизусть» (Книга для чтения, 148). Таким образом, до 1980-х гг. стихотворение не требовалось учить, лишь в последнее советское десятилетие это требование вошло в хрестоматию. И именно последнее поколение советских детей лучше всего помнит текст и использует первую строчку в речи.

Во-вторых, в 1958 г. стихотворение «Пионерский галстук» было положено на музыку композитором Генрихом Семеновичем Бруком и входило в репертуар самодельных и профессиональных детских хоров. Впрочем, особой популярностью, похоже, эта песня не пользовалась.

В-третьих, оно включалось в состав сценариев приема в пионеры, т.к. его содержанием является трактовка символики пионерского галстука — одного из основных индивидуальных пионерских атрибутов, первая же строчка (непосредственно К. П. Г.) отсылает к ритуалу приема в пионеры, который к моменту написания текста как раз был в своих основных чертах разработан. Если в 1920-е гг. торжественное повязывание галстука не было прописано в инструкциях по приему в пионеры, то уже к середине 1930-х гг. неустойчивость ритуальной практики и отсутствие единой теории пионерских обрядов, и прежде всего ритуала приема, стали осознаваться пионерскими работниками: на страницах журнала «Вожатый» в 1935–1937 гг. дискутировались формы проведения приема в пионе-

ры (Адлер; Ольков). Методисты проявляют исключительное внимание к расширению и детализации торжественного акта вступления в пионерскую организацию, постепенно и на практике воплощается «праздничность» этого акта, накапливаются его церемониальные составляющие (а точнее, восстанавливаются скаутские ритуальные действия): построение отряда/дружины, вынос знамени, поздравительные речи почетных гостей, повязывание галстука, салют и пр. Эти ритуальные действия производятся по определенному шаблону, для закрепления этого порядка начинают создаваться специальные письменные/печатные тексты — сценарии.

Главное место в структуре приема занимает принесение обещания, оно несет основную символическую нагрузку, но и повязывание галстука в 1930-е гг. становится значимым элементом ритуала:

«Дающие торжественное обещание становятся в отдельную шеренгу перед дружиной. После команды „Смирно“ вожатый подает команду: „К выносу знамени приготовиться“. Знаменосцы выносят знамя дружины. Старший пионервожатый зачитывает список пионеров, дающих обещание, и подает команду: „К принятию торжественного обещания приготовиться“.

Дающие торжественное обещание повторяют вслед за читающим его текст, после чего подписывают текст и передают старшему вожатому.

Принимая от каждого подписанное торжественное обещание, *вожатый надевает пионеру красный галстук* и обращается к нему с девизом:

„К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!“ Пионер отвечает: „Всегда готов!“, впервые отдает пионерский салют и становится в общий строй пионерской дружины с левого фланга. С этого момента пионер имеет право носить пионерский галстук, нагрудный значок юного пионера, отдавать салют и на пионерский девиз: „К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!“ — отвечать — „Всегда готов!“» (О работе, 26–27).

С начала 1940-х гг. повязывание галстука уже прочно входит в ритуал приема в пионеры, и стихотворение Щипачева после его первой публикации в 1942

г. повсеместно включают в сценарии ритуала. Именно такой случай описывается в газетной заметке «Юра исправился»: «Никогда мальчик не забудет этот радостный день. Ребята сказали: „Юра будет хорошим пионером“. Когда ему надевали красный галстук, Алла Царькова продекламировала: *Как повяжешь галстук, — береги его, Он ведь с нашим знаменем цвета одного...*» («Ленинские искры», 1957, 27 янв.).

Существенно, что К. П. Г. тиражировалось не только печатным способом, но и включалось в рукописные сценарии ритуала приема в пионеры. В этом случае стихотворение фрагментировали, могли разнести его фрагменты по разным эпизодам сценария. Естественно, что в сценариях текст стихотворения демонстрирует больший уровень варьирования, чем при печатном воспроизведении. Хотя и в переизданиях «Пионерского галстука» отмечается вольное обращение с оригиналом: так, строчка *он от теплой крови стал еще красней* систематически заменяется на *он от юной крови стал еще красней* (Песни горна, 11).

Постепенно с 1930-х гг. развивается и иконография повязывания галстука (живопись, газетная и журнальная графика, открытки, плакаты). Среди этих визуальных клише два плаката называются К. П. Г., в частности, плакат Марии Феликсовны Брибейн (1892 — 1971), выпущенный Изогизом в 1954 г. (1 лист 56 × 82 см). Кроме того, нередко стихотворение Щипачева или его первая строфа помещались на стендах в пионерских комнатах, школьных рекреациях и коридорах.

С 1957 г. цитата из «Пионерского галстука» включена в «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой как пример словоупотребления глагола *повязать*: *Как повяжешь галстук, Береги его, Он ведь с нашим знаменем Цвета одного. Щипачев, Пионерский галстук.*

Известно большое число пародийных обыгрываний клише К. П. Г. Напр., *Как повяжешь галстук береги его, // Есть на чем повеситься в случае чего, Как повяжешь галстук, // Спьяну не пой песен, // Помни, что на галстуке // Могут и повесить; Как повяжешь галстук — береги его, // А как есть заго-*

чешь — поверни его; Не стесняйся пьяница носа своего, // Он ведь с нашим знаменем цвета одного; Как повяжешь галстук — береги СБ его, // Он тебя задушит ночью одного; Как повяжешь галстук, // Береги его. 75(55) копеек // Стоимость его... И более поздние варианты: *Как повяжешь галстук — береги его, // Он ведь с датским знаменем цвета одного; Как получишь доллар — береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного; Как повяжешь галстук — береги его. // Он ведь от Версаче. Стоит ого-го.*

Можно встретить попытки реального комментария к некоторым пародиям на К. П. Г., так, вариант *Как наденешь галстук — береги его, ведь с икрою красной он цвета одного* Алексей Козлов датирует хрущевскими временами: «...когда икра исчезла из системы торговли и, перейдя в сферу партраспределителей, стала дефицитом, народ откликнулся такой шуткой, пародировавшей пионерский завет» (Козлов, 59). В отдельных случаях делаются попытки найти автора пародии, напр., литератору-концептуалисту, остроумцу Вагричу Бахчаняну приписывается другая перефразировка: *Как повяжешь галстук — береги его. Он ведь с красной рыбою цвета одного* (Бахчанян, 58). В репертуаре панк-группы «Красная плесень» есть песня *Как повяжешь галстук береги его, он с затычкой красной цвета одного* (альбом «Гаечный ключ для крейсера Авроры», 2001).

Фраза К. П. Г. весьма употребительна в современной речевой практике. Гардеробная тематика стихотворения оказалась на частой встречаемости К. П. Г. в текстах, посвященных мужскому гардеробу, в частности костюмному галстуку. Напр., в журнале «Объект» (2003, № 9) К. П. Г. стало названием статьи Георгия Михайлица об истории галстука со времен Людовика XIV.

В современной речевой практике в основном эксплуатируется грамматическая конструкция клише К. П. Г. и семантика наделения (Как/раз/если + V, indic, sg, 2p, pf + S, acc) *Как получишь документ, береги его; Как получишь паспорт, береги его...; Раз получишь номер — береги его.* Встречаются и бо-

лее трансформированные варианты: *Как подарят галстук, береги его; Получил военник — береги его...; Как сделают капремонт — береги его; Если встретила ма-
някя — береги его!; Если встретил лося — береги его; Купишь «Аквафреш» — береги его, он ведь с нашим флагом цвета одного!*

Лит.: Адлер И. Работа группы октяб-
рят // Вожатый. 1935. № 9; Банк Н. Б. Ши-
пачев Степан Петрович // Русские писате-
ли XX век. Библиографический словарь.
Под ред. Н. Н. Скатова. М., 1998 (переизд.:
М., 2005); Бахчанян В. Мух уйма (Худо-
жества). Не хлебом единым (Меню-коллаж)
/ Предисл. А. Гениса. Екатеринбург, 2006;
Завьялов С. Перипетия и трагическая иро-
ния в советской поэзии // Новое литерату-
рное обозрение. 2003. № 59; Козлов А. Козел
на саксе. М., 1998; Книга для чтения 3(II).
Учебник для учащихся 3 класса трёхлет-
ней начальной школы. В двух частях. Часть
вторая. Сост. В. Г. Горецкий, Л. Ф. Клиmano-
ва, Л. К. Пискунова, Л. С. Геллерштейн. М.,
1990. (4-е изд.); Ольков Г. О приеме, нович-
ке и торжественном обещании // Вожатый.
1935. № 1; О работе пионерской организа-
ции им. В. И. Ленина. М., 1942; Песни гор-
на. Стихи и песни. Свердловск, 1981; Родная
речь. Книга для чтения в III классе началь-
ной школы. Сост. Е. Е. Соловьева, Н. Н. Ще-
петова, Л. А. Карпинская, В. И. Волынская,
А. А. Канарская. М., 1945; Родная речь. Кни-
га для чтения в III классе начальной шко-
лы. Сост. Е. Е. Соловьева, Н. Н. Щепетова,
Л. А. Карпинская, В. И. Волынская, А. А. Ка-
нарская. М., 1948. (4-е изд.); Родная речь.
Книга для чтения в третьем классе. Сост.
М. С. Васильва, Л. А. Горбушина, Е. И. Ники-
тина, М. И. Оморокова. М., 1974; Словарь
русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингви-
стич. исследований; Под ред. А. П. Евгень-
вой. 4-е изд., стер. М., 1999; Н. Н. Щепетова,
Л. А. Карпинская Методические указания к
книге для чтения в III классе «Родная речь».
М., 1950.

С. Г. Л.

КЁРЧЕНСКИЕ ПУЗАНКЙ. См.:
Кондинский карась.

КЛУБКОВ, Павел Анатольевич.

Д. К. У.

КНІ́ГА ДЛ҃Я ЧТ҃ЕНИЯ. Название учебного пособия для начальной школы, представляющего собой сборник отдельных текстовых фрагментов (*статей*) для упражнения в чтении после освоения грамоты, пересказе и заучивании наизусть, а также для развития кругозора и когнитивных способностей учеников. Как правило, К. Д. Ч. включают в себя как фрагменты литературных произведений, так и тексты, написанные специально для этих учебных пособий, нередко их составителями.

В современной библиотечной, изда-
тельской и педагогической практике
К. Д. Ч. не выделяют в самостоятельный

вид учебного пособия и рассматривают как частный случай хрестоматии. Так, в энциклопедии «Книга» в статье «Хрестоматия» указывается, что «разновидность хрестоматии — книги для чтения („Родная речь“ в начальных классах)» (см.: *РОДНАЯ РЕЧЬ*), при этом предлагается довольно точное описание ее отличительных признаков: «... в них наряду с художественными произведениями (или отрывками из них) включаются статьи по разным отраслям знаний — истории, географии и др. Классическими образцами таких хрестоматий являются книги К. Д. Ушинского „Родное слово“ и „Детский мир“» (Книга, 579). Подобная точка зрения получила распространение при разработке типологии учебных книжных изданий в 1970-х гг.: «хрестоматии, включающие в себя научно-популярные произведения, называют, как правило, книгами для чтения. Они предназначены для начального обучения и внеклассного чтения» (Васильченко, Чернет, 29).

Однако в начале XIX в., когда оба эти наименования учебных пособий только входили в употребление, они имели разные применения. Изначально *хрестоматиями* (или *хрестоматиями*) называли сборники текстов (*образцов*), употребляемые при обучении классическим языкам (напр.: *Хрестоматия, или Избранные места из латинских классических писателей, изданная по руководству Гедике Императорским Харьковским университетом в пользу гимназий его округа* (1806); *Греческая хрестоматия с латинским переводом, с русскими отчасти с латинскими примечаниями и словарем* Х.-Ф. Маттеи (1806); *Хрестоматия латинская для употребления в семинариях Андрея Прокоповича* (1811) и др.), позднее появились и хрестоматии для изучения современных иностранных языков (напр.: *Французская хрестоматия, или Собрание разных писем на французском языке, в употребление введенная в учебные заведения и частные пансионы Московского учебного округа В. И. Запольского* (1826); *Французская хрестоматия для начинающих* (1827); *Хрестоматия для перевода с немецкого языка на русский, составленная для употребления в низших классах высших учебных за-*

ведений и в уездных училищах Остзейских провинций, учителем русского языка В. Благовещенским (1841) и др.). И лишь с появлением в 1843 г. *Русской хрестоматии* А. Д. Галахова этот тип учебного пособия с соответствующим наименованием получает широкое распространение в преподавании российской словесности в гимназиях.

Название *Книга для чтения* изначально применялось исключительно для обозначения учебных пособий, используемых для совершенствования навыков владения русским языком при начальном обучении. В известном смысле, первыми русскими К. Д. Ч. можно считать *азбуки*, в которых уже начиная со 2-й половины XVIII в. регулярно печаталось некоторое число текстов для чтения после освоения алфавита. Однако само понятие К. Д. Ч. появилось лишь тогда, когда отечественные педагоги и книгоиздатели обратились к опыту немецких коллег. Как известно, переводные иностранные учебные пособия были вполне характерным явлением для российской школы конца XVIII — начала XIX в. Отечественная педагогика в эпоху своего становления постоянно перенимала европейские достижения образовательной теории и практики, используя разработанные и получившие признание в Европе формы и методы обучения, способы организации учебного процесса и школьной жизни. Так и словосочетание *книга для чтения* впервые в истории отечественного книгоиздания встречается в 1797 г. в названии выпущенного Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге переводного учебного пособия *Детский друг. Книга для чтения поселянам, изданная на Российском языке с подражанием 2-му Рокову*. Издание представляет собой русскую версию учебного пособия «Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen» (Brandenburg und Leipzig, 1776–1779), составленного немецким педагогом Фридрихом Эбергардом фон Роховом (F. E. von Rochow) и чрезвычайно популярного в Германии (переиздавалось вплоть до 1852 г.).

Широкое распространение в российской учебной книгоиздании и педагогической практике К. Д. Ч. получили на-

чая с 1830-х гг. вслед за появлением русских версий другого немецкого учебника для начальной школы — «Der deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen von F. P. Wilmsen» (1801). О популярности и распространенности пособия Ф. Вильмсена не только в Германии (более 200 переизд. до 1870 г.), но и в России свидетельствует тот факт, что в XIX в. в разных учебных округах (Санкт-Петербургском, Московском, Варшавском, Одесском) независимо друг от друга было издано несколько ее переводов и переработок под разными названиями (напр.: *Чтение для умственного развития малолетних детей и обогащение их познаниями* Е. Гугеля (Санкт-Петербург, 1832), *Начальное чтение для образующагося юношества* А. Ф. Вельтмана (Москва, 1837), *Друг детей. Книга для первоначального чтения* П. П. Максимовича (Санкт-Петербург, 1-я ред. — 1839, 13 переизд. до 1878 г.; 2-я ред. — 1840, 32 переизд. до 1899 г.), *Книга для чтения в пользу начинающих учиться русскому языку. Отделение первое* (Варшава, 1842) и др. Постепенно переводы немецких К. Д. Ч., а также составленные по их образцу отечественные издания для начальной школы вытеснили единую учебную книгу, включавшую в себя азбуку, грамматические упражнения и тексты для познавательного и развлекательного чтения, т. к. она перестала соответствовать новым представлениям о задачах и методике *первоначального обучения*. Вместе с немецкими учебниками для начального обучения было заимствовано и их видовое название *Ein Lesebuch*, переведенное как *книга для чтения*.

Само словосочетание *книга для чтения* для носителя русского языка выглядит весьма странным, поскольку прямое и основное функциональное предназначение любой книги есть чтение. Уточнение, что данная книга служит именно *для чтения*, является смысловой тавтологией, граничащей с абсурдом. Однако широкое распространение переводных учебных пособий такого рода в 1-й половине XIX в., а затем и составленных по той же модели отечественных способствовало их популярности и закреплению за ними видо-

вого названия К. Д. Ч. в российской педагогической и издательской традициях XIX — начала XX в. Более того, известен случай, когда учебное пособие, представляющее собой классический пример хрестоматии (т. е. включающее в себя только художественные произведения и отрывки из них), но предназначенное для употребления в начальной школе именно для упражнений в чтении и развитии речи, стало называться К. Д. Ч.: в 1843 г. А. Д. Галахов издал для начальной школы учебник под названием *Русская хрестоматия для детей (Книга для первоначального чтения и практического изучения русского языка)*. Позднее в переизданиях скобки были убраны и поставлен союз «или», уравнивающий оба названия, а последующие издания в 1850-х гг. имели лишь один заголовок *Книга для первоначального чтения и практического изучения русского языка*.

Несколько позже К. Д. Ушинский попытался четко развести два этих близких вида изданий при составлении пособия для начального обучения: *Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы* (1861). В его первой части, которую педагог назвал К. Д. Ч., собраны рассказы из разных областей наук, специально написанные им для детей, а во второй — хрестоматии — художественные произведения и отрывки из них. Подобное решение, несмотря на популярность «Детского мира», не получило широкого распространения среди составителей учебных пособий. Можно назвать еще всего лишь одно издание, составленное и названное по такому принципу: это пособие Н. Н. Блинова *Ученье — Свет. Книга для чтения и хрестоматия к ней Пчелка* (1884). Сам Ушинский уже при составлении следующего учебного пособия для начальной школы «Родное слово» (1864) отказался от такого деления текстов на группы, а разместил их по темам, перемежав в рамках каждого раздела небольшие учебные статьи с примерами из художественных произведений. При этом в качестве общего обозначения для своего учебника он избрал К. Д. Ч.

Таким образом, в XIX — начале XX вв. для начального обучения чтению и развитию речи широкое распространение (более 300 наименований) получает учебное пособие, за которым обозначение К. Д. Ч. закрепилось в качестве видовой характеристики. За это время окончательно сложилась их структура, а во многом и содержание: одна часть контента оставалась подвижной и наполнялась меняющимися статьями, написанными современными авторами или описывающими новые жизненные реалии, другую (приблизительно две трети объема книги) составлял устойчивый набор текстов (как художественных, так и учебно-публицистических), сделавшихся в буквальном смысле слова *хрестоматийными*.

Отсутствие К. Д. Ч. как видового обозначения в советских и постсоветских типологиях книжных изданий объясняется тем, что дореволюционные К. Д. Ч. в 1920-е гг. были выведены из употребления в педагогической практике, а новые учебные пособия, заменившие их в начальной школе, получили официальные названия *учебник по чтению* или *хрестоматия по литературе для начальной школы*. При этом на протяжении всего советского

времени словосочетание К. Д. Ч. употреблялось в названиях некоторых учебников для начальной школы, однако более широкое распространение получило для обозначения внеклассных учебных пособий, напр., по истории или иностранному языку, представляющих собой сборники дополнительных к основному материалу текстов для чтения, то есть, по сути, выполняющих функции хрестоматии.

Лит.: Васильченко А. И., Чернет О. П. Учебно-педагогическая литература. Картографические издания. М., 1976; Книга: Энциклопедия / [Гос. ком. Рос. Федерации по делам печати и др.]; гл.ред. В.М. Жарков. М., 1999; Семенов Д. Д. Русская книга для первоначального чтения в связи со школою. (Историко-педагогический очерк). СПб., 1888.

А. А. С.

КОНДИНСКИЙ КАРАСЬ. См.: Одесский вычок.

К

ЛАБУДА́. См.: ТУМБА.

ЛА́ПТИ. См.: ТУМБА.

ЛИНГВ́ИСТИКА. То же, что ЯЗЫКО-ЗНАНИЕ.

ЛІЧНАЯ ПО́ДПИСЬ. Собственно-ручно выполненное произвольное сочетание графических символов, отсылающих, с точки зрения автора Л.П., к его имени и/или фамилии. До недавнего времени Л.П. определялась как написанная от руки с применением элементов оформления фамилия, служащая для идентификации личности. Основанием для распространения мнения о том, что Л.П. является средством идентификации человека, служит приписываемое ей свойство уникальности.

В составе документа Л.П. может выполнять следующие функции:

- указывать на авторство;
- выражать согласие с не принадлежащим автору подписи текстом (напр., с текстом договора);
- являться свидетельством ознакомления с содержанием документа (напр., с правилами пожарной безопасности);
- быть подтверждением (гарантией) достоверности изложенного (напр. при осуществлении нотариальной записи);

— указывать на знакомство или на некий контакт автора Л.П. с человеком, которому она была оставлена (подписи в альбомах, коллекционирование автографов и т.п.).

В любом случае Л.П. указывает на ту или иную степень присутствия своего создателя — от авторства до ознакомления и знакомства. Кроме того, *подпись*, в полном соответствии со своей внутренней формой, нередко является знаком конца текста, его структурной и содержательной завершенности (хотя бы в отличие от *надписи*).

Обычай подписываться под документом (текстом) сформировался в российской культурной традиции поздно, хотя «прикладывание руки» встречается уже в ранних текстах. Лишь с XVIII в. можно говорить о широком распространении практики подписывать документы своей Л.П. В официальных документах Л.П. включала полное имя, фамилию (прозвание), а также нередко указывался чин, ср.: «*Подписывать, подписать бумагу, приложить руку, заручить, подписаться на ней, под нею, написать имя свое, прозвание, чин и пр.*» (В. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»). При этом под Л.П. понималось полное, без искажений (сокращений, украшений и т.п.) написание своих имени и фамилии.

Эксперименты над Л.П. начинаются с конца XVIII в.: она остается прочитаемой, но усложняется введением всевозможных росчерков. Первой жертвой в становлении новой традиции написания Л.П. стало имя. От полного имени в составе Л.П. чаще всего остается начальная буква, но и она может отсутствовать. Фамилия в качестве Л.П. теряет последние буквы. Вместо них появляются росчерки. В результате фамилии сокращаются настолько, что от них остаются лишь начальные буквы. Сокращенное написание фамилии со временем стало наиболее распространенным вариантом Л.П. Резкая смена стилистики Л.П. произошла после революции: в 1920-е — 1930-е гг. начинает формироваться другой тип Л.П., представляющий собой монограммы из первых букв имени, фамилии и отчества (*парафа*). Такого рода монограммы, нередко в виде вензелей, су-

ществовали, безусловно, и раньше, но после революции они стали восприниматься как аббревиатуры в общем потоке захлестнувшего Россию с 1920-х гг. поветрия представлять все названия (учреждений, организаций и т.п.) в виде аббревиатур. Отсюда оставался всего лишь шаг до принципиально нечитаемых Л. П., состоящих из штрихов, представляющих с точки зрения автора законченную композицию знаков или один знак. Показательно, что в этой ситуации актуализируется сопоставление такого рода подписей с «крестиком» как знаком подписи неграмотных, ср.: *Зачем тогда нужна подпись, если ее надо расшифровывать? Можно просто крестик ставить* (Пофигист). Проведенный несколько лет назад анализ разновидностей современных Л. П. показал, что «все существующие варианты выполнения подписей можно разделить по содержанию (составу) на 4 группы, среди которых только лишь одна группа (составляющая 10% от общего числа) отражает фамилии исполнителей. Остальные три группы — это подписи, состоящие преимущественно из 2–3-х букв или из не образующих буквы элементов. <...> 90% подписей современников не отображают фамилию» (Сысоева).

Итак, общая тенденция выражается в постепенном отдалении от простого написания своего имени и фамилии. Разумеется, и сейчас можно встретить в качестве Л. П. «честное» написание своей фамилии, но нередко подписи утрачивают всякую связь со своим «прототипом» и представляют собой произвольный (во всяком случае, с внешней точки зрения) знак или набор знаков. Если учесть, что основной смысл Л. П. — указание на индивидуальность (уникальность) автора с обязательной возможностью его идентификации, то исчезновение имени, на первый взгляд, существенно подрывало это предназначение Л. П.. Неуклонное движение к неразборчивости Л. П. делает задачу идентификации и вовсе невыполнимой. Между тем, именно такие Л. П. становятся образцом выражения индивидуальности. Можно сказать, что свойство индивидуальности (уникальности) стало ассоциироваться не с полнотой воспроизведения имени и фамилии, а с неповторимым графич-

ческим рисунком Л. П. Естественно, что Л. П., лишенная видимых связей с именем и фамилией, не может отвечать требованиям идентификации. В этой почти драматической ситуации роста индивидуализации Л. П. при одновременном исчезновении возможности ее идентификации не могла не возникнуть так называемая *расшифровка* Л. П. (прежде всего в документах), которая стала выполнять функцию идентификатора. В расшифровке должны быть указаны полностью фамилия, имя и отчество автора Л. П. или инициалы и фамилия. В результате получается, что фамилия, имя и отчество вернулись в состав Л. П., но уже в другом виде и на других правах: в качестве «расшифровки» того, что стало называться «подписью». Другими словами, полная Л. П. стала еще полнее, т.к. включает и собственно Л. П., и ее расшифровку. Если учесть, что «расшифровка» по определению должна писаться разборчиво, то можно констатировать, что все вернулось на свои места, да еще и с некоторым избытком: той «подписью», которая рядом с «расшифровкой» просто обязана быть нечитаемой.

Л. П., как и всякий знак идентификации, предполагает наличие двух проблем, одна из которых связана с требованием однотипности ее воспроизведения, а вторая — с возможностью идентификации владельца Л. П. Однотипность воспроизведения — задача автора Л. П. (с которой далеко не все справляются — см. ниже). Ориентиром в этом случае служит, как правило, подпись в паспорте. Возможность идентификации Л. П. — это проблема для «других». Для ее решения необходима подтвержденная связь между человеком и его Л. П. С этой целью нередко делается особый образец Л. П. (для финансовых документов), но обычно таковым является все та же подпись в паспорте или другом документе, удостоверяющем личность. Таким образом, решение обеих проблем связано с обращением к паспорту, где есть заверенный образец Л. П. и все необходимые данные для идентификации ее владельца.

Судя по имеющимся материалам, именно Л. П. и фотография служат главными объектами рефлексии владельцев пас-

портов. И это, конечно, не случайно, поскольку только Л. П. (и в какой-то мере фотография) являются «личным вкладом» человека в этот документ и основными идентификаторами его владельца — во всяком случае, с его точки зрения (с официальной точки зрения в качестве признаков, индивидуализирующих гражданина, рассматриваются его имя и место жительства, см. ст. 19 и 20 Гражданского кодекса РФ).

В советский период Л. П. в паспорте предшествовала Л. П. в комсомольском билете. Можно сказать, что к моменту получения паспорта в 16 лет минимальный (но явно недостаточный) опыт уже был. Недостаток восполнялся усиленными тренировками: *Сидела, рисовала страничку за страницей* (интервью: Ж., 1969 г.р., Ленинград). Образцом чаще всего служила Л. П. родителей: кроме одинаковой фамилии определенным стимулом к этому для некоторых подростков было обретение навыка в необходимых случаях подделывать родительскую Л. П. в своем школьном дневнике, ср.: ... *в дневнике надо было расписываться маминкой подписью — за тройки и еще что-нибудь. Я... я хорошо копировала* (интервью: Ж., 1933 г.р., Ленинград). Тренировки были направлены главным образом на то, чтобы подпись была «красивой» и «взрослой»: *Да мы хотели, чтобы роспись была красивой. Такая вот с размахом...; Ну ему [брату] хотелось, чтобы подпись была — не детская какая-то закорючка, а все-таки как бы уже человек уже взрослый* (интервью: Ж., 1940 г.р., Ленинград).

Никаких юридических требований к характеру Л. П. не существовало и не существует. Это одно из немногих официальных действий, которые не регулируются правилами. Тем не менее, «все знают» о том, какой должна быть «нормальная подпись», ср.: ... *существует некое общее представление, о том, что есть подпись, а что не есть; во всяком случае, когда кто-то из моих однокурсников поставил крестик вместо подписи в институтской ведомости (по-моему, мы расписывались за то, что пришили на суботник или на овощебазу), администратор подняла крик и потребовала, что-*

бы он прекратил ерничать и «нормально расписался»; думаю, если бы кто-то решил «расписаться» печатным архитектурным шрифтом, реакция была бы такой же (интервью: Ж., 1967 г.р., Ленинград). Неожиданное попустительство со стороны официальных органов вызывает у российских граждан смутное чувство беспокойства, свидетельством которого являются регулярно возникающие в сети вопросы об официальных требованиях к Л. П., ср. вопрос на Интернет-форуме: *Существуют какие-нибудь требования к подписи гражданина Российской Федерации или же я могу закрепить документ черным квадратом в треугольнике с тремя кружочками по краям???* (Кошка М).

Ответы на подобные вопросы сводятся к тому, что никаких официальных требований не существует и нужно руководствоваться лишь здравым смыслом. Ср. из другого форума: *Вопрос: Настал в моей жизни такой момент, когда надо махнуть паспорт... хотел узнать, можно ли расписаться в паспорте ником своим «h4ск3г» а то фамилия и другие загугулины что-то не катят :) Ответ: Насколько известно мне, Гражданское Право вопросы дизайна подписи не регулирует. В твоих интересах, что бы подпись твоя была читаемой и в ней как то разбиралась фамилия. Со временем ты будешь подписывать серьезные документы и подпись в них будут сверять с подписью в паспорте. Я в 16 лет в паспорте просто написал фамилию — Назарко, но на протяжении дня мне приходится ставить подпись раз 50. 50 раз выводить Назарко — ну нафиг, и я начал писать нечто нечленораздельное, начинающееся на букву «Н». Однажды вот так небрежно подписал договор в банке — чуть не заставили переписывать. Подпись должна быть аналогичной паспорту так что со временем тебе придется выводить «h4ск3г» в каждом документе (Форум «Общество и политика»).*

Несмотря на серьезный подход к Л. П. в паспорте (особенно в первом паспорте), результат обычно не удовлетворяет ее создателя. Л. П. характеризуется как «неудачная», поскольку в решающий момент ручка оказывается непривычной

(перьевой), перо цепляется за бумагу, чернила превращаются в кляксу (иногда не одну). Но если даже удача сопутствовала на всех этапах создания Л. П., то преждевременное закрывание паспорта обеспечивает закономерный итог: Л. П. оказывается размазанной. Общий негативный результат характеризует не только паспортную Л. П. Народная мудрость гласит: «чем важнее документ, тем более неудачна подпись». Впрочем, как всегда, бывают и исключения (*А у меня все наоборот: в паспорте — эталонный образец — я так больше нигде не распишусь видимо :(Зато в других местах х.з. что! Жалко..*) (Форум «Обо всем»).

Одно из основных свойств каждой конкретной Л. П. — быть непохожей на предшествующие и последующие. Напр.: *Здравствуйте! Заранее извиняюсь, если обратилась не по адресу. У меня возник вопрос, касающийся личной подписи. Я гражданка России, временно проживаю за границей. Здесь при различных регистрациях, открытиях банковских счетов и т. п. я пользовалась своей личной подписью, которая указана в моем паспорте. И уже несколько раз у меня возникали проблемы из-за того, что в следующий раз я не могла в точности повторить свою подпись (думаю, что это связано с волнением в момент подписания документа). В некоторых случаях мне приходилось по несколько раз переписывать бумагу.*

Из комментариев доброжелателей:

— *подпись это <...> прикол того кто ее ставил! Чеб самому знать что подписывал.*

— *ну какая нафиг идентификация, если одно и то же слово одинаково хрен напишешь... разве что разные люди — случайно совпадет.*

— *«человек становится взрослым, когда у него подпись становится одинаковой» (с)*

— *Chelsky, ну тогда я никогда не стану взрослым. Я каждый раз не то что подписываюсь, каждый раз одно и тоже слово пишу поразному. Что на счет темы. Я в паспорте 2 раза расписался (первый раз промахнулся :-))*

— *У меня подпись не соответствует теперешней. А еще, когда пришел заби-*

рать его, подписываясь поставил кляксу (Форум «Обо всем»).

Стремление к «одинаковости» своих Л. П. — одна из навязчивых идей. Реально одинаковых подписей не бывает: криминалистам известно, что полное совпадение двух подписей является безусловным признаком подделки.

Представления об особой связи между человеком и его подписью нашли свое выражение в попытках установления отношений подобия между внешним видом Л. П. и внутренними качествами ее создателя. Считается, что благодаря автоматизму и произвольности Л. П. она способна объективировать некоторые черты характера человека, в том числе те, которые он скрывает. На этой предпосылке основана т. н. *графология* (не путать с судебным почерковедением). Первые наблюдения над характером Л. П. относятся к античности. В качестве самостоятельной «науки» графология оформилась в конце XIX в. во Франции после работ Ж. Мишо, введшего этот термин, а в России стала популярной после книги И. Ф. Моргенштерна «Психографология» (1903). Сторонники графологии в качестве подтверждения ее научности неизменно приводят историю о том, будто В. Бехтерев по подписи Сталина сумел разглядеть в нем параноика, за что и поплатился жизнью. Техника «прочтения» личностных характеристик по Л. П. отличается незамысловатостью и «похожестью на правду». Предполагается, что каждый формальный признак Л. П. соответствует определенному качеству (или качествам) ее владельца. Список этих признаков (и соответствующих качеств) варьируется и является открытым, но среди них выделяются «устойчивые корреляции». В качестве примера приведу фрагмент из популярного пособия по практической графологии: *Если заглавная буква в подписи по амплитуде значительно отличается от строчных, то человек, имеющий такую подпись, капризен, у него повышенная требовательность к окружающим. Если же она по амплитуде незначительно отличается от строчных букв — то владелец подписи скромен, без особых претензий к людям. Мелкие буквы характеризуют человека рационального, эконом-*

ного и конкретного, говорят о способности к концентрации ума, но очень мелкие буквы свидетельствуют о том, что их хозяин склонен к эгоизму и скупости. Крупные буквы (как у детей) характеризуют мечтательного, в некоторой степени наивного, непрактичного, доверчивого, часто излишне доброго человека. Но крупные буквы могут означать и стремление к независимости, свободе деятельности. Людям с такой характеристикой следует обратить внимание на селезенку и печень (Айк Надж).

Очередной этап в эволюции Л. П. будет, видимо, связан с различными вариантами электронной подписи, вокруг которой уже начинается формироваться своя мифология.

Лит.: Кошка М [запись из дневника Кошка М «про росписи» от 09 мар. 2007 г.] // LiveInternet: [web-сайт] <<http://www.liveinternet.ru/users/1063663/post33275248/>>. Пофигист [комментарий от 17 сент. 2007 г. к SeaBreeze «Обалденная подпись»] // Популярная каллиграфия: [web-сайт] <<http://www.callig.ru/node/276/>>;

Сысоева Л. Подпись как средство защиты прав личности // Защита и безопасность. 2005, № 2; Айк Надж (О. К. Наджимов). Как узнать характер человека по его подписи или практическая графология (25.12.2007) // Psy-files.ru: [web-сайт] <<http://www.psy-files.ru/2007/12/25/ajjk-nadzh-o.k.nadzhimov.-kak-uznat.html>>; Форум «Обо всем» [комментарии к теме «Подпись в паспорте» от 2 февр. 2007 г.] // Seclub: [web-сайт] <<http://www.seclub.org/forum/index.php?tid=37958&p=6>>; Форум «Общество и политика» [обсуждение темы «Роспись в паспорте!!!» от 09 апр. 2007 г.] // Mlove.ru: [форум] <www.mlove.ru/forum/topic10269.html>.

А. К. Б.

ЛЯЛЯ. См.: ТУМБА.

МАЛЕНЬКИЙ ДВОЙНОЙ БЕЗ САХАРА.

Клише нашей юности. Считается, что клише — это выражение, механически воспроизводимое в типичных речевых контекстах. Юности свойственно стремление к оригинальности, и в этом стремлении юноши и юницы постоянно и неизбежно наступают на одни и те же грабли: одеваются одинаково оригинально, ведут себя в соответствии с жутко оригинальным шаблоном, и как следствие — оказываются практически неотличимы друг от друга, в том числе и в речевом отношении, поскольку бесконечно воспроизводят эти самые клише.

Трудно представить, но и мы были юношами некоторое время назад, и нас не миновала в свое время эта жутко оригинальная шаблонность. Конечно, наш шаблон был не чета нынешним: он был, понятное дело, совершенно оригинальный и ни на что не похожий. Чтобы было ясно, о чем речь, — это примерно 1968 год. К раздаче послевоенного поколения — которое «аксеновские мальчики», стиляги и джаз — мы в общем-то опоздали; всякие «системы» с их особой экипировкой, фенечками и абсолютным непересечением с официозом стали уделом тех, кто шел за нами — а мы попали в странную щель, акkurat между, туда, где еще ходили при галстукe, но уже слушали Джоан Баэз, еще думали об официальной карьере, но уже не вступали в партию, еще побаива-

лись, но уже старались голову держать повыше и вести себя посвободнее. Шел шестьдесят восьмой год, студенческая Европа бушевала, требуя участия в управлении образованием, студенческая Америка сходила с ума от свободной любви — а мы... мы пили М. Д. Б. С.

Не знаю, как для кого, а для меня этот М. Д. Б. С. с годами стал главным стереотипом (он же клише и шаблон) этого замечательного и странного времени. Кофейные аппараты были тогда в новинку, кофе только-только стали варить и разливать не из бачка, а по-человечески. (Кстати, не знаю как у кого, а в нашей компании два эти типа кофе различались фонетически: который вареный из аппарата — [kof'e], который из бачка — [k'ofɐ], с дифтонгом и твердым [f].) В столовой Академии наук в Биржевом переулке («Академичка» называлась) слева как войдешь было кафе, в котором стояли два таких аппарата, и за каждым — своя тетка: за ближайшим — «тетя Валя», Царствие ей Небесное, за дальним — сначала не помню кто, а позже Ангелина.

Мы, естественно, со свойственной юности оригинальностью все как один ходили к тете Вале, которая, ясное дело, гораздо лучше варила кофе, и которая понимала, что такое М. Д. Б. С. Тут ведь что важно: она нас знала по именам, иногда кормила в долг, и ей не нужно было объяснять, что *маленький* — потому что вдвое меньше воды, *двойной* — потому что вдвое больше молотого кофе, то есть получается раза в четыре крепче. И, естественно, *без сахара* — с сахаром кофе кто же пьет. Она только вздыхала иногда, глядя на юных идиотов, хвастливо демонстрирующих друг другу свою способность пить кофе ведрами, полную якобы невозможность существовать без кофе, брезгливо усмехающихся, если кто-то клал в кофе сахар, утверждавших, что могут якобы жить на одном кофе без всякой еды... Ну, и на сигаретах, естественно.

Так и жили — во власти стереотипа, полностью зависимые от клише, которые «сами из головы выдумали» и вдруг оказались в полном у этого клише рабстве. Любил ты кофе или нет, хотел ты его в данный момент или нет, предпочитал ты его сладким или горьким — решитель-

но никого не волновало: хочешь быть своим? Пей М. Д. Б. С. И чем больше, тем почетнее.

Тогда же была выведена и знаменитая «формула вранья», помогавшая ориентироваться в жизни. Ну, скажем, приходишь ты в «Академичку» и встречаешься там, например, Клубкова (см.: КЛУБКОВ), который пьет свой М. Д. Б. С. и говорит тебе, тяжело вздыхая: «Я уже шестой пью». Ясно, что врет, что не шестой — но какой? Ясно, что не первый. Второй? Пятый?

Вот тут и приходила на помощь формула. Она исходила из того, что преувеличивают все и всегда (это, видимо, так и есть, особенно в юности) и что если кто-то тебе сказал, что *выпил сегодня литр водки*, то точно выпил, но при этом точно не литр. Произнесенное число (чашек, граммов, сигарет, бутылок, и многого другого — не станем продолжать) нужно было разделить на два, а затем, опираясь на знание собеседника, его личной склонности к преувеличениям, либо прибавить единицу, либо, наоборот, отнять. Единицей, соответственно, являлись чашки, рюмки, граммы и т.п. *Шесть маленьких двойных* — могло, следовательно, означать два или четыре. *Литр водки*, соответственно — либо 400 грамм, либо 600.

К чести Павла Анатольевича (в отличие от большинства из нас), в его случае надлежало прибавлять: он обычно преувеличивал умеренно.

Клубков был в первых рядах любителей, ценителей и пропагандистов М. Д. Б. С. Курсу к четвертому мы, естественно, несколько повзрослели и кофе пили уже без того зверообразного рвения, что поначалу — но на втором, скажем, курсе мы все — и Клубков в том числе — пили его по-черному. Стоил он 10 копеек — стипендия была, если не ошибаюсь, 37 рублей, на нее за месяц, если ничего больше не покупать, можно было выпить 370 чашек кофе. И ведь выпивали. Павел-то Анатольевич уж точно выпивал. Ну, не 370, естественно, а по формуле: 185 + 1.

Несколько позже он перешел на маленький четверной, потом на маленький шестерной — но я уже к тому времени давно сошел с дистанции и только на-

блюдал с нежностью и завистью, как Павел Анатольевич ставит рекорд за рекордом, причём далеко не только на поприще М. Д. Б. С.

Впрочем, я и по сей день наблюдаю за ним с нежностью и завистью, и клише тут ни при чем.

Н. Б. В.

МЕСТА́. «Провинция, периферия, а также периферийные организации, учреждения (в противоположность центру, центральным организациям и учреждениям). *Делегаты с мест.* □ *Вызывать людей — это значит тормозить работу на местах, оголять фронт* (Гладков, Энергия)» (Словарь русского языка, Т. 2, 257).

Использование форм множественного числа слова *место* для обозначения провинции (*места́, с мест, на местах*) приурочивается к послереволюционному времени: как пишет в своем комментарии к «Двенадцати стульям» Ю. К. Щеглов, «на местах» — газетный неологизм 20-х гг., встречающийся уже у В. И. Ленина: «Вся власть на местах должна перейти непосредственно к местным советам» (цит. по: Селищев, 143)» (Щеглов, 205). Его ссылка на книгу А. М. Селищева объясняет источник этого представления. Описывая язык революционной эпохи, Селищев, среди примеров употребления слов и сочетаний в переносном значении, отмечает и данное слово: «*Места́* — „провинциальные пункты“, „провинция“. — Наказы *с мест* (Л е н. 1917. Такт., стр. 343). Вы [агитаторы] должны это провести *на местах* (Л е н. XV, стр. 94). Вся власть *на местах* должна перейти исключительно к местным советам (Л е н. 1917. Такт., стр. 341). Эти люди, посланные *с мест*, завтра они будут *на местах*... Уезжая *на места*, расскажите местным советам и везде принимайте местные решения (Л е н. XV, стр. 180, 183). ВЦИК рекомендует *местам* сделать все от них зависящее... („Изв.“ № 295. 1924). Работа последних двух лет заставила *места* задуматься над вопросом об использовании сети приемных радиостанций („Жизнь связи“. №10.

1923). Теперь в центре и на местах разрабатываются мероприятия... („Изв.“ № 13, 1925). Студенты, уезжающие на места [на рождественский перерыв] (объявление)» (Селищев, 143–144).

Приводимые Селищевым примеры начинаются с цитат из работы Ленина. Ленин 1917. Такт., стр. 343 и 341 — так Селищев обозначает статью «Задачи революции», опубликованную в конце сентября 1917 г. (Ленин, Т. 34, 229 — 238). Объясняя задачи революции, Ленин должен писать на понятном для своих читателей языке и, следовательно, употреблять привычные им слова и выражения. Это относится и к формам множественного числа слова *место*. Можно предположить, что обороты «с М.» и «на М.» хорошо знакомы его читателям.

28 сентября 1908 г. в петербургской газете «Слово» была опубликована заметка «На местах». Ее автор, известный журналист и общественный деятель И. В. Жилкин, в преддверии очередной сессии Государственной Думы описывает, как относится к ней провинция. Он противопоставляет апатию интеллигенции и «смутные ожидания» простого народа, который, по мнению Жилкина, ищет новых путей, новой жизни, и в этом отношении Дума может стать «зерном подлинного обновления народной жизни» (Жилкин, 3). Многие в это время старались увидеть «бодрящие черточки» в настроениях простого народа, поэтому статья Жилкина была замечена и имела некоторый резонанс в провинциальной прессе (см.: «Двинский листок», 1908, 1 окт.).

Возможно, что именно под влиянием Жилкина, для которого жизнь его родной провинции была одной из главных тем, вместо рубрики «Из провинции», в «Слове» появляется целый отдел «Местная жизнь», состоящий из разделов «Из жизни провинции» и «Провинциальные мотивы». Вместе с тем, вряд ли следует считать И. В. Жилкина изобретателем нового названия для русской провинции. Его творчество не блистало оригинальностью. Об этом свидетельствуют и названия его публикаций: первый цикл статей Жилкина, напечатанный в 1902 г. в газете «Саратовский дневник», назывался «Уездные картинки»; его заметки в «Сло-

ве» шли под рубрикой «Странички жизни»; и, наконец, когда он в конце 1908 г. отправился в поездку по русским городам, то описывал ее в корреспонденциях «По русской земле». Вероятнее всего, что Жилкин-журналист и в данном случае использовал уже существовавший публицистический шаблон.

Он соответствует распространявшемуся в русской культуре начала XX в. образу другой, не-столичной России, который был альтернативен обобщенно-отрицательным представлениям об отечественной провинции. От провинции, как некоего единого пространства, этот образ отличается тем, что состоит из множества разных пространств, каждое из которых представляет собой совершенно определенное место. Абстрактности и нерасчлененности *провинции* противостоит культурная конкретика отдельных М. Идея множественности и особенности этих М. безусловно связана с культурным взлетом русской провинции и развитием местной инициативы, что характерно для первой трети XX в.

Естественно, что революция, победившая под лозунгом «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», что было провозглашено Вторым съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (см.: Ленин, Т. 35, 11), подхватила и усилила эту тенденцию. «Современные уездные власти нисколько не боятся начальства, — писал в начале 1930-х г. охотовед Б. М. Житков, — и твердо помнят великое достижение революции — „власть на местах“» (Житков, 93). Однако представление о стране как о множестве различных М. просуществовало недолго. Единое пространство *провинции* возродилось уже в 1930-е гг. Ее новое название *периферия* отличалось от *провинции* лишь в стилистическом плане. Ср.: «унылое слово „провинция“ потеряло право на местожительство в нашей стране. Когда сегодня хотят упомянуть о пунктах, отдаленных от центра, говорят — периферия. Это точное, никому не обидное слово» (Диковский, 4). В связи с тем, что в настоящее время *периферию* теснит вновь вернувшееся в культурный обиход слово *провинция*, которое никак не соотносится с

реальным многообразием российской действительности, следует помнить, что эти слова тождественны друг другу по значению (Словарь синонимов, 368).

Лит.: Диковский С. Периферия // Правда. 1937. 27 февр.; Жилкин И. В. На местах // Слово. 1908. 28 сент. (11 окт.); Клейн Л. Д. Жилкин Иван Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992; Житков Б. М. «... Мемуары эти не имеют марксистского подхода, говорят о жизни и людях» // Отечественные архивы. 1992. №1; Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 34–35; Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928; Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1981; Словарь синонимов: Справочное пособие. Л., 1977; Щеглов Ю. К. Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя. Т. 1. Введение. «Двенадцать стульев». Wien, 1990; Ахалкина Я. Э. Провинция, периферия — проблема номинации // Провинция как реальность и объект осмысления: Мат. научн. конф. Тверь, 2001.

А. Ф. Б.

МЕТАФОРА (от греч. *μεταφορά* — перенос). Традиционно определяется как один из видов тропов, то есть слов и выражений, употребляемых в переносном или даже иносказательном значении. Наряду с метонимией (см.: Метонимия), М. является важнейшим тропом. Однако если в метонимии перенос значения с одного предмета на другой осуществляется на основе смежности, то в М. такой перенос происходит на основании сходства между предметами.

В основе М. лежит сравнение. Только в отличие от традиционного сравнения, где есть два члена (то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается), в М. только один член — то, с чем сравнивается. М. является собой, таким образом, одночленное, скрытое, свернутое, неназванное сравнение одного предмета с другим на основании общего признака. Ср.: *Живая колесница мироздания // Открыто катится в святых небес* (Ф. И. Тютчев, «Виде-

ние», 1829), где под *живой колесницей мироздания* «спряталось» Солнце.

Аристотель первым определил М. как перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии, несвойственное имя. Тот же Аристотель полагал, что в искусстве поэзии можно научиться всему, кроме умения создавать М.: «... всего важнее — быть искусным в метафорах». То есть подлинный художник, как во времена Аристотеля, так и в современности, отличается от художника фальшивого умением придумывать М. Но и этого недостаточно, т.к. М. должна быть оригинальна, самобытна, необычна, свежа и нова. Если М. лишена этих признаков, то она представляет собой банальный штамп, выдающий в художнике слова посредственность. Так, напр., в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» (1898) большой роман Веры Иосифовны Туркиной начинался с банального штампа-М. *Мороз крепчал*, что в конце XIX в. воспринималось как знак бесталанности. Подобного рода М., однако более изысканные, нежели у чеховского персонажа, встречаем, напр., в поэзии А. Н. Апухтина: *Я не засну, я считаю украдкой // Старые язвы свои* («В вагоне», 1858), где слово *язвы* употреблено не в прямом, а в переносном значении. См. также: *О, как на склоне наших лет // Нежней мы любим и суеверней... // Сияй, сияй, прощальный свет // Любви последней, зари вечерней!* (Ф. И. Тютчев, «Последняя любовь», 1852–1854); *Своими горькими слезами // Над нами плакала весна* (А. А. Блок, «Своими горькими слезами...», 1908; 1910).

Целый ряд М. в процессе истории вошли в речь. Теперь эти М., которые не осознаются таковыми, называются стертыми. Напр., *снег идет, солнце заходит*. Такого рода М. тяготеют к тому, чтобы стать М. реализованными. В отличие от реализации метонимий, реализация М. может быть с полным правом признана художественным приемом. Напр., нарисованные в детской книге часы с человеческими ногами могут считаться реализацией стертой М. *часы идут*. Иногда целые стихотворения строятся на реализованной стертой М. Как классические образцы такого рода можно привести сти-

хотворения В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся» (1922), в котором на заседании сидели *людей половины*, потому что другие половины были на другом заседании, то есть была реализована стертая М. *я разрываюсь на части* (напомним, что это стихотворение очень понравилось самому В. И. Ленину); и «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920), когда герой-поэт пригласил к себе в гости Солнце словами: *Чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы*, реализовав тем самым стертую М. *солнце заходит*. В качестве показательной в плане реализации стертой М. можно привести запись из дневника значительного русского поэта XIX в. В. Д. Лебелянского: *С самого утра на улице шел дождь. Он ходил возле моего дома, бряцал по окну. Ближе к полудню дождь подошел к двери и постучался. Когда я открыл, то увидел на пороге насквозь промокшего Максима* («Пророчество» на февраль», 1855). Ярким примером игры со стертыми М. и прямыми значениями слов является стихотворение О. Григорьева «Идет и сидит», где заглавные слова выступают как в прямом, так и в переносном значении: *Без мамы купили мы с папой // В магазине пальто. // Мне пальто, а папе шляпу — // Идем домой под зонтом. // Папа идет, сердит — // Шляпа ему не идет. // Я на папе сижу — // Пальто на мне не сидит*.

Современный писатель А. Левкин в романе «Мозгва» (2005) подвел своего рода итог процессу реализации стертых М. в языке: *Если говорят, что «камень на сердце», то на сердце и в самом деле что-то такое лежит. Так что метафоры вполне реальны*.

У каждого большого художника слова есть множество оригинальных М. Ср. напр.: *Выплыл серебряный серп. // И мы уносимся, // Обреченные оба // На ущерб*. (А. А. Блок, «На зов метелей», 1907); *Оттого, что я терпкой печалью // Напоила его допьяна*. (А. А. Ахматова, «Сжала руки под темной вуалью...», 1911); *Отзвеноло нелестность в заспанной комнате, // Как к ружью приложился охотник. // Дальше трубка с*

ушастью похотью // Призывала меня на субботник. (Рувим Крохотный, «Субботник», 1924); *Я клавишей стаю кормил с руки. // Под хлопанье крыльев, плеск и клетот // Я вытянул руки, я встал на носки, // Рукав завернулся, ночь терлась о локоть...* (Б. Л. Пастернак, «Импровизация», 1915); *Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили // Два черных фонаря под выбитым пенсне*. (А. Башлачев, «Петербургская свадьба», 1986).

М. может появляться и в структуре сравнения, непосредственно вырастая из него: *Она едва доставала подбородком до края стола и была удивительно похожа одновременно на Бетховена и на любопытного ребенка. Маленький, любопытный Бетховен, дотянувшись до края стола, с жадностью осматривал все вокруг* (Д. Рубина, «Вот идет Мессия!..», 2007).

Нельзя не отметить, что в современной филологии под влиянием Р. О. Якобсона М. часто рассматривается (как и метонимия) в ракурсе учения о риторических моделях, что позволяет увидеть, напр., совершенно особую природу русского авангарда (см.: Цвигун, 2008).

В отличие от метонимии, к физиологической реализации М. ученые ни в России, ни за рубежом не обращались. Такое невнимание предположительно связано с более глубоким, нежели в метонимии, смысловым потенциалом М. Т. е. физиологическая реализация данного тропа требует куда больших затрат, нежели такого рода процесс применительно к метонимии. Однако, возможно, наука будущего решит и эту задачу.

Лит.: Бройтман С. Н. Тропы // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008; Клинг О. А. Тропы // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. М., 2000; Л. Т. Метафора // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7; Теория метафоры. М., 1990; Цвигун Т. В. Метафора и метонимия как риторические модели русского авангардизма 1910–1930-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.

Ю. В. Д.

МЕТОНИМИЯ (от греч. *μετονομία* — переименование). Традиционно определяется как один из видов тропов, то есть слов и выражений, употребляемых в переносном или даже иносказательном значении. Наряду с метафорой (см.: МЕТАФОРА), М. является важнейшим тропом. Однако в отличие от метафоры, где перенос значения с одного предмета на другой осуществляется на основе сходства, в М. такой перенос происходит на основании так называемой «смежности», то есть каких-либо отношений между предметами.

М. легко встретить в обычной речи: *я купил бутылку, выпил три стакана, съел тарелку* — наиболее распространенные бытовые М., используемые ежедневно.

Обилие М. в быденном языке часто затрудняет их поиск в произведениях литературы и даже приводит к тому, что взрослый человек, разгадывая детскую загадку: *Слон на обед съел корзинку бананов, // Пару корзиночек грибов со сметаной, // Яблоко корзинку, корзинку галет. // Сколько корзиночек он съел на обед?* (Т. Крюкова, «Обед слона», 2005), отвечает: пять. Тогда как ребенок дошкольного и младшего школьного возраста, по задумке автора, должен ответить, что слон ел не корзинки, а их содержимое.

Художники слова используют М. для достижения определенного эффекта. Напр., Вл. Гиляровский в рассказе «Балаган» (1887) называет Черномором актера, исполняющего эту сказочную роль в уличном балагане. Тем самым писатель достигает комического эффекта: *В первый день пьеса была сыграна двадцать три раза. К последнему разу Черномор напился до бесчувствия; его положили на земляной пол уборной и играли без Черномора.*

Одна из самых распространенных разновидностей М. и в речи, и в литературе строится на использовании имени автора вместо произведения, на замещении именем текста. Необходимо быть осторожным в попытках реализаций М. Напр., *Белинского и Гоголя с базара понесут* (Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», 1866–1876) означает не то, что русский крестьянин купит на базаре В. Г. Бе-

линского или Н. В. Гоголя собственными персонами, а только то, что он купит книги этих авторов. Строки: *Всю ночь наслаждался Жуковским, // А утром Державина с полки достал* (В. Д. Лебелянский, «Пророчество на февраль», 1855) лишь самыми непосредственными читателями воспринимаются в прямом смысле, тогда как речь в этом фрагменте идет только о книгах, содержащих поэтические творения В. А. Жуковского и Г. Р. Державина. Наконец, об Иванове из одноименной песни Б. Г. (1982) сказано: *У него в кармане Сартр*. Речь идет не о том, что в кармане ленинградского интеллигента спрятался французский писатель. Речь о книге этого писателя, лежащей в кармане гребенщикова Иванова. Таким образом, Белинский, Гоголь, Жуковский, Державин, Сартр, став М., перестали быть собой, заменив свои книги, свои произведения. М. такого типа часто употребляются в быту: *читаю Донцову, слушаю Киржорова, смотрю Виктюка.*

Не менее распространен тип М., при котором используется указание на признак лица или предмета вместо самого лица или предмета. Пример опасности реализации такого рода М. — «Одинокая гармонь» М. Исаковского (1945). Многими информантами женского пола эта песня воспринималась в детстве в виде страшилки: *Только слышно по улицам где-то // одинокая бродит гармонь... // Слово ищет в потемках кого-то // да не может никак отыскать... // Что ж ты бродишь всю ночь одиноко, // что ж ты девушкам спать не даешь...* Если представить образ в виде реализованной М., то становится страшно выходить на сельскую улицу, когда там бродит в поисках жертвы одинокая гармонь. Но бояться не стоит, т.к. это М., означающая безобидного парня-гармониста, решающего при помощи музыкального инструмента проблемы личной коммуникации, а заодно, вероятно, и старающегося, *урегулировать половой вопрос* (И. Ильф, Е. Петров «Сильное чувство», 1933).

М. появляется и там, где происходит перенесение свойств или действий предмета на другой. Напр., сразу три М. встречаются в строках: *Вся зала ожидания полна, // Партер притих, сейчас нач-*

нется пьеса (А. Н. Апухтин, «На новый 1881 г.», 1880). Речь здесь о людях, заполнивших залу и партер, и о спектакле, созданном по пьесе. Ср. пример, где рога — М. тех звуков, которые они издают: *Ты услышишь с белой пристани // Отдаленные рога.* (А. А. Блок, «Последний путь», 1907).

М. может быть включена в состав сравнения: *Фары ковыряли ночь, как пьяный скальпель* (З. Прилепин, «Санькя», 2007). Скальпель пьяным быть не может; подразумевается, вероятно, пьяный хирург, вооруженный своим инструментом.

Говоря о М., необходимо сказать о синекдохе, которая одними исследователями считается самостоятельным тропом, другими же — разновидностью М., построенной на количественных отношениях. Если придерживаться второй точки зрения, то можно обозначить четыре основных типа М.-синекдохи: 1) Целое замещает часть: *От этих морозов тогда // Вся земля затрещала...* (В. Д. Лебелянский, «Пророчество на февраль», 1855); *И вышел на субботник весь район! // И вся страна взялась за лопаты!* (Рувим Крохотный, «Субботник», 1924); 2) Часть замещает целое: *Потому что здесь порой // Ходит маленькая ножка, // Вьется локон золотой...* (А. С. Пушкин «Город пышный, город бедный...», 1828); *Так смеется маска маске, // Злая маска, к маске скромной // Обратно* (А. А. Блок, «Бедные сказания», 1907); 3) Определенное большое число замещает неопределенное множество: *Ослы! Сто раз вам повторять?* (А. С. Грибоедов, «Горе от ума», 1824); *Живи еще хоть четверть века* (А. А. Блок «Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912); *Я повторяю десять раз и снова — // Никто не знает, как же мне х...во* (Янка Дягилева, «Классический депрессняк», (1987)); 4) Единственное число замещает множественное: *Отсель грозить мы будем шведу* (А. С. Пушкин, «Медный всадник», 1833); *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (М. Ю. Лермонтов, «Бородино», 1837).

М.-синекдохи также опасно реализовывать, т.к. если *вся* страна возьмется за лопаты, то лопат не хватит; маски без их владельцев не могут смеяться, и только в страшном сне можно увидеть место,

в котором встретятся маленькая ножка или золотой локон, действующие отдельно от их носителя. Невозможно представить Фамусова *ровно* сто раз повторяющего свои приказы слугам, блоковского адресата, планирующего прожить *именно* 25 лет, и героиню Янки Дягилевой, которая *в точности* десять раз повторит, как ей х[.]во. Тем более печально будут выглядеть одинокий швед, которому *мы* будем грозить, и француз, в одиночестве ликующий всю ночь где-то близ Смоленска.

Современные исследователи, с легкой руки Р. О. Якобсона, все чаще рассматривают М. (как и метафору) в ракурсе учения о риторических моделях, что позволяет увидеть, напр., совершенно особую природу русского авангарда (см.: Цвигун, 2008).

В традиционном значении М. используется преподавателями русской литературы в средней и высшей школе. Особенно показательна методика узнавания и запоминания писателя через ту или иную часть его облика, способную метонимически заменить самого писателя. Ниже приводится широко применяемая в образовательных целях таблица соответствия М. и великих русских писателей:

Метонимия	Писатель
Бакенбарды	Пушкин
Нос	Гоголь
Борода	Лев Толстой
Пенсне	Чехов

По такой таблице даже самый нерадивый ученик запомнит фамилии классиков отечественной словесности и сможет отличать их визуальные образы, зафиксированные на портретах, друг от друга.

При всей опасности реализации М., в последние годы, тем не менее, в опытах ученых-физиологов, занятых проблемами клонирования, широко применяется метод метонимической реконструкции. Так, в Мурманском филиале Санкт-Петербургского НИИ анатомии и физиологии тропов и фигур (МФСПБНИИАиФТиФ), на основе частичного синтеза М. *Лысина*, *Жилетка* и *Кепка* был создан клон В. И. Ленина, который предполагается запустить в массовое производство к бли-

жайшему юбилею вождя мирового пролетариата в 2010 г.

Лит.: Бройтман С. Н. Тропы // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008; Клинг О. А. Тропы // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. М., 2000; Королева О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск, 2002; Л. Т. Метонимия // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7; Цвигун Т. В. Метафора и метонимия как риторические модели русского авангардизма 1910–1930-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.

Ю. В. Д.

МОСКВЫ УГОЛОК. Вторая часть поговорок, используемых жителями провинции для поддержки и повышения своего status quo. Такие тексты символически присваивают провинциальному городу статус *младшего брата*. Модель «такой-то городок — М. У.» хорошо известна и давно зафиксирована словарями и специальными изданиями, напр.: *Ярославль городок — Москвы уголок (это говорится о многих других городах)* (Даль, I, 276). Одна из первых фиксаций употребления поговорок, содержащей клише М. У. — в «Записках современника» С. П. Жихарева (1805–1819): *Тула городок — Москвы уголок. Это так же справедливо, как справедливы, большую частью, и все народные замечания и поговорки. Тула может точно называться Замоскворечьем, по своим каменным зданиям, красивым улицам, по движению на них народа, по своей торговле и промышленности; один ружейный завод стоит много города* (Жихарев, I, 244–245). Примеры поговорок этого типа если не бесконечны, то во всяком случае весьма многочисленны, поскольку каждый близлежащий (и не только близлежащий) по отношению к столице город стремится поднять свой статус путем приобщения к столице. См., напр.: ... *Наш городок-с чего другого нет, а на счет гостеприимства — Москвы уголок-с!* (А. И. Герцен, «Кто виноват?», 1846);

«Тверь-городок, Москвы уголок» — говорят коренные тверяки, подобно жителям многих других городов, составляющих широкое оплечье нашей древней столицы. И недаром живет здесь эта пословица: в самом деле, Тверь — городок чистенький, весьма опрятный, древний, как немногие города наши после Москвы, и красивый своим местоположением — тоже, как очень немногие губернские города у нас на Руси (Тверские губ. вед., 1854, 28 авг.). Ср. также о городах, уже достаточно удаленных от Москвы: *Что и говорить — Пенза-городок Москвы уголок!* (М. Н. Загоскин, цикл «Вечер на Хопре», 1834); *Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок* (Н. С. Лесков, «Грабеж», 1887); *Шенкурск-городок — Москвы уголок, Погорелец — Питеру урывок, Москвы уголок* (Дранникова, 70). Особо укажем на аналогичную поговорку про город Кашин. А. Е. Измайлов писал: *О Кашин, Кашин городок, Царь-града уголок!* (Тверские поэты, 52). Измайлов вообще часто осмыслял культурные события в геополитических категориях — напр., приезд И. П. Мятлева из Петербурга он оценивал так: «Виц-губернаторства забыл я тяжко бремя; Ты превратил Тверь в Петербург» (Тверские поэты, 58).

Аналогичные поговорки и суждения формируются и на основе сравнения с Петербургом. Например, в Чите существует *расхожее сравнение, что Чита — это Ленинград (Петербург) в миниатюре*, за которым скрывается неосознанное убеждение в том, что Чита является историко-культурной окраиной города на Неве (Кляус, Шапова, 365). Ср. также: *Тверь — петербургская сторона!*; *Харьков городок — Петербурга уголок* (Якушкин, 13); *Пинега с Питером под одним литером* (Дранникова, 70).

Поговорки с использованием формулы М. У. можно услышать от современных работников культуры (в частности *Коломна-городок — Москвы уголок*), которые в этом случае, как правило, не повторяют слышанное от других, а просто строят текст по известному образцу. Это применение одной паремимологической модели к разным городам выполняет ту же функцию, что и литературная аноним-

ность провинциального города. Как известно, в художественных текстах провинциальные города часто обозначаются условными названиями (об этом см.: Белоусов; см. также Йошкар-Ола). Действительно, как *город Эн*, *Чухлома* и т. п., так и *[наш] городок* — М. У. — все это «местоименные» образования для обозначения некоего «усредненного» образа провинции, но первые два выражают внешнюю точку зрения, а третье — точку зрения внутреннюю, поэтому первые два критичны, а третье идилично.

Другой способ присвоения городу статуса *младшего брата* столицы представлен в песне Б. Ш. Окуджавы из телевизионного водевиля «Соломенная шляпка» (1975), которая начинается словами: «Наш городок ничем Парижу не уступит, / Ничем, ничем, ни в чем и никогда». Этот текст пародирует тот ход мысли, который очевиден и в разобранных выше примерах: «наш городок» не хуже столицы (геополитическая претензия на первенство), но он все же «городок» — следовательно, он младший брат Парижа. В этом смысле текст Окуджавы может быть признан собственно русским, хотя он отражает и реалии французской культуры, которой присуще противопоставление столицы и остальной (провинциальной) Франции (см.: Вестстейн, 500). То, что данная тенденция имеет международный характер, свидетельствует о реальном существовании некоторых констант провинциального сознания. Напр., среди жителей местечек и городов Подолы (Тульчина, Балты и Могилева-Подольского) существует традиция называть свои родные места *второй Одессой* или *маленькой Одессой* (см.: Словарь, 207–209; ср.: Гидон, Федченко, 265).

Третий способ сообщения провинциальному городу статуса *младшего брата* реализуется в тех случаях, когда малое пространство уподобляется большому, как, напр., в следующем юмористическом описании Кашина, автор которого располагает на малом пространстве уездного города и близлежащие Кимры, и весьма удаленный Владивосток, и Одессу, охватывая едва ли не все пространство России. Это обычный прием построения локаль-

ного текста, утверждающего, что *у нас все свое есть* (своего рода натуральное географическое хозяйство). Ср. пародийный текст начала XX в.: «По Московскому мосту величаво пролегает Московская улица, названная так потому, что иначе ее нельзя было назвать. Как известно, по закону, никакой город не может существовать без Московской улицы. Улица эта замечательна трактирами „Петроград“ и „Москва“, на полпути между которыми раскинулся теннисный сад „Бологое“. Это великолепное наглядное пособие для изучения географии, своего рода карта России в большом масштабе. И нам весьма отраднo видеть, что наша учащаяся молодежь именно Московскую улицу избрала местом для своих прогулок. Гуляя с приятностью, она невольно изучает географию» (Строганов, 20).

Лит.: Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Вестстейн В. Слово «провинция» в некоторых западноевропейских языках (английском, французском, немецком и нидерландском) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Гидон Д., Федченко В. Песни на идише // Штетл, XXI в.: Полевые исследования. СПб., 2008; Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: Сборник: В 2 т. СПб., 1997; Дранникова Н. В. Образ архангелогородца в микроэтнонимах-прозвищах // Мастер и народная художественная культура русского Севера (доклады III международной научной конференции «Рябиновские чтения-99»). Петрозаводск, 2000; Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театралa: В 2 т. Л., 1989; Кляус В. Л., Шапова М. Ю. Провинциальная мифология Забайкалья. Смыслы и нарративы // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб., 2000; Строганов М. В. Об одной пародии на локальный текст. Опыт генерализации понятий // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005; Тверские поэты, современники Пушкина. Тверь, 1999; Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / Под ред. М. Лурье //

Штетл, XXI в.: Полевые исследования. СПб., 2008. С. 207–209; Якушкин Павел. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860.

М. В. С.

МУЖЕСТВО (рус. *мужество*, в средневековых текстах также *мужство*, *мужьство*; *мужественно* (*мужественный*), *мужественный*, *мужествовать* и т.д.; также *мужьскы* — *мужьски* — *мужески*). Твердость духа, душевная стойкость, храбрость; качество или комплекс качеств, позволяющих индивиду преодолевать страх и боль, действовать вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Несмотря на то что, на первый взгляд, смысл понятия М. кажется достаточно простым и универсальным (т.е. существующим практически во всех культурах), в нем заключен парадокс. С одной стороны, оно отсылает к образу зрелого мужчины как носителя высоких достоинств, проявляемых при столкновении с опасностями, испытаниями, тяготами и т.д. С другой, — сам состав этих достоинств остается спорным; поэтому в современной культуре широко распространены рассуждения о том, что такое настоящее М. Ср. напр., в романе Х. Ли «Убить пересмешника» (1960): *Я хотел, чтобы ты... не воображал, будто мужество [courage] — это когда у человека в руках ружье. Мужество — это когда заранее знаешь, что ты проиграл, и все-таки берешься за дело и наперекор всему на свете идешь до конца* (перев. Н. Галь и Р. Облонской). Дискурсивно-полемический потенциал понятия М. состоит в том, что оно отражает важный аспект оценки индивида, но отсылает к нарочито архаическому плану бытия, не связанному напрямую с содержательной оценкой деятельности этого индивида. Охарактеризовать политика, коммерсанта, ученого как человека мужественного или, напротив, отказать ему в этом качестве — значит вызвать к нему симпатии или антипатии, апеллируя к универсальным культурно-психологическим механизмам. В то же время, речь не идет о совсем примитивных приемах, вро-

де комплиментов внешним данным или насмешек над манерами: дается оценка способности человека преодолевать сопротивление среды, действовать вопреки серьезным препятствиям.

М. этимологически соотносится с гендерным и возрастным статусом человека; ср. лат. *virtus* < *vir*. Но это не означает, что достигший зрелости мужчина автоматически считается наделенным соответствующим комплексом достоинств, а женщина — лишенной их. Речь идет об идеале «мужа» — человека, зрелого духовно и физически, причем противопоставление человеку незрелому и духовно и физически несостоятельному исходно важнее гендерного. Ср. в летописи о Данииле Галицком: *вз врані не позна [раны] крѣпости ради мѣжества . взроста своего* (Лаврентьевская лет., 507–508; Ипатьевская лет., 744); а также у А. С. Пушкина: *Я слышу речь не мальчишка, но мужа* («Борис Годунов», 1825). Тот факт, что большинство случаев проявления М. в древнерусских текстах связаны с мужскими образами, объясняется доминированием мужчин в военной практике. При этом уже в древнейших памятниках славянской гимнографии понятие М. встречается применительно к женщинам — святым мученицам; ср. в каноне св. мученице Евгении: *Женьскую вьсю немощь оумх твою забывъ на мужьствяна дѣлания вьзиде*. Ср. также в летописном рассказе о судьбе княгини Ульяны Вяземской: *она же предобрѣ мѣжелевнца мѣжскн воспротнѣла емѣ, и земши нож, ѿдари его в мышкѣ* (Пискаревский летописец, 442).

По своему происхождению понятие М. книжное; слова *мужество*, *мужественный* являются, вероятно кальками с греч. *ἀνδρ(ε)ία*, *ἀνδρεῖος* и т.д. В ранних летописях эти слова встречаются заметно реже, чем, напр., слова с основой *храбр-/хоробр-*. Поэтому можно предположить, что М. исходно представляет собой скорее литературный конструкт книжников, нежели категорию мышления воинской среды или каких-либо еще страт древнерусского общества.

Таким образом, понятие М. изначально проблематично: книжник, используя

щий его, вынужден решать, какие качества достойны «мужа», а какие нет. Решение этой проблемы не очевидно, поскольку христианский идеал поведения находится в конфликте с идеальным образом средневекового воина: первый тяготеет к смирению, сдержанности, самоконтролю, рациональному отказу от спонтанных, аффективных действий, второго отличают иные качества: ярость, агрессивность, самозабвенное упоение битвой, презрение к колебаниям и т.д. Ф. Контамин указывает на коренное различие между учеными схоластами, обсуждавшими нравственные проблемы (проявил ли тот или иной рыцарь истинное величие духа или, напротив, безрассудство, самонадеянность, жажду славы), и авторами, более близкими к военной среде, которые заимствуют у схоластов риторику, но для которых понятие М. «явно принадлежит другому семантическому полю, где доминируют почти инстинктивные аффективность и импульсивность» (Контамин, 268–270).

Однако следы похожего разделения можно найти и в произведениях, созданных в духовной среде (доминирующих в древнерусской словесности). Понятие М. фигурирует в двух принципиально разных категориях текстов. Первая состоит из текстов христианско-дидактического, агиографического и гимнографического характера. Понятие М. используется в них для обозначения стойкости в страданиях и невзгодах, выпадающих на долю верных последователей Христа. Напр., в поучении Кирилла Туровского (XII в.): *Терпѣливъ подвижайся, вѣжкы скорбѣи мѣжкы терпѣя, речеаша мѣченикомъ, за Христа свою изнѣвавшимъ кровѣ.*

Вторая категория состоит из летописных рассказов о воинских подвигах. Понимание М. здесь соотносится с поведением, считающимся похвальным в военной среде. По понятиям этой среды воинская доблесть была связана преимущественно со способностью яростно и неустрашимо кидаться в бой, забывая о себе и об опасности. На это указывает, в частности, специфическое употребление таких слов, как *буи(й)*, *лют(ый)*, *яр(ый)*. Так, по мнению А. И. Генсборского, за пределами во-

енной среды слово *буи(й)* употребляется в значении «безумный», тогда как в этой среде оно получает специфическое значение «смелый, отважный». В военных условиях «буесть», обычно интерпретируемая как гордость, неразумие, необузданность, воспринимается позитивно, как храбрость. Сформированное под влиянием этих представлений понимание М. отражено в летописном рассказе о поведении Андрея Боголюбского, слишком рьяно бросившегося в гущу битвы, оторвавшегося от сопровождавших его воинов и едва не ставшего добычей врагов. При этом явная неразумность поступка никак не влияет на его оценку авторитетными наблюдателями: *и мѣжн штънн похвалѣ емѣ даша . вѣжкѣ . занѣ мѣжкы . створн . пате бывшнхъ кѣи* (Ипатьевская лет. 390).

В XVIII–XIX вв. происходит перестройка всей системы оценок человеческого поведения. Возникают новые социальные институты, связывающие индивида сложной сеткой норм и требований. При этом новые практики социального дисциплинирования коренным образом отличаются от прежних, традиционных: они оставляют человеку больше свободы от статичных шаблонов, но взамен требуют от него самоконтроля, разумного поведения, рефлексии. Если раньше образ героя (см. также: ГЕРОЙ (XVIII)), презирающего опасность, был един, то в новых условиях можно вести себя бесстрашно, но недалековидно, неразумно, вопреки общему строю действий. С XVI–XVII вв. в языке русской письменности появляются и относительно широко распространяются новые характеристики: *смелый, отважный*. Если слово *мужественный*, даже по внутренней форме, характеризует человека с точки зрения цельности, равенства себе, соответствия идеальным образцам, то эти слова — с точки зрения сиюминутной способности человека на те или иные поступки. Они с самого начала имеют амбивалентную смысловую нагрузку и могут прилагаться (в отличие от *мужественный*) к воинам противника и вообще к отрицательным персонажам. Напр., гетман Мазепа в письме к патриарху Иоакиму от 1 июня 1689 г. так описывает пове-

дение татарских воинов, нападающих на русское войско: не только дробные мушкетные стрельбы, но и самых арматных пострелов не ужасаючися от рогатки отиралися, в якой своей отвазе чрез весь день трывали (Савелов, 21). Постепенно складывается противопоставление цивилизованных солдат, ведущих войну, и воинов, способных на спонтанный героизм, однако отступающих перед систематическими военными усилиями. Так, П. А. Румянцев в своем письме Екатерине II от 31 июля 1770 г. отдает дань уважения отважному противнику: *По испытанию справедливость сию должно отдать туркам, что персонально нельзя быть храбрее воину, как их всадники и пешеходцы*. В то же время достоинства русского войска оцениваются полководцем как более высокие: командующие дивизиями и корпусами, как он пишет, *собою пример давали своим подчиненным мужества и усердия в происходившем деле... я прошел все пространство степей до берегов Дунайских пред неприятелем, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю их во всяком месте за непреборимую стену*. Таким образом, М. приобретает характер качества или комплекса качеств более основательных, требующих постоянства и усердия, а не сиюминутной бравады. Одновременно с этим в сочинениях самого разного характера широко распространяются суждения о непомерной отваге представителей «диких» народностей (напр. у А. И. Левшина, И.-Г. Георги). Примерно в эту же эпоху М. начинает ассоциироваться с пассивной стойкостью, миролюбивым и одновременно достойным поведением. Это связано с тем, что агрессивное и деструктивное поведение, как указывал еще Н. Элиас (I, 282), подвергается все более решительному осуждению. Поэтому естественно видеть агрессивность в другом: в другом, представителе иной культуры, военном неприятеле. Напр., Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» (1839) охотно говорит о «храбрости», а иногда и о М. французов, однако, подводя итоги Бородинского сражения, пишет: *Механизм этой огромной битвы был самый простой. Наполеон на-*

падал, мы отражали <...> Со стороны французов — порывы и сила; со стороны русских — стойкость и мужество.

Обладание М. может рассматриваться как признак человеческой зрелости. Так, А. В. Суворов, характеризуя одного из своих подчиненных, замечает (в письме В. С. Попову, 20 мая 1790 г.): *...храбрость его надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством*.

С общей перестройкой канона М. предположительно связано и широкое распространение контекстов, в которых *мужественным* называется человек, стойко переносящий страдания — физические или моральные. С одной стороны, такое словоупотребление отсылает к ранним славянским текстам (житийного или служебного характера), в которых отражено невоенное, книжно-христианское видение М. С другой стороны, возрожденное понимание проблематичности М., внимание к пассивно-оборонительной позиции раг excellence подталкивали к тому, чтобы видеть в человеке на одре болезни или в неравной схватке с житейскими неудачами подобие воина на поле брани.

В дальнейшем и по сей день проблематичность понятия М. только усугубляется. Процесс принятия решения в современном обществе весьма тонок и сложен: индивид часто находится под воздействием разных стимулов, разных мотивов равной силы, но разной природы. Понятие М. позволяет концептуализировать этот выбор, не отказываясь от древней влиятельной идеи о внутренней силе человека. Так, широко распространены рассуждения о том, что в том или ином сомнительном случае было проявлено подлинное М. Напр.: *Политик А имел мужество принять непростое решение*. Или: *Многие считают деятеля В предателем, но чтобы пойти против своих же союзников нужно немалое мужество*. Место понятия М. в современной интеллектуальной культуре отнюдь не исчерпывается его панегирическими возможностями. Дискуссии о М. говорят об обществе, в котором они имеют место, ничуть не меньше, чем дискуссии о нравственности или о красоте.

Лит.: Генсбюрский А. И. Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Київ, 1961; Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001; Савелов Л. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687–1689 гг. Симферополь, 1906; Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I—II. М.; СПб., 2001.

Ю. В. К.

МУЗЕЙ-УСАДЬБА. Частный случай дома-музея. Обязательная составляющая культурного ландшафта каждого уважающего себя субъекта РФ. Некоторые субъекты имеют по несколько М.-У. М.-У. — специфически российское явление, сложившееся под влиянием двух факторов: культурного (наличие в прошлом т.н. *усадебной культуры*) и географического (масштабы страны, определившие расстояния между «культурными гнездами» — термин Н. К. Пиксанова). В советский период сложилась общероссийская и региональная иерархия М.-У., рейтинг которых определяется не размерами и богатством былой усадьбы, а вкладом ее владельца в отечественную культуру и развитие революционно-демократического движения в России и иногда происхождением. Так, крупнейший М.-У. писателя, историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник Пушкинские Горы (Псковская обл.), расположен на землях, ранее принадлежавших небогатому помещику А. С. Пушкину, «величайшему русскому писателю» (терминология КЛЭ). Для подчеркивания его роли в развитии русской литературы в музейный комплекс были включены не только его собственная усадьба (Михайловское), но и усадьба его близких родственников (Петровское), поместье его соседей Осиповых-Вульф (Тригорское) и частично место его последнего упокоения (Святогорский монастырь). В Тульской области некогда обширное хозяйство известного русского агронома А. Т. Болотова (его именем назван колхоз) М.-У. Дворяниново уступает, с точки зрения музейной ценности, запущенно-

му поместью М.-У. Ясная Поляна «гения, выдвинутого эпохой, подготовившей революцию 1905» (КЛЭ), — Л. Н. Толстого, графское достоинство которого в данном случае не мешает ему занимать второе, после Пушкина, место в ряду русских писателей XIX в. В тех же отношениях находятся М.-У. Извары художника-модерниста Н. К. Рериха и Пенаты художника-передвижника И. Е. Репина (Ленинградская обл.). В отдельных случаях даже временное жилище может быть признано более значимым объектом, чем полноценный М.-У.: ср. охотничий домик Н. А. Некрасова, «виднейшего русского демократического поэта» (КЛЭ), и М.-У. Сябринцы Г. И. Успенского, «выдающегося русского писателя» (КЛЭ) (оба — Новгородская обл.). Субъекты РФ, не имеющие или имеющие недостаточно полноценных М.-У., стремятся к созданию М.-У. в усадьбах родственников и друзей видных культурных деятелей — т.н. «М.-У., связанные с именем...»: напр., М.-У. Батюшковых Даниловское, связанный с именами К. Н. Батюшкова и А. И. Куприна, М.-У. Лотаревых Владимировка, связанный с именем Игоря Северянина (оба — Вологодская обл.). Некоторые М.-У., по преимуществу являющиеся музеем одного человека, также оказываются «связаны с именем» (не путать с «М.-У., в которых бывал...») например, М.-У. Мураново (Московская обл.) традиционно считается М.-У. Ф. И. Тютчева (сын владельца усадьбы был женат на дочери поэта), но в то же время связан с именем Е. А. Баратынского, по проекту которого был построен усадебный дом.

Место М.-У. в общероссийской и региональной иерархии определяет внимание к нему властей, общественности и СМИ, а также финансирование и возможность проводить торжественные мероприятия по случаю юбилеев и годовщин бывшего владельца усадьбы. Независимо от рейтинга, все М.-У. РФ объединяет общая *атмосфера*, обусловленная их тотальной дисгармонией с социокультурным ландшафтом (преимущественно сельским). М.-У. часто представляют собой единственный культурный очаг в окружении деревень, осознаваемый и местными жителями, и туриста-

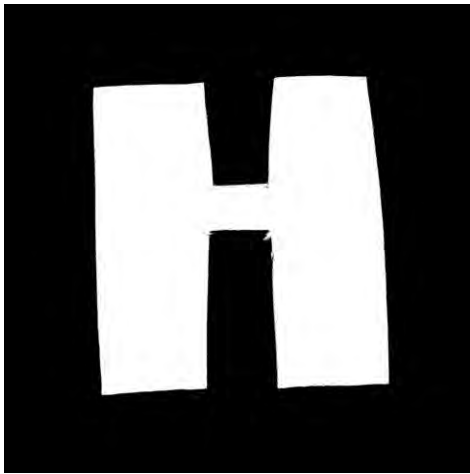
ми как нечто инородное. Такое положение М.-У. создает специфическое ощущение *особой культурной миссии*, и определяет чрезвычайно ранимое самолюбие сотрудников (см.: ЭКСКУРСОВОД УСАДЕБНЫЙ). Это ощущение сказывается не только в максимальном ограничении доступа посторонних (даже при наличии у них соответствующих документов от соответствующих организаций) к архивам и запасникам (если они есть), но и в выборочном угощении посетителей чаем, устройстве их на ночлег или в экскурсионный автобус.

В то же время, некоторая изоляция, в том числе и от вышестоящих организаций, приводит к фамильярному отношению к музейным ценностям, разливанию водки в мемориальную посуду, сидению на мемориальных стульях, печению пирогов в мемориальных печах и т.д. М.-У. воспринимается его сотрудниками как продолжение собственного дома, а отношение к герою, которому музей посвящен (в терминологии сотрудников М.-У., *кормильцу*), уподобляется отношению к собственным предкам. Поэтому, как и в

любой семье, в М.-У. обычно существуют интриги и ссоры, в которые сотрудники М.-У. стараются втянуть посторонних, угощая их чаем, принимая на ночлег или устраивая в экскурсионный автобус. Вышеуказанными факторами обусловлена кажущаяся угрюмость и неприветливость сотрудников М.-У., которая, впрочем, проходит после непродолжительной беседы при правильной установке туриста. Чтобы завоевать расположение работника М.-У., нельзя показаться полным невеждой, но еще хуже обнаружить блестящую эрудицию. Рекомендуется демонстрировать умеренные познания при сильной заинтересованности и почтительном отношении к герою, а также стойкий нейтралитет в вопросах, касающихся музейной (от экспозиционной до финансовой) политики.

А. Ю. В.

НОВАЯ БУКВА АЛФАВИТА.

Условное обозначение графемы Ц, претендующей на включение в состав кириллического русского алфавита, но на текущий момент не имеющей ни устойчивого названия, ни определенного фонетического эквивалента.

Авторство Н. Б. А. чаще всего приписывается авторитетному сетевому писателю Леониду Каганову. Как явствует из Интернет-документов, в частности из записи в дневнике самого Каганова от 26 мая 2008, он действительно сгенерировал букву Ц по аналогии с другими, уже известными ему комбинированными экспериментальными графемами Ъ и Ы. Однако вскоре в комментариях к этой записи объявились другие претенденты на авторские права, утверждающие свое первенство в этой разработке — ср.: *Вообще-то ее уже придумали. Некоторые товарищи даже в качестве юзерника используют. :); andrzejn придумал раньше; Вообще-то давно уже придумали и даже футболку исхитрились выпустить. Ну что за люди, а? Хуже не встречал. Но если дорогому Леониду так хочется, пусть это будет и немножечко его заслуга! Лично мне не жалко; Жестокый баян, аккордеон даже. У нас в офисе плакат с такой буквой года 3 висит и т.п.* (см.: Каганов). Т. о., роль Каганова и его дневника в популяризации Н. Б. А. безусловна, однако вопрос о времени ее происхождения и ис-

тинном создателе до сих пор остается открытым.

Спорным также является вопрос о фонетическом соответствии Н. Б. А. Мнения исследователей по этому поводу расходятся в направлении двух основных противостоящих позиций (см. также: Ы): ученые московской фонологической школы склонны считать, что звук [Ц] — взрывной билабиальный, в то время как последователи петербургской традиции видят в нем переднеязычную аффрикату. Существует и третья, независимая точка зрения, согласно которой [Ц] произносится как придыхательный [п] — [p^h], поскольку именно таковым является один из звуков фонетической системы абхазского языка, обозначаемый графическим знаком, подобным Ц (см.: Hewitt, 260–263); при этом генетическая связь между абхазской буквой и русской Н. Б. А. отрицается. Представители полемизирующих направлений единодушны лишь в одной характеристике: все они определяют [Ц] как безусловно глухой.

Еще одна проблема, связанная с функционированием Н. Б. А. и обнаруживающая ее неустойчивый статус в языковой системе, состоит в отсутствии строго закрепленного за Ц места в порядке следования букв русского алфавита. По мнению ряда лингвистов, наиболее обоснованной является позиция между буквами Т и У. При закреплении такой позиции Н. Б. А. станет 21-й буквой алфавита, а порядковый номер последующих букв сдвинется соответственно на единицу вперед. Не менее обоснованной представляется альтернативная точка зрения, согласно которой эту букву следует расположить между Ъ и Э, т.е. на том месте, где до 1918 г. находился Ъ (ять), чтобы заполнить образовавшуюся после его исключения из алфавита лауну. В случае же реставрации ятя (чего нельзя исключать, учитывая его популярность в современной медиакультуре, см.: Ъ / Ъ) буква прошлого и буква будущего окажутся в символически окрашенном положении соседства.

Вероятно, буква Ц не получила бы такой широкой известности, ее функционирование было бы исчерпано ограничен-

ным тиражом футболок с соответствующим изображением и она никогда бы не смогла претендовать на статус Н.Б.А., если бы с конца лета 2008 г. в российских СМИ и среди населения РФ не муссировалась тема надвигающегося всемирного экономического кризиса. В середине осени, когда первые проявления кризиса сделались заметными, общественные переживания по этому поводу достигли достаточно высокого градуса и породили устойчивые эсхатологические ожидания, что, в свою очередь, незамедлительно отразилось в речевых стратегиях и сказалось прежде всего на частотности употребления лексем, входящих в соответствующее семантическое поле. Эти процессы спровоцировали внимание к букве Ц, введение которой в данных условиях объективно способствовало бы реализации закона экономии языковых средств, и вызвали к жизни проект внедрения ее в графическую систему современного русского языка в качестве Н.Б.А. Так, во второй декаде ноября 2008 г. среди русскоязычных пользователей сети Интернет с большой скоростью разошлось анонимное письмо, содержащее изображение Ц с комментарием: *В связи с нестабильной экономической ситуацией, в русский алфавит вводится новая буква. Сам Л. Каганов, чей рисунок Н.Б.А. был задействован в подобных рассылках, позже высказывался об этом: Я вот думаю: не нарисуй я в мае эту букву, кто знает, может и кризиса бы не было?* (Каганов). Таким образом, факт появления в русском алфавите Н.Б.А. является ярким подтверждением теории социальной обусловленности языковых изменений и должен быть обязательно включен в соответствующие разделы учебных пособий

по социолингвистике в качестве примера непосредственного влияния общественно-экономических коллизий на языковую систему.

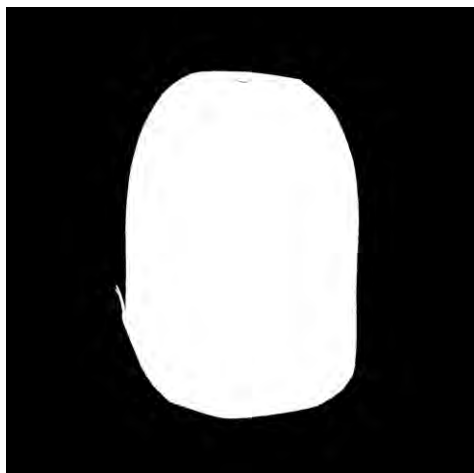
Для укрепления позиций Н.Б.А. в современном русском алфавите, отделам лингвистических институтов, занимающимся изучением языковых инноваций, и педагогическим учреждениям, ответственным за внедрение в речевой обиход и учебную практику кодифицированных изменений норм литературного языка, следует совместно разработать систему орфографических правил ее употребления (в том числе для существующих слов типа *коррупция*), а также создать группу лексем, реализующих и иллюстрирующих действие этих правил (см.: ЭКЗЕМПЛИФИКАТИВ). В качестве последних могут быть предложены, напр., следующие лексические неологизмы различной частеречной принадлежности: *Полный* (прил.), *абзаЦ* (сущ.), *Подкрался* (глагол), *Потихоньку* (нар.), *оЦаньки!* (межд.) и др.

Лит.: [Каганов] 26 мая 2008 новые буквы // Леонид Каганов. Моя домашняя страница: [web-сайт] <<http://leo.aha.ru/dnevnik/2008/05/26.html?login>>; Hewitt G. Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus. München, 2004.

М. Л. Л.

НОРЧИ ЛЕНИНЕЛИ (груз.). См.: ТЫНЭРУЛ ЛЕНИНИСТ.

Н

ОДЁССКИЙ ВЫЧОК. См.: СОСВИНСКАЯ СЕЛЕДКА.

ОДНА БАБА СКАЗАЛА. См.: САРАФАННОЕ РАДИО.

ОТЧЁТ. Аналог молитвенного обращения к грантодателю (см. ГРАНТОДАТЕЛЬ), продолжающий коммуникацию, отражает благодарственный аспект гранта (см.: ГРАНТ₂.) Исполнение О. подразумевает использование особого кода и строгое соответствие канону. Канон составления О. закреплён в специальных опросных матрицах (т.н. *анкетах*) и часто включает такие элементы, как *Титульный лист* (в виде таблицы) и *Формы 1–8 (10)*. Требуется от заполняющего внимания, опыта и владения особым ритуально-магическим знанием.

См. также: ГРАНТ₁, Заявка, Исполнитель проекта, Руководитель проекта.

Я. Э. А.

ОХОТНИЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Колыбельная песня, базирующаяся на мотиве охоты как будущего занятия младенца.

О. К. П. зафиксированы в русской колыбельной традиции единичными примерами. Рассматривая колыбельную песню

как песню, адресованную младенцу, находящемуся в *переходном состоянии*, и функционально направленную на завершение этого перехода, охотничий алломотив является конкретной реализацией мотивемы благополучного будущего. В содержательной модальности данной мотивемы («как спую, так и будет») прогнозируются следующие роли или ипостаси будущего взрослого: *богатый человек, работник, женатый человек, общинный человек, боголюбивый человек, пригожий человек; благодарный кормилец*. Охотничий алломотив напрямую связан с магической прогностикой роли будущего *работника* (промысловика) и коррелирует с прогностикой роли будущего *благодарного кормильца*.

Записи О. К. П. осуществлялись в северных губерниях, где охотничий промысел составлял значимую часть хозяйственного быта, например: *Баю-баю паренька, // Да промысленичка. // Бай топорничка. // Куропатничка. // Куропатничка, // Да лисичника, // Да куничника — // Силоставничка* [т.е. того, кто ловко ставит силки]! (РО РНБ, ф. 694, ед. хр. 54, №155. Новг. губ. Зап. Н. М. Элиаш).

О. К. П. встречаются и в литературной традиции. В 1909 г. В. Карпов на основе текста «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова написал «Колыбельную песню псового охотника», где развратной городской жизни противопоставляется псовая охота: *... Чуть забрезжит луч Авроры // — Ты спеши в поля! // Там, средь поля, на просторе // Русачка травнешь, // — Все забудешь: ропот, горе, // И легко вздохнешь*.

В зарубежной фольклористике высказывалось мнение о связи охотничьих песен с т.н. *смертными* колыбельными. Рассматривая смертный мотив как проявление негативизма няньки по отношению к младенцу, Ш. Спитц проанализировала охотничьи песни разных этносов, связанные с добычей тюленя. Выделяя в них следующие мотивы: «мы не хотели убивать — это несчастный случай»; «мы не убивали — это естественная смерть»; «убили для вашей же благодати — вы вернетесь к предкам» — исследовательница предположила, что женщина-

нянька в смертной колыбельной выражает те же чувства, которые мужчины выражают в охотничьей песне. Смыслы и формулы охотничьих песен были адаптированы, в соответствии с тайным желанием исполнителя, в колыбельную песню (Spitz).

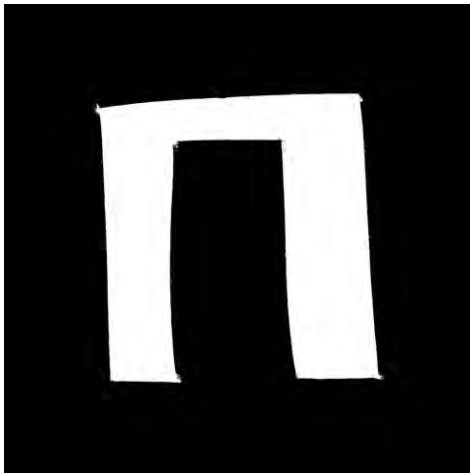
Некоторые русские О.К.П. соединяют в одной мотивеме охотничий и рыбачий аллюмотивы, ср. запись 1927 г. из д. Немнюга Пинежского у. Архангельской губ.: ... *Спи, спи, усни, // Будешь большой, // Будешь рыбку ловить, // Тетерку ловить, // Будешь лес рубить, // Татку, мамку кормить* (РО ИРЛИ, ряд V, к.3, п.7, № 110).

См. также: РЫБАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

Лит.: Spitz, Sheryl A. Additional Thoughts on East Slavic «Dirge» Lullabies: The Hunting Song // Children Literature. 1993. № 21.

В. В. Г.

ПА́РА. См.: ТУМБА.

ПА́МЯТНИК (лат. *mono-mentus* — ‘(выражающий) единую мысль, идею’). Кусок камня, металла, дерева или гипса, произвольных размеров и формы, выставленный на всеобщее обозрение с целью выразить собой некоторую единую мысль, идею. Так как не все способны понять замысел автора адекватно, часто сопровождается пояснительной надписью.

Поскольку не всем авторам П. удается разжиться большим фрагментом материала, никакого габаритного стандарта для П. не существует, и изображаемые люди, предметы и прочие объекты могут оказаться самых разных размеров. П. различаются между собой схожестью: одни сходны с людьми, другие — с животными, третьи — с абстрактными явлениями. Последние наиболее опасны для психики зрителя (к счастью, их число сравнительно невелико).

Как следует из внутренней формы русского слова *памятник*, П. устанавливается *для памяти*. Память же требуется поддерживать в тех случаях, когда сам объект является уже капитально забытым. В этом случае появляется П., в котором явление, событие или личность представляется в виде, имеющем отношение не столько к ним самим, сколько к понима-

нию их автором. Как правило, П. не ставятся ничему хорошему, за исключением военных побед и поэта Пушкина. Остальные П. просто констатируют собой факт некоего события или жизни некоего лица. Если изображено что-то хорошее и при этом похоже на П., то, скорее всего, это не П., а городская скульптура. Героем П. может стать не только собственно то событие (лицо, явление), которому он посвящен, но и лицо (организация), осуществившее, инициировавшее и/или оплатившее создание и установку П. Надпись «воздвигнут на средства» и под. — не менее значимая часть современного П., чем основное объемное изображение.

П. подразделяются на группы по своему географическому положению. На площадях стоят *самые главные* П., на улицах — П. *попроще*, в садах и скверах — *еще проще*, а во дворах ставят *самые ничемные*. Однако существует особая группа П., которые специально спрятаны в закрытые дворы и вестибюли зданий от взглядов непросвещенной толпы: это *корпоративные* П. (под корпорацией в данном случае может подразумеваться как фирма-изготовитель носков и платков, так и военное учреждение). Их задача — постоянно напоминать членам коллектива о наличии первопредка-покровителя, которому поставлен П. и имя которого чаще всего носит данная корпорация, либо верховного жреца-властителя, поставившего этот П. Существуют и т.н. *неформальные* П. Это П., поставленные не институтами, а физическими лицами физическим лицам. Обычно они отмечают место смерти (в автокатастрофе или в результате преднамеренного убийства), посредством прикрепления венков к столбу, цветов к асфальту, табличек к ограде. Обычно такие П. существуют до тех пор, пока на них не обратят внимание инстанции.

П. может быть включен в активное взаимодействие со зрителем. В специальные дни к П. приносят цветы, выставляют почетный караул и произносят речи. Распространены практики фотографирования на фоне П. или в момент непосредственного физического контакта с ним — обнимания, сидения на коленях, включения себя в монументальную группу. Кро-

ме того, П. определенным образом украшают или натирают им отдельные детали. При этом подразумевается действие принципа симильной магии: «что натираешь у П. то улучшится у тебя» (карман, полы одежды — материальное благополучие, гениталии, нос — по comments, и т.д.), однако иногда обратное воздействие П. на человека оказывается непредсказуемым. Если непосредственный тактильный контакт с П. невозможен, а достижение магического результата необходимо, в этом случае на него (к нему) кидают монетки. Иногда традиция требует точного попадания в П. и удержания монетки на его поверхности, иногда достаточно касания П. монетой или даже просто самого факта бросания. Время от времени к таким П. приходят сборщики монет, использующие данную традицию своекорыстно. Наиболее исторически успешные П. становятся участниками войн и революций: их разрушают, калечат, сдают в металлолом, портят внешний вид надписями краской и т.п. Эти практики безусловно свидетельствуют о вечном плюрализме мнений в обществе.

В современных экономических условиях создание и установка П. — мероприятие чрезвычайно дорогостоящее, тем не менее остается еще много мест, где их нет, и лиц (событий, явлений), которые не увековечены посредством П. Для решения этой проблемы в настоящее время специалистами разрабатывается проект П. «Все-му и всем», который предполагается установить везде.

В. Ф. Л.

ПОПАНДОПУЛО. Фамилия анархиста, персонажа фильма «Свадьба в Малиновке» (1967). Часто используется в выражениях: *одет, как П.*; *богат, как П.*; *выглядеть как П.*; *бежать, как П.*; *делит как П.* и пр. Фильм был растащен на цитаты, которые встречаются и в современной речи, напр.: «Бери! (Возьми все!) Я себе еще нарисую!», «Власть переменялась!», «В ту степь» «Битте-дритте, фрау-мадам», «Бац, бац, и мимо!», «Я тебе оторву голову и скажу, что так и было», «Это тебе, это мне, это опять те-

бе, это обратно мне», «У нас никого не бывает. Такая скука!», «У меня же нервная система!», «Зубками ее, зубками!», «И шо (чего) это я в тебя такой влюбленный?», «Поносил — дай другому поносить!», «гадский папа», «Я такой фасон не ношу», «Я себя не обделил?», «Кони пьяные, хлопцы запряжены» и др. Многие из этих фраз принадлежат «министру финансов и адъютанту Попандопуло из Одессы». Греческая фамилия П. не является редкой и, вероятно, воспринимается современным зрителем как смешная уже благодаря комедийному таланту М. Водяного, сыгравшего эту роль в фильме. Фамилия П. могла появиться в фильме, потому что принадлежала известному в Одессе контрабандисту, однако есть основания полагать, что выбор этой фамилии обусловлен еще одним существенным обстоятельством.

Авторы либретто оперетты «Свадьба в Малиновке» (1937) Л. А. Юхвид (1909 — 1968) и В. Я. Типот (1893–1960) начали свою работу в журналистике еще в 1920-х гг. Юхвид публиковался с 1925 г., когда в прессе был пик публикаций о рабселькорах-разоблачителях, Типот был известным «синеблузником». Возможно, они вспомнили «смешную» фамилию Попандопуло в связи с историей «разоблачения шайки Попандопуло-Постолат(т)и» в Одесской обл. Эта история отвечала политике 1937 г. в период актуальности идеи проникновения «врагов» в органы советской власти и была освящена статьей И. В. Сталина в газете «Правда» об убийствах селькоров, а затем пьесой Аграновского о событиях в селе Дымовка. «В 1925 г. остались только две банды в районе Одессы — „Бим-Бом“ и банда Попандопуло-Постолатти из 17 человек в селе Дымовка. Интересно, что обе эти банды имели крепкие, налаженные связи с руководящими советскими органами, и в числе бандитов были даже коммунисты. Вообще для 1923 — 1925 гг. характерен термин „советский бандитизм“, который означал, во-первых, что предводитель или лидеры банд тесно срослись с Советской властью, были коммунистами или советскими работниками...» (Файтельберг-Бланк, Савченко). В упомянутой пьесе «Дымовка» (1925) П. —

секретарь Дымовской комячейки — угрожает селькору Григорию Малиновскому: «В подвалах Чеки Григория сгною!», а сам Григорий считает, что только «в городах настоящая советская власть. Точная и крепкая», в деревне же ее нет. Таково и мнение односельчан убитого селькора:

«1-й крестьянин. Вот она, правда — горел, горел и сгорел вместе со своей правдой.

2-й крестьянин. Побегу, подниму власть на ноги. Затревожу село. В совет дам знать.

3-й крестьянин. Стой. Чего бежать, когда сама Дымовская власть его же и убила» (Ветлугин, Аграновский).

В фильме фраза П. «и шо это я в тебя такой влюбленный», многократно повторяемая, адресована разным людям (сначала несколько раз Грициану Таврическому, потом красноармейцам, которые берут Попандопулю в плен). Дед Ничипор, который носит с собой похожую на буденовку шапку со звездой, как кажется, сочувствует советской власти, но затем он ставит печать на справку о том, что Балясный (отец Грициана) сдал зерно по продразверстке. Этот образ тоже поддерживает тему возможной неблагонадежности самой власти. Так как в целом события «Свадьбы в Малиновке» имеют поссоветски реальную подоплеку (историю борьбы Г. Котовского против махновцев), то и образ П. вполне мог иметь прототип и отвечать стремлению авторов затронуть актуальную для 1937 г. тему, т.е. высмеять умение П. договариваться с любой властью и готовность власти покровительствовать П. Эта тема не воспринимается современным зрителем, но в 1937 г. она понятна и актуальна. Еще свежи были воспоминания о фильме «Дымовка», иногда именуемом в прессе «Убийство селькора Малиновского» или «Селькор Малиновский» (Одесская киностудия, 1925 г., режиссер П. Сазонов, авторы сценария Д. Бузько, П. Сазонов, В. Заноза). В эти же годы кадры из фильма многократно воспроизводились в газетах и журналах. Кроме того, всем современникам событий в Дымовке были знакомы стихи Демьяна Бедного «Памяти селькора Малиновского» (1924), в которых упоминается и П.

Лит.: Ветлугин С. (Ник. Юдин) и Аграновский А. (Бэлы). Дымовка: Драма в 4-х картинах с прологом и эпилогом. Б.м.: Госиздат Украины, 1925; Сталин И. В. О «Дымовке»: Речь на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) 26 января 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т.7; Файтельберг-Бланк В., Савченко В. «Умиротворение степей» (1922–1925) // «Порто-Франко». 1999. № 46(126). <<http://porto-fr.odessa.ua/1999/46/46-43.htm>>; Маркасова Е. В. Несостоявшаяся смычка: советская юстиция и селькор // Экономика и право в зеркале культуры (Россия и Запад): Матлы межд. науч. конф. (СПб., 6–8 мая 2002 г.). СПб., 2003.

Е. В. М.

ПОРА́ ПО БА́БАМ! См.: ТУМБА.

ПОХО́ДУ, походу дела. Новое слово на букву П, одно из ценнейших приобретений русской лексики XXI в. Употребляется в качестве вводного слова со значением большой вероятности ожидаемого («скорее всего, судя по всему»), напр.: *К тому же у тебя нет выбора, по ходу* («Хулиган», 2004, 15 июня); *Походу дела, мы неслабо отпоздываем.* — и т.п.

Выражение П. в качестве вводного слова получило распространение не более 5–6 лет назад и в основном имеет хождение в молодежной среде — ср.: *Слышь, Бигланч, я, походу, в центр переезжаю* (DJ Doshirak & MC Biglanч, «Сережка соскочил», 2008). Однако ощущение новизны и социо-возрастной маркированности в отношении этого слова у носителей языка постепенно утрачивается, что порождает, в частности, курьезные анахронизмы: напр., в 4-й серии фильма «Ликвидация» (2007), действие которого происходит в 1946 г., фразу с П. — вводным словом произносит главный герой Давид Гоцман, которому не менее сорока лет: *В разведшколе вместе с Чеканом обучался некто Академик. Вот он, походу, у них за главного.*

С точки зрения действующих правил пунктуации, П., как вводное слово, на письме с обеих сторон выделяется запятыми. Орфографическая же норма в отношении данной лексической единицы не

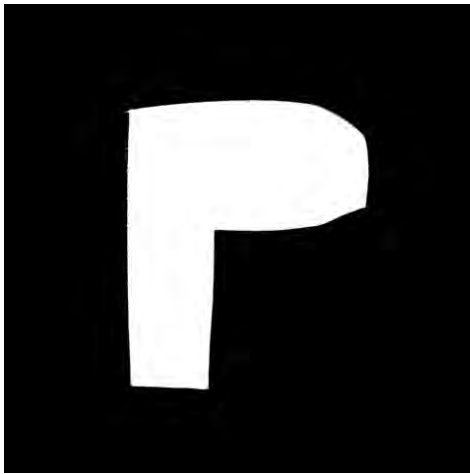
устоялась, однако представляется оправданным писать оба варианта слитно с предлогом ПО, превратив его в префикс. Это позволит в письменной форме отличать П., *походу дела* от омонимов (в этом случае — только омофонов) «по ходу», «по ходу дела».

Наличие этих омонимов неслучайно: частица П. (*походу дела*) произошла посредством перехода в другую часть речи производного предлога *по ходу* ('в процессе, за время, с течением' — ср.: ...*Думаю, что по ходу турнира мой теннис будет становиться все лучше и лучше.* («Известия», 2002, 28 авг.)) и наречного выражения *по ходу дела* ('в процессе'; 'между делом, проходя' — ср.: *За чем, почему, с какой целью, каков предполагаемый результат — разберемся по ходу дела* (А. Белянин, «Свириный ландграф», 1999); *По ходу дела замечу, что при такой постановке вопроса теряется всякий смысл понятия...* («Бизнес-журнал», 2004, 3 марта)). Изменение семантики при этом произошло под влиянием и в направлении созвучного слова *похоже*, ср.: *А вот сам Андрей Звягинцев, похоже, уже подустал...* («Экран и сцена», 2004, 6 мая). Такой комбинирован-

ный способ словообразования — переход в другую часть речи + заимствование значения у созвучного слова — представляется весьма перспективным для дальнейшего развития лексики русского языка в ближайшее время. Если благодаря внедрению этой словообразовательной модели продолжится пополнение арсенала вводных слов, то уже в недалеком будущем носители русского языка будут употреблять, напр., «конюшня» в значении 'конечно' или «вскочим» вместо «впрочем» и т. п. Это, конюшня, может вызвать негативную оценку со стороны академических и образовательных институтов — что, вскочим, никогда не могло сколько-нибудь заметно влиять на реальный ход обновления лексического состава и вообще на процесс языкового развития, так что появления в ближайшем будущем этих и подобных неологизмов нам, походу дела, не избежать.

М. Л. Л.

П

РА́ДИОСАРАФА́Н. См.: САРАФА́Н-НОЕ РАДИО.

РОДНА́Я РЕЧЬ. Название учебного пособия для начальной школы.

После получившего огромную популярность пособия К. Д. Ушинского *Родное слово* (около 150 изданий с 1864 по 1916 г.) прилагательное *родной* регулярно использовалось в заглавиях дореволюционных учебных книг (напр.: *Родной мир* (1875), *Родная речь* (1877), *Родной край* (1879), *Родная нива* (1881), *Родное чтение* (1885), *Наше родное* (1886), *Родная земля* (1894–1897), *Родные звезды* (1896), *Родная грамота* (1903), *Родная школа* (1901, 1906, 1908), *Родная пчелка* (1898), *Родной язык* (1910)), и эта традиция была учтена советскими педагогами. В советское время в качестве основного заглавия пособий для начальной школы утвердилось словосочетание Р.Р. Его, напр., использовали составители хрестоматий, вышедших с 1940-х до 1974 г. Е. Е. Соловьева, Н. Н. Щепетова, Л. А. Карпинская, В. И. Волынская, А. А. Канарская, (см. в ч., Соловьева, 1948), а затем с 1974 г. до 1980-х М. С. Васильева, Л. А. Горбушина, Е. И. Никитина, М. И. Оморокова (см., в ч., Васильева, 1974). В настоящее время Р.Р. – основное название пособий для чтения в 1 – 4 классах; в средней школе термин Р.Р. почти не употребляется, хо-

тя существуют отдельные программы Р.Р. для 5 – 11 классов, напр., С. И. Львовой и М. М. Разумовской.

Р.Р. – словосочетание с некомпозиционной семантикой, клише, для понимания которого недостаточно знания значений слов *родной* и *речь*.

1. Р.Р. в советском педагогическом дискурсе обозначает не язык, а словесность, литературу. Пособию *Родная речь* в сетке предметов соответствовали уроки не языка, а чтения, причем чтения в начальной школе. Ассоциация с литературой, а не с языком проявляется, напр., в заглавии книги П. Вайля и А. Гениса о русской классике в школьной программе «Родная речь. Уроки изящной словесности». В обсуждениях книги Вайля и Гениса постоянно всплывает представление об уроках Р.Р. как уроках литературы, хотя показательно, что уроки литературы в средних и старших классах не назывались *Родная речь*. Ср.: «*Родная речь*» – это скучное название отсылает нас к ненавистным учебникам литературы, которые лежали у нас на партах: много-много парт, и на каждой – одинаковые книжечки. С крупной цифрой «6» или, там, «7» – в зависимости от класса (Нюшка).

В современной учебной программе Р.Р. соотносится именно с чтением в младших классах и курсами словесности / риторики (появляющимися факультативно в программе средней школы), т.е. покрывает зону до и около изучения литературы. Рекомендованное Министерством образования РФ пособие по Р.Р. (Л. Ф. Климанова) относится к программе «Литературное чтение»: «Знакомство с художественными произведениями, включенными в программу, приобщает детей к культурному наследию нашего народа и народов других стран, их духовно-нравственным ценностям, формирует способность чувствовать красоту поэтического слова, развивает интерес к чтению и потребность в самостоятельном чтении книг».

2. Р.Р. – не обязательно обозначает родной идиом ученика. В составе клише определение *родная* теряет возможность соотнесения с любым идиомом и закрепляется за русским языком (vs. родной язык (см.: Родной язык), обозначающий нерусский язык). Основное учебное посо-

бие в младших классах — книга для чтения (см.: КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ), называемая Р.Р., для всех регионов СССР / РФ написана на русском языке, вне зависимости от родных языков — во всех значениях термина — учащихся. На практике ситуация несколько сложнее, т.к. пособие Р.Р. могло быть переведено на язык меньшинства. В последнее время появились тексты, обыгрывающие речевой стереотип Р.Р. и сближающие его с родным языком, что является первым шагом на пути трансформации клише. Напр., *Родная речь* называется альбом певицы Алсу, в котором народные песни или песни на хрестоматийные тексты Г. Тукая исполняются на татарском языке и одна песня на башкирском.

Книга для чтения Е. Савельевой *Родная речь* знакомила ребенка с основными клише советского общества и давала ему новый язык. «Воспитание „нового человека“ подразумевает обучение особой риторике, делающей идеологически правильное говорение неосознанным, превращающим его в „родную речь“» (Мамедова). Р.Р. подразумевает не родную речь, а будущую родную (русскую или, скорее, советскую), т.е. ничего общего не имеет с понятием *материнского* или *первого* языка.

Клише Р.Р. теряет соотнесенность с первым языком ребенка и титульной культурой (т.е. теми смыслами, которые актуальны для понятия родной язык). Программы Р.Р. направлены на обучение новой речи, которая должна стать родной для школьника, — культурному коду советского времени или идиому, вобравшему в себя достижения различных культур («нашего народа и народов других стран»). В советской культуре Р.Р. формировала культурное поле каждого ребенка; безрефлексивно воспринимаемые детьми тексты, персонажи и стереотипы изображения составляли даже не идеологию, а повседневный мир школьника, как фотография семьи или мебель.

Лит.: Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. Нью-Йорк, 1989; Климанова Л.Ф. Родная речь. 1 кл. М., 2006; Мамедова Д. Персонажи власти в литературе для детей советского периода //

Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: [web-сайт] <<http://www.ruthenia.ru/folklore/mamedova1.htm>>; Нюшка. Рецензия на книгу «Родная речь» // Рецензент.Ру: [web-сайт] <<http://recensent.ru/nushka/506/>>; Родная речь. Книга для чтения в III классе начальной школы. / Сост. Е.Е. Соловьева и др. М., 1948. (4-е изд.); Родная речь. Книга для чтения в третьем классе. / Сост. М.С. Васильева и др. М., 1974.

В. В. Б.

РОДНОЙ ЯЗЫК. Понятие, которое нередко используется как синоним таких терминов, как *материнский язык*, *первый язык*, *язык своей национальности* (эта формулировка предлагалась в советских переписях населения) и др. Но даже на фоне этих достаточно расплывчатых терминов Р.Я. выделяется максимально широким значением.

Терминологический хаос в области усвоения языка неоднократно становился предметом рефлексии социолингвистов (особенно специалистов, сталкивавшихся с проблемами преподавания миноритарных языков), однако мужественные попытки придать словосочетанию Р.Я. некоторую терминологичность и ограничить его использование областью языковой идентичности носителей не привели к улучшению ситуации. Еще менее удачным следует признать определение Р.Я. как первого языка, усвоенного в естественном окружении, остающегося основным средством общения для человека. Подобные определения направлены на отделение трех случаев нетерминологического употребления Р.Я. (допустимых для идентификационного подхода к Р.Я.): 1) *мой родной язык L, но я никогда не слышал, чтобы в нашей семье на нем говорили*; 2) *я давно не говорю на родном языке*; 3) *мой родной язык не L1, на котором я говорила в детстве, а L2, который я выучила в эмиграции*.

В данном случае интерес представляют характеристики, важные для понимания клише Р.Я. в дискурсе.

1. Р.Я. — свойство группы, а не индивида. Советский дискурс (особенно педагогический) почти не использовал тер-

мин Р. Я. применительно к индивидуальному владению языком. Принадлежность к определенной этнической группе автоматически делала индивида обладателем Р. Я. вне зависимости от языковой компетенции, владения другими языками или предпочтений ребенка и родителей. Трагикомические истории времен 1920–30-х гг. — периода введения Р. Я. в учебные программы — показывают, что сопротивление родителей обучению Р. Я. (мотивированное стремлением овладеть русским языком, или языковыми особенностями семьи, или различием диалектов) оказывались, как правило, безуспешными, как, впрочем, и коллективные протесты по поводу выбора определенного идиoma в качестве Р. Я. группы. Следствие этого — неожиданные для лингвистов данные советских и постсоветских переписей, указывающих значительное число носителей руда исчезающих языков.

2. У каждого человека должен быть только один Р. Я. Невозможность указать два Р. Я. языка в переписи населения вынуждала носителей выбирать главную идентичность. В результате советской языковой политики Р. Я. появился у каждого человека.

3. Р. Я. есть у каждой этнической группы; его отсутствие вызывает сомнение в полноценности сообщества, его праве на собственное имя и место в классификации. Сомнительными являются, в частности, ситуации, когда группа использует в качестве Р. Я. идиом, являющийся Р. Я. для другого сообщества, которое по некоторым причинам имеет «больше прав» на этот язык с точки зрения официального дискурса. Верховное знание советской этнографии: долгане — это эвенки, которые говорят по-якутски. Несмотря на то, что долгане добились отдельного статуса и положения коренного народа Севера, многие лингвисты и этнографы не хотели соглашаться с этим, потому что «такого языка нет».

4. Р. Я. должен соотноситься с другими признаками группы, в частности с «происхождением», этничностью и конфессиональной принадлежностью. Несовпадение этих признаков вызывает, как и в предыдущем случае, сомнения в статусе группы. Напр., урумы Приазовья (тюрко-

язычные греки) говорят на урумском (одном из тюркских языков), и в большинстве работ об этой группе обсуждается вопрос о том, являются ли на самом деле урумы, как они сами считают, греками.

5. Р. Я. занимает последнее место в иерархии: *русский язык — язык советских республик (или национальные языки)* — Р. Я. Хотя все перечисленные идиомы являются родными языками — при любом понимании термина — для кого-то они нередко оказываются противопоставленными в дискурсе клише Р. Я.

См. также: Уроки родного языка.

В. В. Б.

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА. 1. Вступающий в коммуникацию с грантодателем (см.: Грантодатель) представитель научного сообщества, лидер социальной группы исполнителей проекта (см.: Исполнитель проекта). Обременен или обременяется научной степенью. Согласно традиционным представлениям, обладает самонадеянностью, креативностью, благими намерениями, в редких случаях — организаторскими способностями.

См. также: Грант, Заявка, Отчет.

2. То же, что Клубков.

Я. Э. А.

РУССКА РОМА. См.: Хэладытка РОМА.

РЫБАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Колыбельная песня, базирующаяся на мотиве рыболовства как будущего занятия младенца.

Р. К. П. зафиксированы в русской колыбельной традиции единичными примерами. Рассматривая колыбельную песню как песню, адресованную младенцу, находящемуся в *переходном состоянии*, и функционально направленную на завершение этого перехода, рыбацкий аллюзив является конкретной реализацией мотифемы благополучного будущего. В содержательной модальности данной моти-

фемы («как спую, так и будет») прогнозируются следующие роли или ипостаси будущего взрослого: *богатый человек, работник, женатый человек, общинный человек, боголюбивый человек, пригожий человек; благодарный кормилец*. Рыбачий алломотив напрямую связан с магической прогностикой роли будущего *работника* (промысловика) и коррелирует с прогностикой роли будущего *благодарного кормильца*.

Записи Р. К. П. осуществлялись в северных и волжских губерниях, где рыболовческий промысел составлял значимую часть хозяйственного быта, напр.: *Спи по ночам, // Расти по часам, // Поскорее вырастай, // Будешь богатъ и ходить, // Будешь рыбку ловить...* (РО ИРЛИ, разряд V, к.3, п.7, №107, Архангельская губ., Пинежский у., Сурская вол., д.Поганец, 1927, зап. от девочки 14 лет).

В некоторых случаях в Р. К. П. конкретизируется вид рыбы, причем для этого чаще всего выбирается тот, который занимает высшую ступень в промысловой иерархии: *Рыбка-семга, приплывай, // Рыбка-семга, приплывай, // Олексею поджидай. // Олексея подрастет, // С татой на море пойдет, // Станет рыбку он ловить, // Станет маму он кормить* (РО ИРЛИ, разряд V, к.216, п.8, № 56. Мурманская обл., Терский берег, д. Варзуга, 1932).

Рыбачья тематика реализуется и в эпистемологической функции колыбельной песни, ритуально включая младенца в семейный социум: *Баю-баю, зыбаю, // Отец пошел за рыбою // Дедушка дро-*

ва рубить, // Матушка коров доить, // А бабушка уху варить. // Бабушка уху варить, // Малых деточек кормить (Традиционный фольклор, 82); *Качи, качи, зазыбаю, // Ушел отец за рыбою, // А мать ушла кувшин таскать, // Матушка коров доить, // А бабушка уху варить. // Уха кипит ворочится, // А Ванюшка бежит с ложечкой — // Торопится* (Корепова, 7).

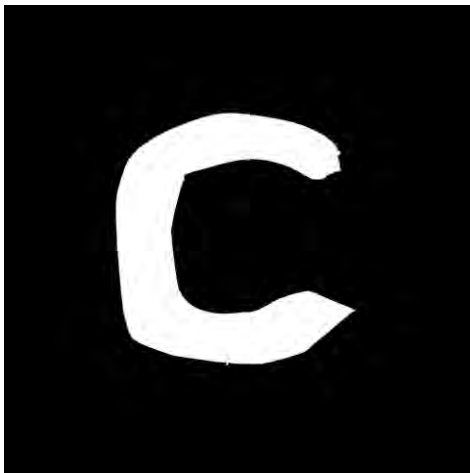
Некоторые русские Р. К. П. соединяют в одной мотивеме рыбачий и охотничий алломотивы, ср. запись 1927 г. из д. Немнюга Пинежского у. Архангельской губ.: ... *Спи, спи, усни, // Будешь большой, // Будешь рыбку ловить, // Терку ловить, // Будешь лес рубить, // Татку, мамку кормить* (РО ИРЛИ, разряд V, к.3, п.7, № 110).

См. также: ОХОТНИЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

Лит.: Корепова К. Е. Нижегородский детский фольклор. Н. Новгород, 1993; Традиционный фольклор Новгородской области. (Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.). СПб, 2006.

В. В. Г.

САРАФА́ННОЕ РА́ДИО. Популярное в советское время выражение, обозначающее 'способ/механизм быстрой передачи слухов'.

В 1862 г. в «Олонецких губернских ведомостях» была опубликована статья некоего Р.М. под названием «Сарафанная почта»: *До открытия пароходства по реке Свири, у верхних свириан был промысел, известный под названием сарафанной почты. Так как по причине быстроты Свири, трешкоты не могли ходить от Вознесенья до Лодейного-Поля, то приказчики и судохозяева ездили на открытых весельных лодочках, гребцами на которых служили всегда женщины. Такая езда и называлась сарафанной почтой <...> несколько приказчиков объявляли, что вот им нужна лодка до такого-то места и для столько-то человек. На такой зов являлись к ним... подрядчицы, должность которых занимали пожилые женщины, и предлагали свои услуги. Каждая подрядчица уверяла не в том, что лодка у ней хорошая, что свезут скоро, а что народ хороший — девки все молодые, пригожие «Уж удружим! останетесь довольны!» Другая, конечно, хаяла артель первой и хвалила свою, уверяя также, что девки красавицы, и что скажете спасибо. Спросите у бывавшего на Свири приказчика; он вам ответит, улыбаясь и расправляя бородку: «да-с, приятная ино-*

гда бывала езда, только дороженько стоила... Бывало, без греха-грех» (Олонецкие губ. вед., 1862, № 8). Известный этнограф и путешественник С. Максимов описывает подобную сарафанную почту в Поморье: *Девушки, иногда даже старухи, служат гребцами на почтовых и обывательских карбасах (следовательно заменяют лошадей), посредством которых, летом, за отсутствие сколько-нибудь сносных дорог на суше, только и можно поддерживать сообщение вдоль поморского берега и с Соловецким монастырем* (Максимов, 131). П. С. Ефименко уточняет: *Такая почта, состоящая из женщин, в шутку называется сарафанной почтой* (Ефименко, 217); по поводу высмеивания женщин, занимающихся таким промыслом, этнограф делает интересное примечание: *При исполнении женщинами должностей в Поморье пренебрежения к ним и насмешек не бывает, со стороны крестьян; смеются только не привыкшие к этому явлению чиновники. Южнее, в Шенкурском уезде, над ними в особенности, когда они строго исполняют свои обязанности, смеется встречный и поперечный* (Ефименко, 217, сноски). В 1885 г. это выражение попадает в «Словарь архангельского наречия...» с указанием на шуточный регистр: *Сарафанная почта — так называют в шутку крестьянок, служащих гребцами на почтовых карбасах* (Онеж., Кем., Кол.) (Подвысоцкий, 449).

Однако выражение сарафанная почта употреблялось и в другом значении — 'передача слухов' — хотя дожило лишь до 2-й пол. XX в., ср.: *Во всех подробностях и с красочными прибавками про сватовство Мишки Петрова знала вся округа: сарафанная почта сработала безотказно, даже в такую вьюгу* (В. И. Белов, «Призывное дело», 1967).

Значительно более живучей оказалась позднейшая версия этого фразеологизма — С. Р. Первая известная фиксация этого выражения относится к 1920-м гг., когда О. Э. Озаровская предприняла несколько экспедиций на Русский Север, в районы рек Мезень, Пинега и Печора. Свои записи сказок она издала в знаменитом сборнике «Пятиречье», который был организован как обрاملенная

проза по принципу «Декамерона»: ситуационной рамкой для рассказывания историй является долгое ожидание парохода, во время которого попутчики, чтобы скоротать время, рассказывают сказки. При описании этих «посиделок» собирательница для передачи колоритной речи местных жителей использует слово *радиосарафан* в значении 'быстрое распространение непроверенной информации, слухов': *Сказка привела всех в восхищение, а народу набиралось все больше и больше. Действовал «радиосарафан». Вся деревня уже знала, что сегодня придет пароход <...> Слушок давно уж есть* (Озаровская, 343);

— *Вести есь нашиот парохода: снялся с мели, в Карповой бывал и выша пошол, должно до Суры дойдет... <...>*

— *Это што на телеграфе узнали? Ходили так рано?*

— *Нет, жсонка пришла, сказывала, видела, как снялся.*

— *В тридцати верстах сидел...*

Скоморох, уже сидевший рядом с молодой, крикнул:

— *У нас телеграф редко действует. Бóльша — радиосарафан!* (Там же, 296);

Конечно, в тот день и трапезничали, и отдыхали, и узнавали насчет парохода. Уже не «радиосарафан», а настоящий телеграф принес известие, что пароход добрался благополучно до Суры... (Там же, 331).

Наиболее раннее свидетельство об употреблении выражения С.Р. (после Озаровской) относится к 1937–39 гг.: *И вдруг в одно прекрасное утро мы приходим в школу и узнаем, что его посадили как врага народа. Нам никто ничего не объявлял и не объяснял, до нас доходили слухи, «сарафанное радио»* (Николаев 1985: 90). Сейчас это выражение не самое употребительное, но вполне существующее: так, Национальный корпус русского языка демонстрирует 13 вхождений.

Однако есть и другое синонимичное выражение, согласно устным опросам — более употребительное (хотя Национальный корпус дает 4 вхождения): *радио (агентство) ОБС / одна баба сказала*, ср., напр.: *Но слухи всегда были и будут, агентство ОБС — «одна баба сказала» — работало и работает безотказно* (В. П. Аста-

фьев, «Обертон», 1995 — 1996). Вполне возможно, что эти выражения связаны не только по значению, но и генетически. Их синонимичность часто подчеркивается и самими носителями языка — ср., напр., в заголовке статьи: *Одна баба сказала. Чем чревато использование сарафанного радио* («Компания», 2006, 10 апреля).

С 1945 г. начинает свои передачи радиостанция «Голос Америки», с 5 марта 1953 г. радио «Свобода» открывает вещание для жителей СССР на русском языке. Советские люди слушают *голоса*. С появлением в комнатах и квартирах собственных приемников (ламповых, а позже — транзисторных) выражение *слушать радио* нередко означает также слушать передачи «оттуда», ср.: *Милиционер успокаивает потерявшегося ребенка: «Не плачь, сейчас мы объявим по радио твое имя, придут папа с мамой и заберут тебя домой». — «Только сделайте это объявление по Би-Би-Си, а то мои родители другого радио не слушают!»* (Советский Союз, 153). Не советское, запрещенное, не подвергшееся цензуре радио воспринимается как источник скрытой правды, переданные им сообщения пересказываются знакомыми друг другу, ср.: *Что такое слухи? — Это то, что передано по Би-Би-Си и опровергнуто «Правдой», а потом подтвердилось* (Там же, 94).

Когда в 1947 г. в рамках Гарвардского проекта (Harvard Project) началось изучение советской идеологии и повседневности на материале интервью невооруженцев из СССР, в одной из первых же статей на тему слухов в советской действительности были представлены следующие данные: 50 % всех опрошенных указывали на слухи как на регулярный источник информации (Bauer & Gleicher, 299); 74 % обсуждали слухи в разговорах с друзьями (из них самый значительный показатель — у крестьян и малообразованных групп — 27 %); 32 % среди профессиональных групп, 22 % среди служащих, 41 % среди рабочих, 73 % среди крестьян указали на слухи как на самый важный источник информации (Bauer & Gleicher, 302; Table, 3).

Таким образом, складываются все предпосылки для того, чтобы в фольк-

лорных текстах появилась «речевая маска» в виде виде иностранного / подпольного радио, говорящего, иногда ненамеренно, скрытую правду. Еще в 90-х гг. XIX в. в русской городской среде бытовали «армянские» абсурдные анекдоты/загадки, но только начиная с 1950-х гг. они приобретают новую рамку — приписываются радиостанции «Ереван». Так возникает знаменитый цикл анекдотов *про армянское радио*, часто построенных на следующем трюке: когда армянское радио спрашивают о ситуации в Советском Союзе, оно дает простой ответ, из которого становится понятно истинное положение дел: *Армянское радио спросили: «Почему в Одессе плохо с мясом?» — «В Одессе с мясом хорошо. В Одессе без мяса плохо».*

Возможно, именно поэтому С. Р. в это время теряет свою «сарафанность», которая заменяется на сокращение *ОБС*. Для посвященных, знающих расшифровку, это просто отсылка к *бабым сплетням*, но при этом аббревиатура *ОБС*, тем более в сочетании со словами *радио* или *агентство*, воспринимается как название некоторой радиостанции, и, может быть, не случайно является созвучным *радио BBC (Би-Би-Си)*. Типологически сходное языковое явление существовало в нацистском дискурсе, где политические слухи, распространяемые в еврейской среде, презрительно именовались *Радио JMA — Jüdische Märchenagentur / еврейское агентство сказок* (Клемперер, 236).

Лит.: Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского статистического комитета за 1867—1868 гг. Кн. III. Архангельск, 1869; Клемперер В. ЛТИ. *Язык Третьего рейха*. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М., 1998; Максимов С. В. Год на Севере. Ч.1. Белое море и его Прибрежья. 2-е изд. СПб., 1864; Николаев М. И. Детдом / Лит. запись В. Швейцер. New York, 1985; [Озаровская О. Э.] Старинные и сказки в записях О. Э. Озаровской. М., 2009; Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009; Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иеру-

салим, 1987; Bauer, Raymond A. & David B. Gleicher. 1953. Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // The Public Opinion Quarterly, Vol. 17, No. 3 (Autumn, 1953).

А. С. А.

СОСЬВИНСКАЯ СЕЛЁДКА. Мифологизированная рыбная порода, локальный символ пос. Березово (в прошлом — город Березов) Ханты-Мансийского автономного округа.

Название породы — проявление ее мифологизации. С точки зрения ихтиологической науки, это вовсе не сельдь, а тугун, самая мелкая порода из семейства сиговых. Водится она, подобно псковскому снетку, лишь в одном месте (что идеально для локального символа) — в реке Северная Сосьва. Правда, в энциклопедиях можно прочесть, что тугун ловится еще и где-то на Лене. Но восточно-сибирскому родственнику С. С. явно не повезло: мифов он не породил, а потому и остался тугуном, а не был переименован молвой в селедку.

Каждый житель Березова, представляя гостям свой город (в сознании жителей поселок так и остался городом), наряду с рассказами о ссылке Меншикова и других вельмож XVIII в., среди которых Остерман и Долгорукие, обязательно похвастается и уникальной С. С. Она составлялась, по местному мнению, на столы царей и советских правителей и заступила поэтому наименование *царской рыбы, правительственной рыбы*. Самый ударный момент в ее «высокопоставленной» репутации — время Второй мировой войны: некоторые местные жители говорят, что именно ею Черчилль угостил Сталин во время Ялтинской конференции и впоследствии один раз (!) прислал в качестве подарка в кедровом бочонке. Другие убеждены в том, что английский премьер-министр чуть ли не постоянно питался С. С., запивая ее армянским коньяком. В любом случае, благодаря этим сюжетам, в Березове Черчилль известен не менее Меншикова. Кстати, «полудержавный властелин» (говоря словами Пушкина) сыграл, очевидно, не последнюю роль в мифологической репута-

ции С. С. Не будь его, может быть, ее постигла бы судьба безвестного ленского ту-гуна: в Якутию таких знаменитостей не ссылали, и рыба «царственной осанки» не приобрела. В последнее время в сетевых публикациях С. С. уже стали называть *путинской* рыбой.

Как в XIX столетии, так и в XX, и в XXI конец июля — начало августа для жителей Березова — особое время: идет селедка. Автор очерка «Письма из Березова», опубликованного в тобольской газете «Сибирский листок», писал: «Все почти березовцы заняты исключительно ловлей сельдей»; август 1891 г. «был, пожалуй, для всего города праздником, вследствие обильной ловли сельдей, которые в свежем виде здесь считаются лучшим кушаньем» (Письма из Березова).

Всеобщее поедание сырых селедок — своеобразный локальный ритуал, объединяющий все слои березовского сообщества: «... Не удивившись, слушая сопровождаемые аппетитным чмоканьем губ и пощелкиванием языка рассказы о том, как весь аристократический Березов, отправившись на рыбалку, кушает целиком сырые, взятые прямо с невода селедки» (Губарев, 378). До сих пор каждый местный житель любым способом пытается попробовать С. С. во время ее хода: поймать по лицензии, купить, упрямить поделить с родственниками, знакомых, соседей. Характерная запись из дневника березовского жителя И. Н. Башмакова за 1997 г.: «31/VII выехали с Раей на Амуре на Вогулку с сележьей сеткой взяли с собой Веню с Настей. Проплыл сеткой 5 раз, поймали 82 селедки. Сегодня очень крупная не проходит в ячею сетки. Разделили на 20 селедок на человека». В Березове можно услышать от людей, не так давно туда переехавших, мнение о том, что ничего особенного в этой рыбке и нет. Тем не менее, каждый год и этих скептиков охватывает азарт — поймать, заготовить, попробовать *сосьвинских* *сластей* (так именovali рыбу в ее гастрономической ипостаси в XIX в.).

Судя по публикациям в Интернете, несколько лет назад стал раздуваться столичный «бум» вокруг С. С. Ее подают в элитных московских ресторанах (за немалую цену!), о ней (и о «романе» с ней Чер-

чилля) все чаще пишут в газетах и журналах. Даже на сайтах знакомств девушки из ХМАО часто представляют С. С. в качестве любимого блюда.

В Березове с С. С. неразрывно связаны годовой ритм жизни, самосознание местных жителей, а иногда даже их судьбы. Так, в поселке бытует рассказ об одном из старожилов, Михаиле Петровиче Обольтине (личности во многом тоже легендарной), умершем в 2003 г. в возрасте 96 лет: *Селедка... ну, все березяне, конечно, ловили. И вот мамаша его и папа поехали тоже. Она уже была совсем на сносях, то есть вот-вот родить должна была. И, по-видимому, она гребла, ведь есеницыны тоже гребли, беременная, какая — все равно. А муж сетями управлял. Она почувствовала, что все уже — пора! Муж не успел довести ее до дома, и так в лодке родился Оболтин, у него детское прозвище было: «Моряк».*

И в прошлые времена, и сейчас вдохновенное поедание в августе каждого года только что пойманной С. С. — отличительная черта поведения настоящего березовца, пусть он, по своим корням и не из местных старожилов: *Приехала отца сестра. Поймали наши селедку, она же свежая, она еще трепещется... Вот мы ее прямо так, с солью кушаем. Для нее это было дико. Она сказала: «Как можно уехать на Север. Мало того, еще и ребенка приучили заниматься сырьевством».*

Самое удивительное в С. С. — не ее любовь к родной реке, не таинственная связь с сильными мира сего (как в России, так и за границей), не даже ее вкус как таковой. Каждый березовец скажет, что идеальный вкус селедки тогда, когда ее только что выловил, посыпал солью и съел, а она еще *хлещет тебя по щекам хвостом*, по словам одного местного жителя. Это знают все, и, тем не менее, каждый год заготавливают С. С. впрок: солят, коптят, маринуют. Любой из местных жителей, угощая заезжего гостя соленой или копченой селедкой, в обязательном порядке будет извиняться: *Что-то не очень в этом году получилась... И не получается* каждый год, и, наверно, не может *получиться*. И все равно каждый год весь Березов опять увлечен солением и копчением С. С. Эта вечная погоня за недостижимым, неулови-

мым идеальным вкусом и есть, наверное, главная «тайна», порожденная маленькой рыбкой с Северной Сосьвы, и один из ключей к локальному менталитету жителей Березова.

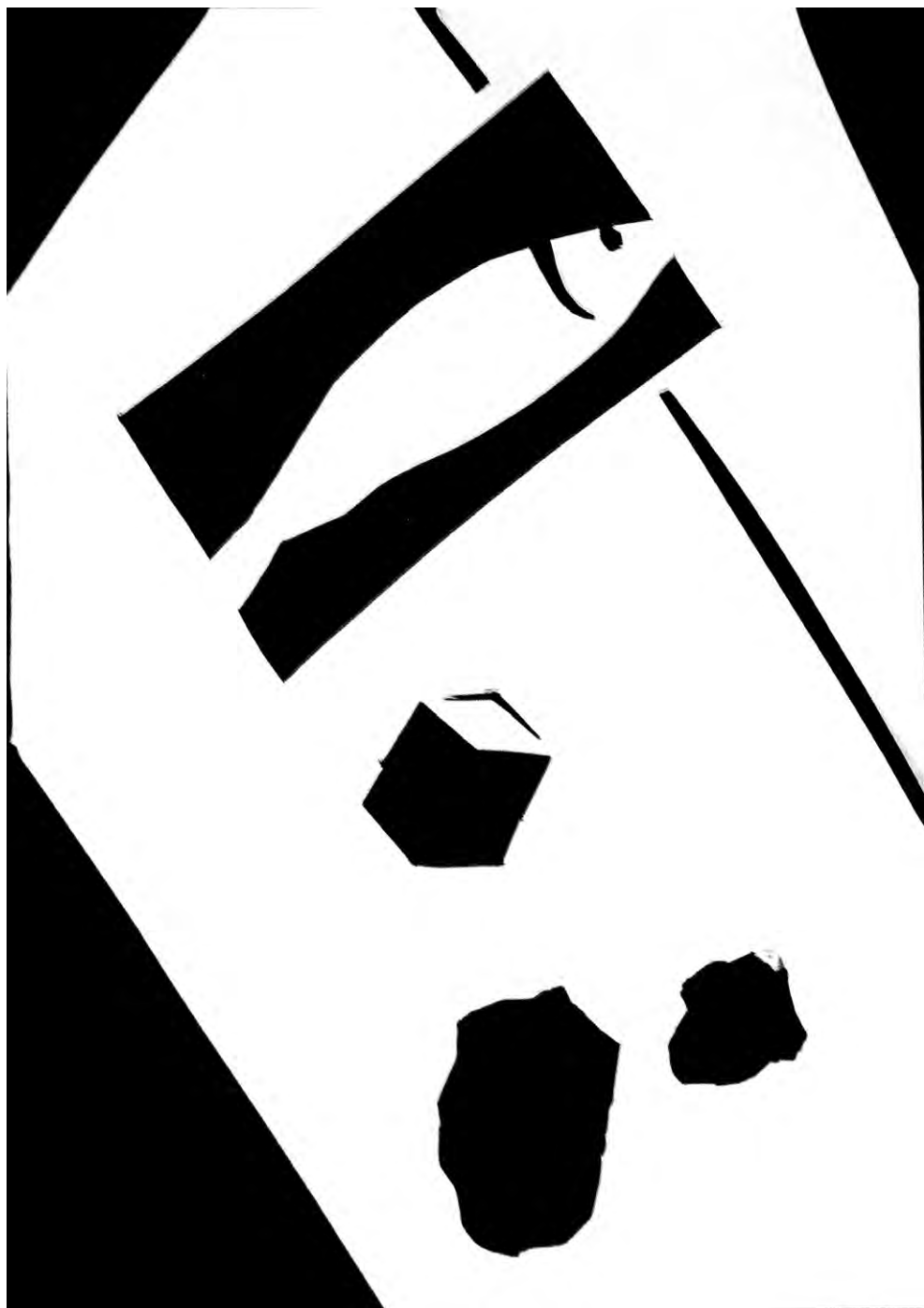
С. С. входит в целую плеяду «рыбных» символов Обь-Иртышского Севера, среди которых также *стерлядь*, *муksун*, *нельма*, *сырок*, *пелядь*, *щекур* и др. Гостям с «большой земли» в «столичных» городах ХМАО (Сургуте и Ханты-Мансийске) предлагается презентационный набор пород рыб, представляющих Север в целом: *семга*, *стерлядь*, *муksун*. В масштабах самого округа общероссийская шкала ценности рыбных пород явно подчиняется принципу локального равноправия. Из Березовского района просят знакомых привезти С. С., сырка (*сосьвинский сырок вкуснее обского* — об этом знают все в ХМАО) или щекура; из Ханты-Мансийска и прииртышских поселков — стерлядь; из поселков на Оби — муксуна или нельму. И какой-нибудь обыкновенный карась, если он выловлен в озерах Кондинского района, именуется кондинским карасем и в дружеском дарении-отдании вполне равнозначен прославленным муксуну и стерляди.

От коренных народов Севера русские старожилы перенимали пристрастие к рыбе как основе рациона. Но северян отличает не просто любовь к рыбным блюдам, а еще и особые способы употребления рыбы — в мороженом (строганина) или вовсе сыром виде. Известный этнограф, агроном и общественный деятель Н. Л. Скалозубов писал в начале XX в. о жителях города Березова: «К пище местное русское население очень невзыскательно. Хлопот лишних не любит, предпочитает всему сырую мороженую рыбу с чаем и хлебом» (Скалозубов). Финский этнограф и лингвист М. А. Кастрен, путешествовавший в 1830-е гг. по Тобольскому Северу, приводит в своих записках красноречивые наблюдения над гастрономической идентичностью северян: «Отыскивая по приезде в Обдорск квартиру, я зашел в дом мещанина, переселившегося сюда из Тобольска, и застал все семейство сидящим на полу и пожиравшим сырую рыбу». Поедание сырой рыбы, по мнению Кастрена, стано-

вилось для русских жителей предметом особой «северной гордости», которая могла граничить даже с бравадой: «Вскоре затем я познакомился с одним из образованнейших людей города, занимавшим незначительное казенное место, и он хвастался мне, что в продолжение полугода не ел ничего, кроме сырой рыбы» (Кастрен, I, 211–212). Автор «Писем из Березова» отмечал: «... Мы истребляем здесь ежедневно тысячи сырых сельдей и сотни сырков и муксунов». По его же мнению, эта гастрономическая привычка затягивает и «новичков» на Севере: «При этом весьма важно заметить то, что обычаем кушать сырую рыбу заражаются даже приезжие господа <...> Сначала они на это смотрят безразлично и насмешливо... но потом и они постепенно увлекаются местным обычаем» (Письма из Березова, 189).

Отличие *коренных* березовцев от *приезжих* все же сохраняется: первые «кушают сырым сырком и селедку со всем в ней содержимым, а последнюю глотают даже целою», а приезжие едят с головы, разбирая косточки. В дореволюционное время все русские старожилы от местных «аристократов» до бедняков свою «прописку» на Севере обретали прежде всего через пристрастие к сырой и мороженой рыбе. Правда, очеркистами того времени подмечалась социальная иерархия гастрономической привычки, отчетливо просматривающаяся опять же через породы рыб: «... Люди различных состояний: от питающихся всю зиму мерзлой щучиной и кирпичным чаем до „наших уважаемых“ включительно» (Письма из Березова, 189). Щука, по региональной шкале ценности рыбных пород, фактически не считается рыбой. На Обь-Иртышском Севере почти в каждом приречном поселке можно услышать такую байку: *Встречает кто-нибудь ханта, идущего с рыбалки, спрашивает: «Рыба есть?» Тот отвечает: «Нет, однако. Щука есть».*

В контексте гастрономической идентичности северян с их пристрастием к сырой рыбе С. С. занимает особое место: только она идеальна по вкусу в исключительно сыром виде и для всех слоев общества без ограничений.

Лит.: Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94 (Январь); Кастрен М. А. Сочинения в 2-х тт. Тюмень, 1999; Письма из Березова // Сибирский листок. 1891, 27 июня; 11 авг.; 24 окт.; Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998; Клубков П. А. «Замками славен Тверь, а Новгород сыртями...» // Провинция как реальность и объект осмысления: Мат-лы науч. конф. Тверь, 2001.

О. Р. Н.

СТОЛБ. Укрепленный вертикально брус или бревно, одна из манифестаций мировой оси (axis mundi). В силу культурно-исторических реалий и ввиду разного утилитарного назначения различаются: *телеграфный С.* (такой брус, поддерживающий провода, которые служат для передачи сигналов телеграфной связи); *фонарный С.* (такой брус, поддерживающий фонарь — керосиновый, газовый, электрический и пр.); *верстовой С.* (устар., такой брус, отмечающий количество верст от определенного населенного пункта).

Телеграфный С. и верстовой С., по причине их расположения вдоль дорог, служат маркерами дороги и движения в пространстве как такового: *Даже любимые места роли мелькали, точно телеграфные столбы на ходу поезда* (К. С. Станиславский, «Работа актера над собой», 1938); *На север уходили полустанки, телеграфные столбы и вся бескрайняя, жуткая в снежном своем однообразии степь* (М. А. Шолохов, «Тихий Дон», 1928–1939), *Невский Млечным Путем тек вдаль. Трупы лошадей отмечали его, как верстовые столбы* (И. Э. Бабель, «Дорога», 1920–1927). Маркированной оказывается регулярность расположения телеграфного С.: *Они проплывали вдоль пологого склона Пречистенской набережной, где в высокой траве с регулярностью телеграфных столбов обнимались влюбленные парочки* (М. Вишневецкая, «Вышел месяц из тумана», 1997). Верстовой С. может также маркировать движение во времени — особенно в пере-

носном смысле: *Настоящее дело является, так сказать, новым верстовым столбом на пути «революционного движения»* (В. М. Дорошевич, «Дело о людоедстве», 1900). Вообще С. оказывается универсальной пространственно-временной точкой, ср. идиому «у каждого столба» — «езде; очень часто», напр.: *У каждого столба [поезд] останавливается и стоит, а зачем стоит?* (Венедикт Ерофеев, «Москва-Петушки», 1970); ср. также паремию *У каждого столба милиционера не поставишь*.

С. так и норовит сам собой возникнуть в пространстве, попасться на пути, отсюда постоянные апелляции к «первому попавшемуся» С.: *Ах, возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьте ее на первом попавшемся телеграфном столбе!* (А. П. Чехов, «В Москве», 1891); *Мне пришлось выйти на улицу, чтобы вдоволь выматериться на первый попавшийся столб* («AboutPC», 2006, 22 февр.); *Волю, видимо, покатавшись, угонщики решили расстаться с непрестижной маркой, бросив ее у первого попавшегося столба* («Вечерняя Казань», 1996, 27 авг.).

Одновременно существует представление о множественности С., обусловленное часто практикуемым расположением нескольких С. в ряд (ср.: *Одних мыслей недостаточно, и они не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу их словом: их надо выстрелить в ряд, как солдат или телеграфные столбы, протянуть, как железнодорожный путь, перебросить мосты и виадуки, построить насыпи и закругления, сделать в известных местах остановки — и лишь тогда все становится ясно* (Л. Н. Андреев, «Дневник сатаны», 1919)), и представление о единичности С., что объясняется его функцией мировой оси: *... Но я же одинока, как телеграфные столбы на линии железной дороги* (М. И. Цветаева, «Повесть о Сонечке», 1937).

Человеку С. служит для опоры (ср.: *Ничего, вашими молитвами, как столбами, подпираемся...* (А. П. Чехов, «Леший», 1888); *И в телеграфный столб упершись, плачу* (М. И. Цветаева, «Провода», 1923)), в особенности пьянице: *И околечивший пьяный хватается за фо-*

нарный столб (Венедикт Ерофеев, «Записки психопата», 1956), Правительство, однако, не должно относиться к науке, как пьяница к фонарному столбу, используя его как поддержку, а не как источник света, — заметил академик («Поиск», 2007, 28 сент.), Человека вспоминающего, как пьяного к столбу, надо «прислонять» к фактам, выравнивая перпендикуляр («Наша газета» (Кемерово), 1999, 3 сент.).

В то же время, в С. можно упереться против собственной воли. Столкновение со С. выглядит скорее случайностью, результатом невнимания или пьянства, при этом язык однозначно маркирует С. как препятствие, ср.: Возвращаясь из библиотеки и увлекшись чтением книги, он мог наскочить на фонарный столб и разбить себе лоб (Н. Н. Носов, «Незнайка в Солнечном городе», 1958); Вы двигаетесь по жизни как пьяный, который может налететь лбом на любой столб («Россия», 2001, 26 янв.).

Вертикально располагаясь в пространстве, С. является символом, с одной стороны, прямоты, устремленности вверх: Я думаю, что они не переходили через кладбище царя Ивана, иначе они обязательно заметили бы дыру и лом, который торчит в ней, словно верстовой столб (Г. В. Алексеев, «Подземная Москва», 1924), Эта высокая и прямая, как телеграфный столб, дама с золоченым пенсне на длинном угреватом носу смотрела на него, насмешили его прищурив маленькие слоновьи глазки (А. И. Пантелеев, «Ленька Пантелеев», 1938–1951), а с другой — неподвижности: Он был так озадачен, что несколько раз, вдруг, несмотря ни на что окружающее, проникнутый вполне идеей своего недавнего страшного падения, останавливался неподвижно, как столб, посреди тротуара; в это мгновение он умирал, исчезал... (Ф. М. Достоевский, «Двойник» (1846), Вы говорите, я поправел, там говорят, я полевел, а я, как верстовой столб, давно стою на месте и не дивлюсь на проезжающих пьяных или безумных, которым кажется, будто сама земля под ними бежит (М. М. Пришвин, «Дневники», 1918). Положительным полюсом неподвижности является постоянство: Но

городовой уйдет с поста и будет человеком, останется столб, возле которого он стоял — вот будущие коммунисты, вернее, будут, как столбы (М. М. Пришвин, «Дневники», 1921), отрицательным — неповоротливость: Стоял, как фонарный столб, с той же степенью деревянности и неподвижности (В. С. Токарева, «Центровка», 1964–1993); ср. также идиомы стоять (встать) как столб или стоять (встать) столбом.

Неподвижность и прямота С. (прим. телеграфного) оборачиваются прямолинейностью, а в конечном счете, тупостью и косностью: Только один человек в классе называл его «телеграфным столбом»: дескать, прямолинеен (А. Г. Алексин, «Сигнальщики и горнисты», 1985); Они предпочитают прямолинейное, как телеграфный столб, и содержащее столько же разума решение в этой сложнейшей проблеме («Независимая газета», 1996, 21 марта); Тут говорили — не дай нам бог жить в эпоху перемен. А я бы сказал — не дай нам бог приобрести устойчивость телеграфного столба! («Владивосток», 2003, 29 сент.).

Другой важный признак С. — его гладкость, которая также оборачивается значением простоты, вплоть до примитивности: Суть же посланий проста, как телеграфный столб, — провозгласить лозунг («Советская Россия», 2003, 15 авг.), Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка, украсил все помещение колонии дешевыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, — к пеню «украинських писень» (А. С. Макаренко, «Педагогическая поэма», 1933); ср. также советский афоризм: (телеграфный) столб — это хорошо отредактированная сосна, напр.: Именно на этих двух стадиях и происходит главным образом бюрократическая, перестраховочная, цензурная шлифовка, когда ветвистая елка редактируется до того, что превращается в телеграфный столб (Э. А. Рязанов, «НЕ Подведенные итоги», 2000).

Впрочем, благодаря его примитивности, С. можно обмануть, что подтверждается известным афоризмом, срав-

нивающим С. с законом, ср.: *Недаром законы в России издавна считаются чем-то вроде фонарных столбов: перепрыгнуть нельзя, а обойти — пожалуйста!* («Лица», 2002, 25 дек.); *Как говорить, закон — что телеграфный столб: перелезть трудно, а обойти можно!..* («Гудок», 2000, 23 дек.).

Предельная упрощенность С. делает его неуникальным в ряду себе подобных: *Что ты сам-то делаешь? Бесконечно строчишь свои рецензии, которые позожи друг на друга, как телеграфные столбы? Кто ты, рядовой труженик литературы?* (Е. П. Касимов, «Серафим», 2002). По этой причине С. (в особенности фонарный) не вызывает интереса, не привлекает внимания (в том числе сексуального): *Но все же каждый раз сердце отзывалось обидой, когда юные женщины проходили мимо него, как около фонарного столба* (К. Г. Паустовский, «Золотая роза», 1955); *Влечения он к ней испытывал столько же, сколько к фонарному столбу* (Л. Е. Улицкая, «Голубчик», 1997); *Никто из прохожих не обращал на Гиреева внимания: подобно фонарному столбу или рекламе «Пепси-колы», он выпадал из поля восприятия из-за полной визуальной неинформативности* (В. О. Пелевин, «Generation „П“», 1999).

Впрочем, и сам С. оказывается лишенным всяких чувств, к нему бесполезно обращаться по причине его полной неспособности к эмпатии: *Я тогда говорю: «Ну, это мы еще посмотрим. Лучше я умру, чем быть рабом. И вообще, я буду на вас жаловаться». А они только смеются: «Попробуй, говорят, жаловаться. Кому, говорят, ты собираешься жаловаться? Уж не этому ли телеграфному столбу?..»* (Л. И. Лагин, «Старик Хоттабыч», 1955); *Ну, когда мы появимся — два таких молодца, как вы да я, — держу сто против одиннадцати, что не устоит даже телеграфный столб!* (А. С. Грин, «Золотая цепь», 1926).

С. неспособен не только к состраданию, но и к любому действию вообще. Несмотря на это (или благодаря этому) он служит идеальным объектом для ложных обвинений: *При желании и к телеграфному столбу можно придаться* (Н. Леонов, А. Макеев, «Гроссмейстер сыска»,

2003); *...Всем было продемонстрировано то, что органы при желании могут записать в троцкисты и иностранные шпионы хоть телеграфный столб* (запись в блоге пользователя livejournal Paul Kiss от 2006–10–22). Чаше всего к С. ревнуют (что, заметим, выглядит особенно нелепо, учитывая эмоциональную бесчувственность С.): *У меня муж, академик, который меня ревнует к фонарному столбу, и дети даже* (К. Сурикова, «Ира — дура», 2003); *Парень совсем Наташку извел, что ни день, то скандал, в каждом столбе соперника видел* (В. Синицына, «Муза и генерал», 2002); *Мужчина ревнует только к другому мужчине или, как острог про совсем безумных ревнивцев, к любому телеграфному столбу* (А. Инин, «Женщина и ревность», 1997).

В конечном итоге С. воспринимается как лишенный каких-либо характеристик и поэтому оказывается равнозначен «чему угодно»: *А Евгений Миронов, который, как стремительный колобок, «и от бабушки ушел, и от дедушки», доказал еще раз, что он может сыграть хоть телеграфный столб, а уж супермена в латиноамериканских традициях — раз плюнуть* («Вечерняя Москва», 2005, 28 марта); *Групповые изнасилования грязными подонками, которым все равно, что трахать — козу, человека или телеграфный столб* (В. Аксенов, «Негатив положительного героя», 1996); *Во времена исторические народ укатало реформами до полной потери ориентации, и к 97-му году село не было должно только телеграфному столбу* (газ. «Известия», 2001, 25 июля). Не случайно именно фонарный С. использован философом М. Мамардашвили как пример предмета вообще: *Вот, например, перед нами фонарный столб — правда, вам он не виден, а я его в окно вижу. Он в моем сознании, в вашем сознании; но каким образом он посылает один образ в мою голову, один образ в вашу, в третью, четвертую и т.д. Что он, размножается? Но тогда это тот же фонарный столб или нет? Значит, существует множественное сознание: каким-то образом фонарный столб умудряется быть в разных местах, сам оставаясь на месте. И к тому же, он*

еще ставит нас перед проблемой: как мне пережить ваш фонарный столб, а вам — мой? Можете ли вы испытать мое сознание? Ведь, если фонарных столбов много, то возникает проблема коммуникации, являющаяся в данном случае проблемой проникновения нами в сознание друг друга. Иначе фонарный столб как возможное понятие не существует, потому что, когда мы коммуницируем, мы снова соединяем образы (М. Мамардашвили, «Введение в философию», 1986).

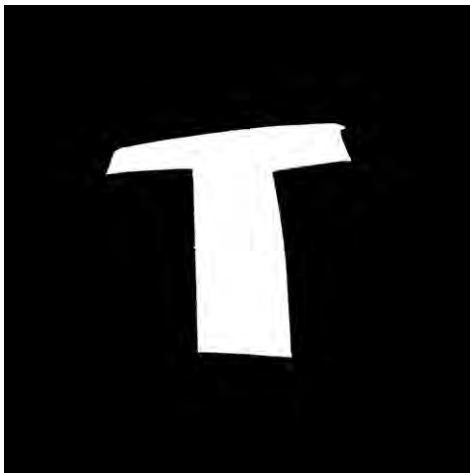
Окказионально С. может выступать семантическим замещением других манифестаций *axis mundi*, ср.: Интеллигент боится лишь одного — касаться темы зла и его корней, потому что справедливо полагает, что здесь его могут сразу вые...ть телеграфным столбом (В. О. Пелевин, «Чапаев и Пустота», 1996).

Дополнительным признаком С. (только телеграфного), обусловленным его техническим устройством, является гудение, ср.: Я гудел от напряжения, как телеграфный столб (В. Кин, «Записные книжки», 1921–1936); Рассказывал про

степь, какая жара стояла тогда (земля была сухой и звонкой, как глиняный горшок, и гудела телеграфным столбом)... (Ю. О. Домбровский, «Хранитель древностей», 1964). Наконец, С. может выполнять информационную функцию (в этом случае он синонимичен забору (см.: ЗАБОР, т.е. служить местом помещения объявлений: Бойцы, гогоча и матерясь, читают наклеенный на фонарный столб вчерашний приказ начальника гарнизона (Артем Веселый, «Россия, кровью умытая», 1924–1931); Попадья наполнила эмалированную мисочку мучным клейстером, и отец Федор поздним вечером наклеил объявления на всех телеграфных столбах и поблизости советских учреждений (И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев», 1927).

М. В. А.

С

ТАМТА́М. См.: ТУМБА.

ТА́РА. См.: ТУМБА.

ТАТА́РАМ ДА́РОМ ДАМ. См.: ТУМБА.

ТУ́МБА. Условное название класса междометных слов, используемых в песенных текстах и, как правило, не обладающих лексическим значением. Встречается также в вариантах *пѹмба*, *цѹмба*, *ѹмба*, и производных формах, таких как *тѹмба-тѹмба*, *тѹмба-па-тѹмба-па*, и даже *тѹмба-тѹмба-раса*. Т. следует отличать от созвучных понятий *румба*, *бомба*, *Лумумба*, а также *тумбо-юмбо*, не имеющих с Т. ничего общего.

История песенных Т. насчитывает не одно тысячелетие. Явление пропевания неосмысленных сонантов *а-а-а*, *о-о-о* или *у-у-у* на некое подобие первобытной мелодии наблюдалось исследователями еще до того, как *homo sapiens* овладел речью. В античности включение подобных элементов в произведения для синкретического пения превратилось в устойчивую традицию и впоследствии было воспринято восточными славянами через византийское посредничество. Особенно популярны в те древнерусские годы были Т. с сонорными, в особенности с плавными [л] и [р]: *лю-ли*, *ля-ля* (см.: Ляля), *ла-до*,

рай, *рано* и др. Популярность этих Т. была столь велика, что позволила А. Фаминцину искать в рефренах *ладо-ладо* останки богини Лады (Фаминцин, 200), а академику Б. А. Рыбакову на страницах сайта «Магическая библиотека» даже найти фрагменты напрямую унаследованной восточными славянами древнегреческой богини Лато / Лето (Рыбаков). Как бы то ни было, и сомнительная связь славянских Т. с античными богинями, и куда более вероятная функция маркировки обрядовой ситуации, присущая многим из этих звуковых формул (см.: Адоньева), — все это остается в крестьянском фольклоре и не переходит в музыкально-поэтические произведения городской культуры XVIII — XX вв.

В XVIII в. помимо бесконечных сентиментальных (а в конце столетия — сентименталистских) «увы!» и «ах!» встречается и иное использование междометных вставок в песни. Наиболее интересна в этом случае ария собаки из «Хора ко превратному свету» А.П.Сумарокова, по большей части состоящая из Т.: *За морем, там, там, там, там, там, там. // Хам, хам, хам, хам, за морем, там, там, там. // За морем, там, там, там, там, там, там. // Хам, хам, там, там, за морем, там, там, там. // За морем, там, там, там, там, там, там.* Т. здесь, по-видимому, осуществляет и звукоподражание собачьей речи, и эвфемистическую замену текста, вырезанного цензурой, и, возможно, эвфемистическую замену средств выражения авторской рефлексии относительно цензурных запретов. Еще одна функция Т., хорошо заметная на этом примере, — Т. как заполнитель слоговой структуры силлабо-тонического стиха при отсутствии в ней осмысленного текста. Такая *заполнительная* Т. может возникнуть спонтанно в любой части песни, если исполнитель вдруг забыл слова, а в современных текстах нередко используется и как прием, цель которого состоит в имитации забывания, как, напр., в песенке мушкетеров из известного фильма: *... И что-то там еще тра-ля-ля-ля, // Перед грозой так пахнут розы.* Близкородственным заполнительной Т. феноменом является применяемая по сей день *рыбная* Т. (от *рыба* — да-

лекий от конечного вариант текста, скандируемая вместо еще не написанных строк при сочинении стихов и песен. Классический пример — творчество В. Пуха: *Кто ходит в гости по утрам // Тот поступает мудро. // Известно всем Тарам-тарам, // На то оно и утро.*

Другим важным фактором развития Т. в XVIII в. стало проникновение на российскую почву европейских музыкальных, и в первую очередь — танцевальных ритмов. Впоследствии именно развитие музыкальной педагогики и необходимость вербализации ритмов разучиваемых танцев породит многие Т. — напр., такие, как *тумба-па, тумба-па* для вальса.

Одна из первых *тумб*, появившихся в студенческой песне XIX в., вызывает серьезные сомнения в том, является ли она собственно Т., ср.: *Все студенты толпой собираются. // Они горькую пьют, // Они песни поют // И еще кое-чем занимаются. // Через тумбу-тумбу раз, // Через тумбу-тумбу два, // Через тумбу три-четыре спотыкаются.* С одной стороны, контекст подсказывает, что в данном случае речь идет отнюдь не о бессмысленном междометии, а о вполне предметной городской тумбе; с другой стороны, строки *Через тумбу-тумбу раз, // Через тумбу-тумбу два, // Через тумбу три-четыре...* и т.д. напоминают не обладающую смыслом подтекстовку под требуемый ритм, что является одной из функций классической Т. Однако это все же скорее каменная тумба, о которую в XIX — начале XX в. можно было не только спотыкаться. На ней можно было еще и сидеть, как свидетельствуют реплики чеховского Чебутыкина: *Да. Чувствую. (Тихо напевает.) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...* (А. П. Чехов, «Три сестры», 1900). У Чехова эта тумба уже сочетается со вполне междометным *тарара-бумбия*, что наводит на мысль, что и тумба здесь близка к ритмической бессмыслице и, соответственно, к Т. Эта *тарарабумбия* в несколько измененном виде будет потом присутствовать еще в некоторых песнях, напр., в песне «Жили были два громалы», прозвучавшей в фильме «Путевка в жизнь» (1931) (*Нас со Пскова два громалы, // гоп-дери-бери-*

бумбия, // Один я, другой — Гаврила, // гоп-дери-бери-бумбия...), а само слово «тарарабумбия» превратится в существительное со значением ‘бессмыслица, абракадабра’ и станет даже названием спектакля чеховской тематики, как следует из анонса, размещенного на сайте Дмитрия Крымова (dmitrykrumov.ru) см: «Готовится к постановке: „Тарарабумбия“, спектакль театра „Школа драматического искусства“ совместно с Международным театральным фестивалем им. А. П. Чехова. Авторы идеи: Д. Крымов и А. Бакши».

Настоящий всплеск Т. приходится на первую треть XX в. и удивительным образом совпадает по времени с началом эпохи художественных экспериментов в литературе и искусстве. Некий стихотворный *тумб* появляется уже у Маринетти в знаменитом «Занг тумб тумб» (1914). И даже К. Малевич по воспоминаниям Е. В. Полуэктовой использовал Т. в своих произведениях самым непосредственным образом: «К. С. М. очень обижался на то, что его „не понимают“. Обычно К. С. долго обдумывал свой замысел, потом быстро наносил краски на полотно. Когда он работал, он „пел“ один и тот же мотив „Тумба-тумба, тумба-тумба...“, состоявший из 4-х нот: „до-до — ре-ре — ля-ля — до-до“» (Полуэктова).

Поддержан бум Т. был и появлением массы новых мелодий, а также средств их распространения — граммофонов и патефонов: «Летом 1922 года от городского сада „Альгамбра“, он располагался на углу нынешних улицы Сибирской и площади Кондратюка, — по Советской до Крайрабиса (профсоюза работников искусств) лихо рассекал извозчик с патефоном на борту. Тем летом город охватила музыкальная эпидемия: польку „Ойра“ — точнее, ее припев, — *насвистывал каждый второй: „Ойра-ойра // Ламца-дрица // Ойра-ойра // (уми-уми)“*» (Крамер).

В музыкальной городской культуре XX в. Т. встречаются в самых разных жанрах — от комических куплетов до строевой песни: «Маленький, кривоногий Никитин, высоко подняв руку, дирижировал: *Эх, тумба, тумба, тумба, // Мадрид и Лиссабон. // Тумба, тумба, тумба, // Сапог и граммофон*» (В. Зазубрин, «Два мира» 1921); «На площади

перед гимназией происходит ученье — строевые занятия солдат 214-го полка. В открытую форточку класса, путая алгебраические формулы, влетают песни и команда: „Ах цумба, цумба, цумба, Мадрид и Лиссабон!..“ — *Равняйсь! Первый, второй... рассчитайсь!* — „Раскудря-кудря-кудря-ку... раскудрявая моя!“ — *Ать-два! Ать-два!.. Левои!.. Шаг равняй...*» (Л. Кассиль, «Конduit и Швамбрана», 1931). Эта строевая песня показала завидную живучесть и дожила в вариантах до советского времени: «Начальник училища часто проводил смотры с пением строевых песен. Курсанты пели залихватскую песню, в которой были такие слова: *И это, между прочим, такой уж важный факт, // Что мы слегка плевали и на Багдадский пакт. // Эх, тумба, тумба, тумба, Париж и Вашингтон, // НАТО, СЕАТО, коль надо, разобьем!*» (Дарков).

В абсолютно различных по эмоциональной направленности песнях может встречаться и всякий раз оказываться к месту одна и та же Т., ср.: *Двух полков уж больше нет: // От палаток только след, // Ни окошка, ни крыльца, // Ламца-дрица-ха-цаца.* (Павлов, 145–146) и: *Шел трамвай десятый номер, // На площадке кто-то помер. // Тянут-тянут мертвеца, // Ламца-дрица-оп-ца-ца!*

Особый жанрово-тематический контекст, являющийся наиболее благоприятной питательной средой для возникновения еще одной видовой разновидности Т. — *этнической* Т. — составляют песни, имитирующие иноязычные песенные традиции: цыганские, еврейские, татарские, армянские и т.п. Подобные разделы «национальных» песен присутствуют во многих печатных песенниках уже с конца XIX в. (см., напр.: Новый полный, 421–433: немецкие, жидовские, татарские песни), в советское время они существуют в виде устных циклов, с конца восьмидесятых снова появляются в песенниках. Так, всевозможные *ти-ра-ра, тара-дари-дай* (см.: ТАРА), *ой-нани-нани-най* и *лай-лай-ла* становятся постоянными элементами и одновременно маркерами цыганского романа: *Вы пострунки натягайтэ // Улиджанман дурэндэр. // Ти-ра-ра-ра...* (Русский романс, 160); *Эх, морозил, за-*

знобил, // Знать другую полюбил! // Тра-ля-ля-ля... (Русский романс, 175).

Т. *вай-вай* кочует по тем песням, которые должны изображать кавказский колорит: *Один кацо купил яйцо // вай-вай! Вай-вай* не следует путать с другими созвучными «этническими» Т. — *ай-вэй*, и *ай-ай*, которые наряду с *я-да-дай-дай-дай* (см. Яда дай!), присущи как оригинальным песням на идиш, так и русским *еврейским песням*, для которых особенно характерны Т. с фонемой [j], ср.: *С добрым утром, тетя Хая, ай-яй-яй! // Вам посылка из Шанхая, ай-яй-яй!* Юлий Ким, известный автор не только русских народных, но и еврейских народных песен, вспоминал: «Когда я путешествовал [по Израилю], в основном в автобусах, я слушался еврейских песен выше головы. И мне захотелось попробовать свои силы и в этих интонациях. Потом я вспомнил совет своего приятеля Бори Вахнюка, который однажды мне сказал: „Сочинять еврейскую песню просто, главное — больше нажимать на междометия *ой-ой-ой* и *ай-яй-яй*“. Я „нажал“ — получилась песня „Ой ты, Хайфа, Хайфа...“» (Ким).

Т. в инокультурных и квазиинокультурных песнях вовсе необязательно происходят из национальной песенной традиции или из соответствующего языка. Они могут являться простой фонетической имитацией звукоподражательного характера, основанной на стереотипных представлениях о речи представителей того или иного народа: *Солнце встает над рекой Хуан-Хэ, // Китайцы на поле идут. // Горсточку риса зажав в руке, // И Мао портреты несут. // (Хор китайцев): // У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня, у-ня-ня...* Как правило, это откровенная тарабарщина, в основе которой если и были подлинные слова, то опознать их затруднительно. Тем более, если их там и не было. Так, рефрен *гоц-тоц-перевертоц* в оригинальных еврейских песнях не встречается, а в русском городском фольклоре сразу опознается как показатель «одесско-еврейского колорита»: *Гоц-тоц перевертоц, Бабушка здорова, // Гоц-тоц перевертоц, кушает компот.* (Кстати, само слово «гоц» присутствует в словаре Даля со следующим объяснением: «Гоц — южн. зап. гоп, скок, прыг. Ска-

жешь гоц, як перескочишь»). Ср. также следующую псевдоеврейскую Т.: *Ведь нынче Сонечка справляет амэнины, // И вся Одесса должна про это знать! // Пари-ра-тач та-тач-тач-тара! // Одесса-мама пирбарцуца-оца-ца! // Ведь нынче Сонечка справляет амэнины, // И вся Одесса — ламца-дрица-оп-ца-ца!* — или классическую «цыганскую» тарабарщину (см.: Цыганство): *Я парамела, я чебурела, // Я сам самели тулия, // Гоп, я парамела, гоп, я чебурела, // Гоп, барон цыганский я!*

На протяжении XX в. Т. становятся все многочисленнее и разнообразнее. Т.-звукоподражания охватывают теперь не только речь людей и животных, не только примитивные *дон-диги-дон-колокольчики* (см.: Дон) или: *А колокольчики-бубенчики ду-ду // а я сегодня на работу не пойду!* — но и достижения технического прогресса вплоть до сложных приборов: *Генератор я считаю. // Фьють-генератор // Ж-ж-ж — напряжение, Чики-чики — тумблярок, // У-у-у — трансформатор!* (Песни студенческие, 54).

Встречаются и Т.-эвфемизмы, как классические: *Хоть ты психуй, хоть не психуй // Трам-там накрылся отпуск летний // Наш старшина — трам-там-там-там — моржовый трам-там-там-там-там // сдурел от службы многолетней. // И каша трам и щи трам-трам // И макароньки как заноза! // Трам-там-там мы // трам-там-там в рот // трам-там-там нашего завхоза!* (песня о военных сборах студентов СПбГУ, 1970-е гг.), так и используемые в качестве условных заменителей условных же обценных тирад: *Тра-та-та-та-та-та-та, // Вы не механик, вы — тра-та-та-та, // Тра-та-та-та и туда вашу мать, // Больше не буду я с вами летать!* В приведенных примерах только в первом случае за Т. скрываются вполне определенные слова, во втором же имеет место некая абстракция, и подстановка конкретных слов представляется затруднительной.

Наряду с эвфемистическими Т., которые скрывают табуированную экспрессивную лексику, встречаются и Т. омонимические, которые в слова превращают-

ся, т.е. могут по внешней форме совпадать со значимыми словоформами и даже рифмоваться, но никак не вписываться логически в основной текст песни: *Захотелось ишаку. // Топай! Топай! // Переплыть Москву реку // кверху попой! // Но коварная река // Топай! Топай! // Утопила ишака кверху попой.* Среди омонимических Т. встречаются не только квазисуществительные (собственно *тумба*): *Там чучмеки роют ямы // Все грозят спалить в огне // Не останемся и дня мы на проклятой целине // Тумба-тумба-раса // Тумба-тумба-раса // А-а а-а-а а-а!* (целинная песня стройотряда ЛЭТИ, 1968 г.), но и квази- другие части речи, например глаголы, в особенности в повелительном наклонении: уже упомянутые *топай-топай!* или *лай-лай!*

Нередко провести границу между Т. и полнозначным словом или выражением бывает непросто, особенно когда функция заполнения мелодических слогов, тактов налицо, а связь с содержанием песни слаба. Имеются в виду в первую очередь не то Т., не то маргинальные реплики вроде *Ой, что ты, что ты, что ты!* или быть может даже *Пой песню пой! Служили два друга в нашем полку // Пой песню, пой. // И если один из друзей грустил, // Смелся и пел другой* (муз. С. Германова, сл. В. Гусева, из репертуара Л. Утесова).

Некоторые Т. странствуют из текста в текст, другие же остаются уникальным и узнаваемым элементом одной песни: *Что же мне делать? Женщины нету! // Фай-дули, фай-дули, фай!* («Фай-дули-фай»); *А если нравимся мы вам, драмату-драля, // Приходите в гости к нам — дзынь-дзара* («Жили-были два громилы»). В некоторых блатных и близких к ним песнях Т.-уникаты составляют развернутые строфы и предполагают отдельный исполнительский трюк: нужно пропеть эту «воровскую заумь» насколько возможно быстро и ни разу не сбившись, как скороговорку: *На станции одной обыкновенной // Стоял военный // И пил нарзан. <...> // Стоял он с краю, // Чуть напевая. А напевал он: // Припев: // Бляцен, туцен, виривиридуцен, // Виривиридуцен, гопцен-труцен, // Шишку с перцем! // Прямо в сердце, — или так: И напевал он один мотив // И*

напевал он // трипер турцер турцер герцер нарцер верцер // перваксан шишка с перцем перволит (песня «Поручик», вариант исполнителя Трофима).

Т. могут возникать и исчезать в песне. Например, песня «Ботик» Ю. Визбора в исполнении автора не имеет ни Т., ни маргинальных реплик, а в народных вариантах обростает ими: *Был там старый патефон, // пара-рум, пара-рум* (см.: ПАРА) // *И два портрета Джугашвили (В фас и в профиль!) // И курительный салон!* К сожалению, именно такие пульсирующие Т. во многих сборниках часто неоправданно купируются, и установить факт их использования при исполнении песни можно только по аудиозаписи. Эта проблема вынуждает поставить вопрос о необходимости внимательного отношения к Т. и обязательности их сохранения при фиксации постфольклорных текстов.

С другой стороны, существует некоторое количество песен, в которых Т. составляет основное содержание. Пользователь «Живого Журнала» (livejournal.com) antialisa (akukuva) пишет в комьюнити «76–82»: *У меня сестра 80 г.р. ездила в лагерь типа «Орленок». Году в девяностом. И привезла оттуда кучу лагерного фольклора. Среди которого была такая забавная вещь, она пелась на четыре голоса. То есть четыре человека на раз-два начинают вместе каждый свою «партию»: Партия 1. Тумба кви-тумба ква, тумба кви-тумба ква.. (с завыванием). Партия 2. тумба-тумба, тумба, тумба-тумба... (баском). Партия 3. ОО, багчисарай, ворона каркнула и села на сарай...(максимально нежным голосом). Четвертую партию я не помню, сестра тоже. А пение это было УДИВИТЕЛЬНО красивым, даже если «хористы» все были безголосые))). Особенно много Т. порождает многообразие танцевальных и музыкальных ритмов от танго до брейка, каждый из которых претендует на свою Т., ср.: *В далеком Лондоне погасли огоньки, // В далеком Лондоне все спать легли. // И только в баре, // Где все по паре, // Танцуют танец шеко-гали до зари. // А дрипа-неш-неш-неш-неш-неш. // А дрипа-пульки, пульки, пульки, пульки, пульки // А**

дрипа-неш-неш-неш-неш-неш // А дрипа-пульки, пульки, пульки и назад.

С появлением рок-н-ролла, буги-вуги и других музыкальных стилей 1940-х — 1960-х гг. появляется новая волна подтекстовок, включающих в себя Т. Для имитации новых ритмов используются и новые звуко сочетания: *шуба / шубу* (см. ШУБА), / *шабу-лабу-да* (см.: ЛАБУ-ДА), *дуба / дубу / дубай* (см.: ДУБАЙ), напр.: *Вот получим диплом, гоп-стоп дубай, махнем в деревню. // Соберем чуваков гоп-стоп дубай, распашем землю. // Мы будем сеять рожь, овес, ломая плуги, ла-ла-ла, // И прославим колхоз гоп-стоп дубай, // По всей округе.* Прекрасным примером художественного использования Т.-имитаторов ритмов и мелодий является киноверсия окуджавского текста «О жадинах, хвастунах и дураках», вошедшая в фильм «Приключения Буратино» как «Песня Великого Кота Базилио и Прекрасной Лисы Алисы о Жадинах, Хвастунах и Дураках» с рефреном: *Лап-тибу-дабу-будай // Лап-тибу-дабу-будай // Лап-тибу-дабу-будай-дай-дай-дай-дай-дай-дай* (см.: ЛАПТИ), который отсутствует не только в тексте Б. Окуджавы, но и в песенном варианте, исполняемом Т. и С. Никитиными.

В современной песенной традиции Т. стали настолько характерным явлением, что их начинают использовать в качестве элемента игры слов — напр., в случаях, когда механическое повторение последнего слога строки на манер Т. образует полнозначную рифму-эхо, существенно меняющую или уточняющую смысл только что пропетого: *Не поймать-мать-мать // мне удач-дач-дач // для себя ничего не найду-ду-ду // Под лунной-ной-ной / на сугроб-гроб-гроб // как олень-лень-лень упаду.*

Включение Т. в игру слов наблюдается не только в самих песнях, но и в анекдотах, воспроизводящих такое их функционирование: *Муж куда-то собирается вечером и напевает: «Па-ра-па-ба-бам, па-ра-па-ба-бам...». Жена услышала и тоже засобиралась, напевая на дружную мелодию: «Та-та-рам-да-рам-дам! Та-та-рам-да-рам-дам!»* (см.: ПОРА ПО БАБАМ! и ТАТАРАМ ДАРОМ ДАМ). Даже

самый известный советский разведчик не избежал пуанта в виде Т.: *Штирлиц гнал свою машину на юго-запад, к швейцарской границе. Шоссе было пустынным, но что-то беспокоило русского разведчика. Проехав еще пару километров, он понял: ЭТО было в багажнике. Он свернул на лесную дорожку, заглушил мотор, вышел из машины, закурил. Обошел машину, подошел к багажнику и медленно открыл крышку. А там... там-там-та-та-там-там-там* (см.: ТАМТАМ) (исполняется на мелодию проигрыша к песне «Мгновения», сопровождающего стоп-кадр с титрами в конце серии) — *конец серии!*

Лит.: Фаминцин А. Божества древних славян. М., 1990; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. Глава 17: «Лада» // Магическая библиотека: [web-сайт] <http://www.malib.ru/rybakov_slyazychestvo>; Адоньева С. Б. Звуковые формулы в ритуальном фольклоре // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: [web-сайт] <<http://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva1.htm>>; Дарков К. С. Кадетские записки суворовца N // Сайт Казанского Суворовского военного училища: [web-сайт] <http://www.kz44.narod.ru/sk_darkov.html>; Ким Ю. Интервью Интернет-ресурсу «Агент-

ство еврейских новостей» (2006) <<http://www.apksp.narod.ru/kimstat121.html>>; Крамер А. Проект Александра Крамера, Новосибирск. Музыка в истории города. Часть 2-я: Звучащие 30-е... // Культура СИ: [web-сайт] <<http://www.kulsi.ru/EnergyAndArt?pid=2&id=66>>; Песни студенческие, школьные, дворовые / Сост. М. Баранова. М., 1996; Новый полный песенник. М., 1969; Полуэктова Е. В. (Женя Рафалович) Воспоминания о Казимире Малевиче // «Немчиновка-Малевич» [web-сайт] <<http://www.nemchinovka-malevich.ru/TEXT/RUSSIAN/poluekt.html>>; Павлов В. Марковцы-артиллеристы в Галлиполи 1921 // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. М., 2003; Русский романс на рубеже веков / Сост. М. Петровский, В. Мордерер. Киев, 1997; Новый полный песенник / Собрал Любитель. М., 1869.

А. С. Б.

ТЫНЭРУЛ ЛЕНИНИСТ (молдав.).
См.: ЯШЬ ЛЕНИНЧЫ.

Т

УРОКИ РОДНОГО ЯЗЫКА. Школьные уроки миноритарных языков.

На последней странице школьного дневника, наряду с мистическим разделением на *поведение* и *прилежание*, были представлены графы «Родной язык» и «Родная литература», остававшиеся незаполненными везде, кроме национальных республик. В русскоговорящих школах возникала странная ситуация, при которой графа «Родной язык» как бы дублировала графу «Русский язык», однако методисты не создавали варианты дневников для русских школ, так как, по всей видимости, никаких сложностей это наложение не создавало: все владели стереотипом родной язык (см.: Родной язык) и понимали, что уроки русского языка не относятся к числу У. Р. Я.

В советских республиках распределение на детей с *родным языком* и без оного, т.е. на русских и местных, происходило еще на уровне выбора школы (русских детей никогда не отдавали в армянские или эстонские школы, т.е. школы с углубленным изучением этих языков или с преподаванием на них). В русскоязычных школах в национальных республиках или автономиях русские ученики были освобождены от У. Р. Я. (для получения желанного статуса достаточно было, чтобы один из родителей имел русскую национальность). В смешанных классах необходимость составить расписание с учетом то-

го, что не все дети посещают У. Р. Я., приводила к тому, что У. Р. Я. назначали либо шестым, либо нулевым уроком. Многие калмыки вспоминают, как с завистью смотрели в окно на освобожденных от дополнительного урока русских детей, которые в это время играли в футбол или шли домой. Подобное ощущение не способствовало популярности У. Р. Я.

Контроль за обучением на У. Р. Я., как правило, представлял собой пустую формальность. Хотя оценки по дисциплинам «Родной язык» и «Родная литература» шли в аттестат, а в ряде регионов был выпускной экзамен по этим предметам, эти курсы не воспринимались всерьез никем из участников учебного процесса. Подобные негласные практики позволяли ученикам, учителям и родителям безошибочно определять место У. Р. Я. в школьной иерархии: где-то рядом с уроками ИЗО и музыки и несравненно ниже действительно важных предметов.

Как правило, У. Р. Я. были методически разработаны и оснащены значительно хуже других предметов. Преподавание было ориентировано на методику преподавания русского языка и не учитывало ни типологических особенностей миноритарных языков, ни уровня владения титульным языком.

Следствием У. Р. Я. (точнее, и У. Р. Я. в том числе) во многих регионах стало формирование специфической языковой компетенции, предполагающей умение писать и читать (не обязательно понимая прочитанное), а также знание отдельных грамматических положений (вроде *в нашем языке 6 падежей*) и иногда — временных (утрачиваемых обычно после выпускных экзаменов) навыков разбора слова или предложения по составу с указанием соответствующей терминологии на родном языке.

Хотя с точки зрения представлений лингвиста о полноценной коммуникации, да и с позиции обыденных представлений о *знании языка*, подобная компетенция представляется «ущербной», она чрезвычайно распространена среди бывших учеников У. Р. Я. Безусловно, социолингвистическое отражение реального существования языка L в сообществе X требует описания и этих типов носителей — наря-

ду с другими формами неполной компетенции, *полуязычия* — не в сравнении с «нормальным» усвоением языка, но в качестве самостоятельного явления.

В. В. Б.

УЧЬСЬ, ПОКА Я ЖИВ. Выражение, активно использующееся в современном русском языке в целях шутливой констатации мнимого превосходства над собеседником. Зачастую служит завершением поучительной истории из жизни адресанта. Существует в двух основных вариантах: без прямого обращения к адресату (*учись (-тесь), пока я жив (-ой, -а, -ая)*) и с уничижительным прямым обращением к адресату (*учись (-тесь), студент (стажер; салага; братан; браток; сынок; подлец; дети мои и пр.)*), *пока я жив (-ой, -а, -ая)*). Описать происхождение этого выражения с абсолютной достоверностью трудно, но можно объяснить его распространенность в устных и письменных жанрах, а также однообразие функций.

Наиболее вероятным источником этой цитаты является рассказ девятиклассника В. Гамма «Борькина слава», опубликованный в журнале «Пионер» за 1959 г. (№ 4, 72–73): *У нас во дворе самым сильным считался Борька — Черный принц. Это прозвище Борька дал себе сам. Когда он выходил во двор, малыши разбегались в разные стороны. Да что там малыши! Мне и то бывало страшновато <...> ... малыши прятались друг за друга и молчали. Тогда Борька сам выбирал какого-нибудь «борца», который от страха еле стоял на ногах, брал его в охапку, бросал на кучу травы — «на ковер» — и, довольный своей победой, вопил: «Победу одержал Черный Принц!» И добавлял: «Учитесь, пока я жив!» Только одному человеку старался не попадаться на глаза Борька: нашему дворнику Кузьмичу. В дом, где живет Борька, приезжает мальчик Петя с мамой, но попытка Борьки вызвать его «на честный бой» заканчивается плачевно: Петя слез с велосипеда, подошел к Борьке, обхватил его руками и спокойно приземлился на траву. <...> В*

этот день произошло крушение Борькиной славы.

В 1960-е гг. было принято писать изложения по рассказам, публикуемым в детской и юношеской периодике. В том числе методикой было предписано использовать для этих целей рассказ «Борькина слава». Этот же текст использовали для составления так называемого «рассказа по началу», когда ученикам зачитывали начало рассказа, а затем они должны были «дописать» текст. Отрывок, зачитываемый ученикам, включал в себя описание поведения Борьки, который вызывал на кулачный бой малышей и гордился своей физической силой. Возможны были и другие варианты проведения этого урока: учитель читал текст целиком, а ученики должны были передать свое отношение к Борьке и Пете и объяснить, какое поведение недостойно пионера и как нехорошо обижать слабых. Текст рассказа должен был стать поводом для размышлений о том, что такое настоящая сила, истинное и мнимое превосходство.

Интерпретация этого выражения в связи с историей обучения изложениям объясняет, почему оно используется именно в ситуациях мнимого превосходства говорящего над адресатом, и почему вошло в анекдоты. Единство восприятия клише У. П. Я. Ж. обеспечивалось единством методики преподавания: книга Т. А. Ладыженской, где был частично опубликован и частично пересказан рассказ «Борькина слава», с серед. 1960-х по серед. 1980-х являлась обязательной для конспектирования в педвузах, а затем становилась настольной книгой их выпускников-русистов.

Вероятно, жизнеспособность совета У. П. Я. Ж., поддерживалась и живой речью. Напр., Е. Петросян вспоминает о том, что Л. Утесов так говорил на репетициях.

Пользователь Booker в комментариях к теме «учись, пока я жив» связывает распространенность этого клише с массовым просмотром фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика», а также с анекдотом о сантехнике, и указывает в качестве возможного источника роман Максима Горького «Фома Гордеев» (1899): — *Сынишка!.. — глухо шеп-*

тал Игнат. — Милый ты мой... радость ты моя!.. Учись, пока я жив... э-эх, трудно жить! (Booker).

Но это объяснение сомнительно, во-первых, потому, что в «Операции Ы» говорится *учись, студент*, а не У. П. Я. Ж. Во-вторых, объяснять частоту использования этого выражения в речи популярностью «Фомы Гордеева» трудно: это не самое читаемое произведение Горького. Ситуация, в которой произносятся эти слова, не провоцирует возникновения комических переделок: трагическая острота малознакомого текста сохраняется, а не стирается из-за многократных повторов, как это происходит при переосмыслении или переработке цитат из школьной программы (ср. *после первой не закусываю, чем тебя породил, тем тебя и убью* и т.п.)

В анекдотах про сантехников (ассенизаторов) есть разные варианты совета старого молодому: **Учись, сынок, пока я жив, а то так и будешь всю жизнь ключи подавать**; **Учись, студент, а то будешь всю жизнь ключи подавать**!; **Учись, а то будешь ключи всю жизнь подавать** и пр. — см. напр. текст, опубликованный на специализированном сайте anekdot.ru: *Два ассенизатора, молодой и старый, идут прочищать очередной засор. Подошли к канализационному колодцу, и старый мигом в него нырнул. Выныривает через полминуты, воздух набрал и говорит:*
— *Дай ключ на тридцать два! Опять*

нырнул. Выныривает через минуту, кричит:

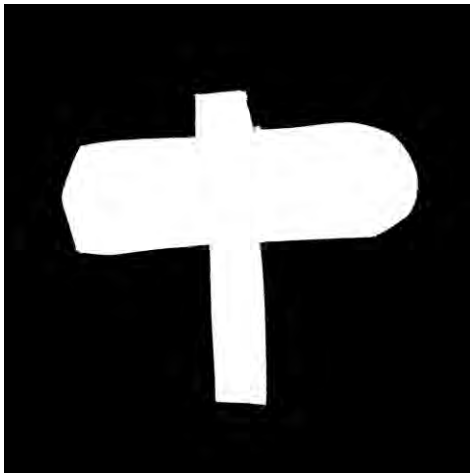
— *Дай ключ на восемнадцать!* — и опять ныряет в дерьмо. Проходит еще полминуты, выныривает весь в дерьме, устало вытирает лоб, лицо и говорит молодому: — *Учись, сынок, пока я жив, а то так и будешь всю жизнь ключи подавать.*

Датировать эти анекдоты трудно, но можно предположить, что это произошло не раньше втор. пол. 1920-х гг., когда в СССР службы водоснабжения и канализации начали объединяться и, соответственно, появилась причина путать функции ассенизатора с функциями сантехника.

Лит.: Booker [комментарий к теме «учись, пока я жив» от 13 нояб. 2007 г. на форуме «Охота за цитатами»] // АBBYU Lingvo: [web-сайт] <<http://forum.lingvo.ru/actualpost.aspx?bid=29&tid=89948&mid=504759&p=1>>; Ладыженская Т. А. Система обучения сочинениям в 5–8 классах. М., 1967; Лурье С. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. 2002 // Этнопсихология [и не только]: [web-сайт] <<http://svlourie.narod.ru/PA/Toc.htm>>.

Е. В. М.

ФЕРМАТИСТ. В узком смысле — математик-любитель, пытающийся доказать Великую (Последнюю) теорему Ферма.

Известная запись П. Ферма на полях книги Диофанта Александрийского породила многочисленные попытки доказательства высказанной гипотезы. Помимо профессионалов, достигших здесь больших успехов и, в конце концов, решивших ее весьма неэлементарными средствами (1995), этой деятельностью занялись и многочисленные дилетанты. Интерес к этой проблематике подогревало объявление в 1908 г. премии за ее решение (премия П. Вольфскеля). Инфляция в Германии после Первой мировой войны обесценила премию. Однако поток наивных и невежественных «доказательств» не иссяк. Не прекратился он даже тогда, когда проблема была решена.

Простотой формулировки и, вероятно, еще какими-то свойствами, теорема Ферма привлекает людей определенного психологического типа в гораздо большей степени, чем другие нерешенные математические проблемы. В этом аспекте она находится в одном ряду с попытками расшифровки Фестского диска, поисками Атлантиды, «Золота Партии» и т.п.

Среднестатистический Ф. неплохо знает историю вопроса (на беллетристическом уровне), но не способен воспринимать серьезную литературу, и его само-

оценка чрезвычайно завышена (интересно, что среди Ф. не встречаются женщины). Многие Ф., вероятно, ощущают себя демиургами, поэтому в их среде не наблюдается стремления к созданию профессионального объединения. В то же время, Ф. стремятся получить признание в университетской и академической среде (иногда, но далеко не всегда, из меркантильных соображений), и архивы математических учреждений завалены «рукописями трудящихся, не имеющими научного значения». В некоторых таких работах приходится искать конкретные ошибки (как правило, это несложно), другие лишены всякой логики, и поэтому рецензировать их — дело и трудное, и неблагодарное. С общим падением уровня образования, произошедшим в последние десятилетия, число Ф. второго типа неуклонно возрастает.

Интенсивность и активность Ф. в различные периоды неравномерна. Помимо сезонных колебаний и обострений, она определяется и различными датами (напр., предстоящим юбилеем того или иного известного деятеля). Ранее активность возрастала в преддверии очередного Съезда КПСС.

В последние годы, в связи с доказательством теоремы, Ф. все чаще утверждают, что они переоткрыли доказательство самого П. Ферма. Объективно эти претензии подпадают под статью № 129 Уголовного кодекса РФ (клевета). Но подобные дела ни разу не возбуждались, как за невозможностью объекта клеветы заявить иск, так и ввиду отсутствия субъективного желания клеветать — более того, Ф. испытывают к П. Ферма почти религиозное чувство, и всякие сомнения в том, что последний в своих маргиналиях мог ошибиться, безоговорочно отменяются.

Несмотря на то, что среди Ф. встречаются люди очевидно больные, отмечен лишь один случай, когда Ф. стал жертвой «карательной психиатрии», да и то лишь потому, что, разгневанный вредительским отношением официальной науки, он в знак протеста перевел свою пенсию А. Пиночету.

В обобщенном смысле Ф. — дилетант, фанатично стремящийся решить какую-либо известную естественнонауч-

ную проблему. Таковых, по сравнению с Φ . в узком смысле, не так много, но и их число внушительно. К Φ . в этом смысле относятся *бинарицики* (лица, решающие бинарную проблему Гольдбаха), *близнецисты*, *пятикрасочники* и т. п. (разумеется, ничто не мешает одному человеку решать несколько подобных проблем). Особую группу составляют дилетанты, не согласные с уже найденным отрицательным решением известных проблем: *постулатчики* (доказывающие пятый Постулат), *радикальщики* (решающие любое уравнение в радикалах), *квадратурицики* и т.п. (встречаются даже *антигеделисты*). Представители этой группы Φ . нередко посылают свои рукописи в Комиссию РАН по противодействию лженауке.

Появившаяся в последнее время возможность издавать произведения за свой счет и бесцензурно привела к появлению большого количества подобной литературы на книжных прилавках. Особенно широко она представлена в магазинах «Ака-

демкниги». Впрочем, не отмечено случаев, когда один Φ . купил бы книгу другого.

См. также: ФЕРМАТИСТ В ЗАКОНЕ.

Б. Б. Л.

ФЕРМАТИСТ В ЗАКОНЕ (проф. жарг.). Математик-профессионал, занимающийся ферматообразными проблемами. См. также ФЕРМАТИСТ.

Лит.: Литцман В. Теорема Пифагора. М., 1960; Постников М.М. Теорема Ферма. М., 1978; Эдвардс Г. Последняя теорема Ферма. Генетическое введение в алгебраическую теорию чисел. М., 1980.

Б. Б. Л.

ХЭЛАДЫТКА РОМА, русска рома. Самоназвание т.н. русских цыган, представителей наиболее многочисленной из цыганских и цыганообразных групп, проживающих на территории России (см.: Цыганство). Традиционно выделяемые исследователями этносоставляющие признаки *гоманирэ* («цыганства») применительно к Х.Р. следующие:

1. *Специфический нomaдизм, не связанный со скотоводством.* В XX в. культура цыган России претерпела значительные изменения, прежде всего в связи с принудительным переходом к оседлости. Советская власть издавала законодательные акты по ограничению кочевья начиная с 1920-х гг.: были вынесены постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому и оседлому образу жизни» от 1 окт. 1926 г., рекомендации Совета национальностей ЦИК СССР «Об углублении работы среди цыган по переходу на оседлость и к труду» от 18 янв. 1936 г. Но полностью кочевье российских (советских) цыган было прекращено вскоре после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 окт. 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» (цыгане называют этот документ словом *Ukázó*). В современной России нет цыган, кочующих традиционным способом (феномен т.н. «вторичного кочевья» — нелегальной миграции цыган

из стран бывшего СССР с начала 1990-х гг. нельзя приравнивать к традиционному кочевью). Оседлость наложила отпечаток на материальную культуру — цыгане стали постоянно жить в домах, а не в палатках, пользоваться мебелью и т.д. Элементы духовной культуры, связанные с новыми реалиями, были частично позаимствованы от окружающего населения (напр., представления о пространстве дома и мифологических существах, в нем живущих).

Кочевье Х.Р. и до 1956 г. было «половинчатым» (ср. термин *полукочевье*): как правило, переезды и жизнь в палатках происходили в теплое время года, а с поздней осени до весны семья или несколько семей снимали жилье (обычно в сельской местности или пригородах) и жили на одном месте. Такая группа кочующих семей называлась *tábar* (отголосок этой традиции виден в типичной многонаселенности современного цыганского дома, где проживают, как правило, трех-четырепоколенные многодетные семьи).

Цыган до сих пор отличает большая мобильность — они меняют место жительства гораздо чаще, чем этническое большинство. Эти перемещения вызваны жизненной необходимостью, связанной с социальной маргинальностью цыган (поисками работы, более дешевого жилья и т.д.), однако в массе к самому факту переезда на другое место цыгане относятся довольно легко. Кроме того, Х.Р. зарабатывают мелкой торговлей, требующей переездов. Типичной является схема «приехали посмотреть, пондравилось — переехали». По приблизительным подсчетам, в среднем современная цыганская семья (члены которой родились после Указа 1956 г.), по разным причинам переезжает на новое место жительства не менее 5 — 6 раз.

«Кочевой ментальностью» определяется специфическое отношение цыган к жилищу и к собственности: в случае необходимости цыганские семьи легко расстаются с материальными ценностями — меняют иномарки на старые отечественные машины, продают бытовую технику, скот, ценную одежду, наконец, дом, если нужно, напр., расплатиться с долгами после похорон родственника или свадьбы, дать

взятку представителям власти. Несмотря на то, что дом, как и другие богатства, рассматривается как нечто временное, в его убранстве проявляется стремление хозяев к пышности и яркой украшенности (разнообразные иконы, картины на стенах — репродукции и живопись, фарфор с золотой глазурью, большие вазы экзотических расцветок, огромные люстры, мягкие игрушки в рост человека, гора перин и подушек и пр.).

Рефлексом кочевого образа жизни является особое отношение сегодняшних Х.Р. к лошадям: если позволяет достаток, их держат без особой нужды, «по привычке», хотя реально в хозяйстве лошади почти не используются. Субститутом лошади для современных цыган часто является автомобиль: торговля подержанными машинами (фактически — мена с барышом) — довольно расхожий бизнес, аналогичный прежнему лошадиному.

У современных Х.Р. отсутствует институт «баронства» (от цыг. *баро* 'большой'), т.е. самоуправления цыганской общины, при котором решения принимает выборный *барó*, он же ведет отношения с внешним миром — представляет общину при разрешении конфликтов с окружающим большинством, с властью и т.д. Но при этом окружающее население использует слово «барон» для называния авторитетного, богатого цыгана.

2. *Резкое противопоставление своего этноса окружающему миру.* Принадлежность к цыганскому народу и, соответственно, требование соблюдать цыганские традиции выражено на языковом уровне. Можно отметить следующие лексемы: *góm* 'цыган', *gomný* 'цыганка' в противоположность *gadž'ó* 'нецыган', *gadž'í/gad'í* 'нецыганка', а также *č'avó/č'avoró* 'цыганский парень/мальчик', *č'áj/č'ajor'í* 'цыганская девушка/девочка', которым противостоят *rakló/rakloró* 'нецыганский парень/мальчик' и *raklý/raklor'í* 'нецыганская девушка/девочка'. Такое разделение касается и праздников, не отмечаемых цыганами (Новый год 1 января, 7 ноября и др.): *adá gadž'eŋ'g'iro svénko* «это нецыганский праздник». Сами слова, относящиеся к нецыганам и их традициям, в этом контексте иногда приобретают не

только таксономический смысл (обозначая носителей другой культуры), но и отрицательные коннотации. Напр., девушку, не оказывающую должного внимания гостям во время застолья и являющую тем самым свою невоспитанность в традиции, ругают *raklor'í* (нецыганкой).

Современные Х.Р. живут дисперсно среди иноэтничных соседей (в основном, русских). В большинстве случаев цыгане находят способы бесконфликтного и доброжелательного сосуществования с соседями, строящегося на обмене товарами и услугами. Напр., в цыганском доме часто имеется нецыган-«работник» (как правило, деклассированный немолодой человек, помогающий по хозяйству). Он живет у цыган по своей воле, получая за свою работу кров, пищу, одежду, иногда деньги. Услуги нецыган необходимы и в некоторых ритуальных случаях. Так, многие информанты говорят, что «отдельвать» порчу, наведенную колдуном, должны нецыгане. В качестве повитух приветствуются нецыганские женщины. Наемные нецыгане могут приглашаться для обмывания покойника. Подобные коннотации универсальны (оппозиция «свой/чужой» во всех культурах естественно перетекает в «хороший/плохой»), но их нельзя оценивать как проявление враждебности или агрессии — они показывают только границы «своего» и «чужого». Напр., согласно цыганским представлениям, если в костре сжечь «поганный» предмет (связанный с женским телесным низом), то этот костер становится «поганным» и готовить пищу на нем нельзя. Если кто-то по неведению поставил на него кастрюлю или любую чистую посуду, то посуду надо выбросить или продать нецыганам. Те же представления о ритуальной чистоте/нечистоте запрещают мыться в хлеву и использовать его в качестве туалета, однако оговаривается, что общественный (колхозный) хлев для этих целей подходит. Логика подобных обычаев — «что цыгану нельзя (вредно, опасно), то нецыгану можно (безвредно, неопасно)». Продавая «поганные» предметы, цыгане не желают нанести вред русскому соседу или выразить презрение к нему, поскольку осознают, что для нецыган, живущих в иной

культурной системе, ритуальная нечистота предмета неважна и не несет никакой угрозы.

Оппозиция «свой/чужой» имеет еще один аспект: кроме основного противопоставления «цыгане/нецыгане» четко осознается и формулируется принадлежность к своей цыганской группе в противоположность чужим группам (феномен «amaré/č'úža gomá» — «наши/чужие цыгане»).

3. *Традиционные занятия.* Х. Р. традиционно занимались лошадиничеством, мелкой торговлей, гаданием и ворожбой. Особо стоит профессиональное музыкальное творчество городских цыган. Переход к оседлости наложил ограничения на привычные занятия, но не отменил их совершенно. Основная масса цыган после 1956 г. оказалась в сельской местности или в пригородах, значительная их часть стала работать в колхозах и завела свое хозяйство. Возможность для лошадиничества, хотя и ограниченные, в этих условиях сохранялись. Кроме того, цыгане стали выращивать скот (свиней, коров) и торговать им. Несмотря на то что в советские годы торговля квалифицировалась как спекуляция (уголовное преступление), а гадание как мошенничество, эти занятия активно практиковались.

После перестройки 1990-х гг., распада СССР, крушения колхозной системы и становления рыночной экономики в России традиционные занятия цыган претерпели трансформации. Лошадиничество почти ушло: сейчас коней держат только как рудимент цыганского прошлого. Мелкая торговля перестала быть преступлением и практикуется, но не приносит значительных доходов в условиях большой конкуренции.

По-прежнему практикуется гадание — традиционное занятие цыганских женщин (хотя есть сведения и о колдунах-мужчинах). Для обозначения этой деятельности используется два термина: *te gadynés* 'гадать' и *te drabak'irés* 'ворожить с целью выманить деньги'. Первый термин обозначает гадание для себя или для клиента «по правде», при котором в результате верит как гадалка, так и клиент, второй относится к широкому кругу приемов, с помощью кото-

рых можно воспользоваться наивностью и простодушием клиента и обманом завладеть его деньгами и ценностями. Ворожба — *drabak'ir'ibén* — самими цыганами воспринимается двояко: и как достойная восхищения ловкость, и как грех. Гадание «для себя» широко распространено среди самих цыган и является обязательной составляющей цыганского быта: это и гадание на картах, и толкование снов, и приуроченные к Святкам заимствованные у русских соседей способы узнать ближайшее будущее.

4. *Владение цыганским языком.* Цыгане, живущие в России, как правило, билингвы — они говорят как на цыганском, так и на русском языке. Языком домашнего общения является цыганский, это первый язык, который выучивают дети (См.: Родной язык). Русским языком дети постепенно овладевают к 6—7 годам.

Родной язык, бесспорно, относится к этноопределяющим признакам цыганского народа. Своеобразным и постоянным предметом языковой рефлексии цыган является контактный характер цыганского языка. Обилие заимствований из других языков и их функционирование часто отмечается и комментируется цыганами.

Лит.: Андроникова И. М. Эволюция жилища русских цыган // Советская этнография. № 4, 1970; Вентцель Т. Н., Черенков Л. Н. Диалекты цыганского языка // Языки Азии и Африки. М., 1976. Русаков А. Ю. Севернорусский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов. СПб., 1998; Bakker P. The Northern branch of Romani; mixed and non-mixed varieties // Halwachs D. W., Menz F. Die Sprache der Roma. Klagenfurt, 1999; Bakker P., Matras Y., Kyuchukov H. The typology and dialectology of Romani. Amsterdam, 1997; Matras Y. Romani: A Linguistic Introduction. Cambridge, 2002.

О. А. А.

ЦАРЕВОКОКШАЙСК.
Йошкар-Ола.

См.:

ЦЫГАНСТВО (цыг. *romanipé/romanítóš*). Тонкое и трудноформулируемое чувство культурно-исторического родства, которое заставляет разных в лингвистическом и культурном отношении представителей многих субэтнических цыганских групп относить себя к цыганскому народу, иными словами — конститутивные особенности цыганского этноса, определяющие самоидентификацию цыган. В попытках рационализировать Ц. ученые-этнографы выделяют ряд его основных элементов: 1) специфический нomaдизм, не связанный со скотоводством; 2) резкое противопоставление своего этноса окружающему миру; 3) определенные виды деятельности; 4) владение цыганским языком (см., напр.: Русаков, 162–165). Решая актуальный вопрос о единстве цыганского этноса (составляют ли группы цыган единый этнос и диалекты — единый цыганский язык, или же это дисперсные группы, говорящие на родственных языках), специалисты сталкиваются с определенными трудностями: цыганские субэтнические группы чрезвычайно разнообразны в отношении их диалектов, антропологических типов, религиозных воззрений, традиционных занятий, одежды и пр. Многие цыганские

группы не обладают всеми указанными чертами Ц.: так, большинство современных цыган не кочуют, а некоторые группы ведут оседлый образ жизни уже несколько веков; традиционные занятия цыган значительно варьируются в разных регионах; цыганский язык тоже утрачен некоторыми группами. Наиболее бесспорным критерием самоидентификации цыган является их резкое противопоставление окружающим народам, характерное для всех цыганских групп. Оно зафиксировано в цыганском языке в виде оппозиции *ромá* — *гаджэ́* (цыгане — нецыгане).

Именно эта черта сыграла с цыганами злую шутку: на протяжении всей истории их существования среди иноэтнического большинства самоизоляция цыган накладывалась на охотно поддерживаемый нецыганами страх «чужого». Восприятие цыган противоречиво и полно стереотипов, и в его основе лежит бессознательный архетипический страх. Рациональные объяснения *цыганофобии*, ее вербальные формулировки и попытки преодоления колеблются в довольно широких пределах. С одной стороны, в бытовом сознании имеется негативное представление о цыганах — «колдуны, мошенники, бездельники, воруют детей, имеют дело с нечистой силой, владеют особым гипнозом, не хотят учиться, торгуют наркотиками» и т.д. С другой стороны, в литературе, особенно русской, широко представлен положительный и притягательный образ цыган — «загадочный, необычный, вольный, свободолюбивый, независимый, гордый народ, живущий по своим законам; веселые, горячие, темпераментные, музыкальные люди, поющие задушевные песни и танцующие зажигательные танцы». Этот образ со страниц классической литературы («Цыганы» А. С. Пушкина, «Кармен» П. Мери-ме, «Очарованный странник» Н. С. Лескова, «Живой труп» Л. Н. Толстого) шагнул в массовую культуру — кинематограф («Табор уходит в небо», реж. Э. В. Лютяну, 1976; «Карнавал», реж. Т. М. Лизозова, 1981; «Жестокий романс», реж. Э. А. Рязанов, 1984), телесериалы («Цыган», 1979 и «Возвращение Будулая», реж. А. И. Бланк, 1984), романсы, твор-

чество театра «Ромэн», плягеры, давая подчас образцы поразительного, доходящего до абсурда искажения действительности.

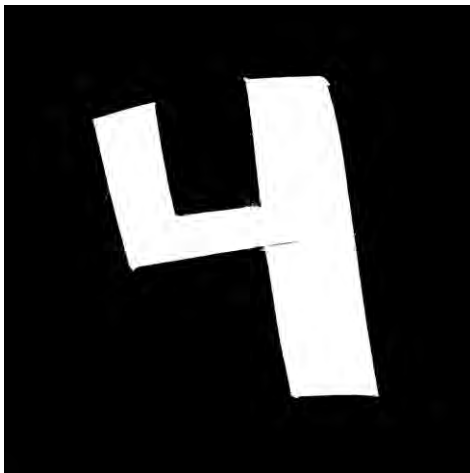
Очевидно, что современному обществу необходим более реалистический взгляд на цыган, отводящий уже укоренившимся стереотипам их ограниченное в культуре место. Этому может способствовать научное изучение феномена Ц. В последние годы цыганология развивается достаточно интенсивно и достигла больших успехов, одним из которых стало создание в университете Граца (Австрия) электронной базы данных по цыганскому языку и культуре (Rombase).

Лит.: Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России: русска и лотфитка рома. СПб., 2006; Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; Гулик

Д. П. Языковой портрет цыгана (на материале русского и английского языков) // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000; Рузаков А. Ю. Севернорусский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов. СПб., 1988; Hübschmannová M. Ethnology and Groups / Family & Social Structure / Amare Roma. // Rombase. Prague, 2002. <<http://romani.uni-graz.at/rombase/>>; Rombase: Didactically edited information on Roma: [web-сайт] <<http://romani.uni-graz.at/rombase/>>.

О. А. А.

ЧУКЧА (от чукотск. *чаучу* — ‘оленный человек’). Представитель народа северо-восточной Азии, с 1970-х гг. — персонаж русских анекдотов, комический глупец.

Анекдоты про Ч. — региональная версия широко распространенных по всему миру анекдотов о простаках. Кругозором и особенностями мышления простака противопоставлен человеку цивилизации, будучи одновременно и глупее, и мудрее последнего. Ч. не имеет представления о реалиях мира цивилизации (*Сколько стоит этот аккордеон? — Сказано же: чукчам не продаем. — Но как вы догадались, что я чукча? — Только чукча мог назвать батарею аккордеоном*); непроизвольно воспроизводит в цивилизованном социальном пространстве поведенческие стереотипы «дикой» жизни (*Чукча — пассажир такси внезапно резко открывает и закрывает дверцу машины: «Русский охотник — плохой охотник. Еще немного, и ушла бы старушка»*), однако при этом способен осознать и сформулировать базовые принципы мироустройства, ускользающие от восприятия человека цивилизации (*Теперь чукча понял, что значит «все во имя человека, все для блага человека»*). Чукча даже видел этого человека).

Анекдоты о глупцах — представителей чужого этноса или жителей определенного региона — существуют во многих культурах. Их герои — поляки в амери-

канском фольклоре, норвежцы — в шведском, бельгийцы — во французском, марийцы — в башкирском, а также габровцы — в болгарском, швабы — в немецком, пошехонцы — в XIX в. в русском и т.д. Вопрос о том, почему во 2-й пол. XX в. эту нишу в русском фольклоре занял именно Ч., до сих пор остается открытым.

В истории русско-чукотских отношений, по-видимому, не было ничего, что обусловило бы возникновение позднейшего стереотипа. Воинственный народ, Ч. долго и успешно сопротивлялись русской колонизации. Активные военные действия велись до 1778 г., когда с Ч. был подписан мирный договор. В ходе войны русские войска не раз терпели сокрушительные поражения, а в 1770 г. Анадырский острог на какое-то время пришлось ликвидировать, потому что расходы на его содержание существенно превышали количество ясака, которое удавалось собрать властям. По мирному договору, Ч. платили ясак по желанию и сохраняли самостоятельность во внутренних делах. Такое положение дел сохранялось и в XIX в. (см.: Нефедкин).

По всей видимости, причины выбора представителей именно этого народа в качестве персонажей анекдотической серии следует искать не в его исторической судьбе. Примечательно, что художник и этнограф В.В. Чарнолуский, сотрудник Лопарской экспедиции Государственного русского географического общества (после 1927 г. — в составе Кольской экспедиции АН СССР) на юмористическом рисунке 1932 г. изобразил в качестве представителя «первобытного» народа не лопаря или самоеда, быт которых он изучал как этнограф, а Ч. На рисунке, полное название которого «Троица едина, неделима и первобытна иже воплотилася в чукче, этнографе и первобытном студенте и блуждающа во век», автор «конструирует своего рода пародийно-карикатурную „икону“ (или герб) этнографии, в состав которого входят: этнограф-профессионал, студент, очевидно в роли ассистента и ученика, <...> и чукча как представитель и символ изучаемой этнографами культуры». Комментаторы отмечают: «В 1930-е годы „чукча“ еще не был известен как персонаж анекдотов, за-

то мог быть вполне символом отечественной этнографии как науки. В. Г. Богораз (1865–1936), один из основоположников русской и советской этнографии, общепризнанный мэтр в исследованиях коренных народов Севера и Сибири, знаменит прежде всего своими (ставшими классическими) исследованиями языка, материальной и духовной культуры чукчей. В 1920–1930-е годы его труды, несомненно, считались образцовыми и определяли методологию этнографической науки в целом. Мало того, В. Г. Богораз был учителем Чарнолуского по Географическому институту» (Шабалина, Николаев, 155–156). Тот факт, что Ч. в 1930-е гг. мог выступать в качестве экземплификатива (см. ЭКЗЕМПЛИКАТИВ) «первобытного» народа, крайне примечателен, однако едва ли здесь можно говорить о прямом источнике анекдотов про Ч. (хотя это обстоятельство вполне могло способствовать популярности серии).

Остроумную, но, к сожалению, малоубедительную попытку объяснить феномен «чукотских» анекдотов предприняла Е. Г. Рабинович, предположив, что он восходит к тексту упражнений из учебника английского языка, где жизнь американских эскимосов сравнивается с жизнью советских Ч. Это действительно смешные тексты, но их сколько-нибудь значительная популярность представляется маловероятной (см.: Рабинович). С. Грэхем полагает, что «прямым стимулом для появления анекдотического цикла, по всей вероятности, является шлягер 1972 г. „Самолет — ничего, а олени лучше“ певца Кола Бельды» (Грэхем, 34). Эта гипотеза также вызывает серьезные сомнения, хотя бы потому, что в тексте упомянутой Грэхемом «Песни оленевода» нет никаких указаний на этническую принадлежность ее лирического героя.

А. С. Архипова, развивая соображения Э. Дрейцера (Дрейцер, 114) и С. Грэхема (Грэхем, 34), объясняет связь Ч. с анекдотом через семантику фонетики самого этнонима. Многочисленные примеры подтверждают существующую в русском языке корреляцию между начальным фонетическим комплексом *чу-* и пейоративным оттенком слова (*чувырла*, *чумичка*, *чукан*, *чучело* и др.), причем в

числе инвектив, начинающихся на *чу-*, имеются и пейоративные псевдоэтнонимы (*чурек*, *чурка*, *чухна*, *чучмек* и др.) (см.: Архипова, 77–86). Действительно, этноним Ч. явно воспринимается носителем русского языка как комический, и принятый Архиповой анализ отчасти объясняет, почему так происходит. Однако главная причина, предположительно, не в фонетике, а в морфологии этого слова. Морфологические особенности делают его уникальным и, по всей вероятности, обусловили репутацию Ч. как фольклорного простака.

Грамматически слово Ч. представляет собой существительное общего рода, причем это единственный этноним такого типа, за исключением слова «инка» (возможно, если бы цивилизация инков была чуть более актуальна для русской культуры, в ней бытовали бы анекдоты, начинающиеся со слов: «Встречаются два инки, и один другому говорит...» или «Приезжает инка в Лиму, заходит в магазин и спрашивает...»; но основная масса носителей русского языка, скорее всего, вообще не подозревает о существовании формы ед. ч. от «инки»). В большинстве своем слова этого типа обладают яркой экспрессивной окраской; так, в пособиях по практической стилистике указывается на их «разговорный» характер и настоятельно не рекомендуется употреблять их в письменной речи. Эта особенность слов общего рода отмечалась неоднократно. Резюмируя наблюдения К. С. Аксакова над этими словами, В. В. Виноградов писал: «Они являются собственно не названиями лиц, а их характеристиками, их прозвищами» (Виноградов, 73), причем эти «прозвища» чаще всего обозначают негативные качества и имеют отчетливо выраженный пейоративный оттенок — *зануда*, *придича*, *высочка*, *зазнайка*, *зубрила*, а также особенно важные в данном аспекте *простофиля* и *деревенщина*. Слова безоценочные (*убийца*, *левша*, *сирота*) или обладающие положительными коннотациями (*умница*, *работяга*, *бедняга*) явно не столь многочисленны. Повышенную экспрессивность слов общего рода связывают с их грамматической близостью к классу слов женского рода: «Яркая экспрессивная окраска, свойственная почти

всем словам общего рода, подчеркивается несоответствием их строения и значения. Вся эта сложная гамма смысловых оттенков воздвигается на основе класса слов женского рода. Применение слов женского рода к мужчинам и порождает своеобразную экспрессивную окраску этих слов. В этом явлении пережиточно отражается социальное положение женщины, отношение к женскому полу» (Виноградов, 79). Не случайно анекдотический Ч. зачастую оказывается пассивным, безвольным и лишенным качеств, традиционно воспринимающихся как маскулинные (*Белый человека придет, водка пить будет, чукче морда бить будет, жене в чум поведет — экспедиция называется*).

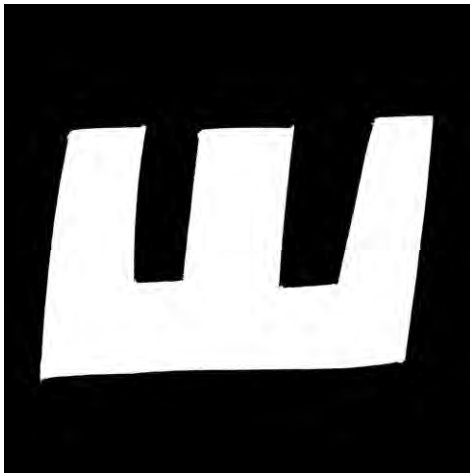
Таким образом, Ч. — этноним, который по своим грамматическим свойствам примыкает к разряду слов, обладающих преимущественно негативными коннотациями и обозначающих человека по его негативным свойствам. Поэтому Ч. — это не этнос, а «диагноз», нелестная характеристика. Ничего удивительного, что гордый и воинственный народ, которому не повезло с наименованием на языке соседа, занял в фольклоре этого соседа долгое время пустовавшую нишу анекдотического глупца.

Лит.: Архипова А. С. Что общего между чукчей и чебурашкой: Этюд по фоль-

лористической ономастике // От... и до...: Юбилейный альманах в честь Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова. СПб., 2006; Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947; Грэхем С. Цикл анекдотов о чукчах: откуда, однако? // Живая старина. 2007. № 4; Нефедкин А. К. Военное дело чукчей. Середина XVII — начало XX в. СПб., 2003; Рабинович Е. Г. Об одном из предположительных источников «чукотской серии» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989; Шабалина О. В., Николаев О. Р. [Комментарии к разделу: «Владимир Владимирович Чарнолуцкий (1894–1969). Хроника экспедиций в рисунках»] // Художники — участники экспедиций на Крайний Север. Из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Кольского научного центра РАН. СПб., 2008; Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit, 1998.

Е. В. К.

Ч

ШИРОКАЯ, ПРИВОЛЬНАЯ / РАЗДОЛЬНАЯ. Один из устойчивых образов русского национального ландшафта, являющийся культурологическим мифом, а не реальным явлением природы, которое имеет право непосредственно репрезентировать культуру. Параллельно с ним существует образ России, который может быть обозначен как *топи да болота* (см.: Болото).

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Родина» (1841) писал: *Но я люблю, за что, не знаю сам — // Ее степей холодное молчанье, // Ее лесов безбрежных колыханье, // Разливы рек, подобные морям.* Такая мощь и ширь ландшафта характерна для русской национальной идентичности. В народных и квазинародных текстах пространственная широта связана с пьяным разгулом, безответственностью и неорганизованностью. Ср. такие песенные символы, как «камаринский мужик» (см.: Строганова, 58–66) и «Ехал на ярмарку ухарь-купец». В текстах же высокой, официальной культуры эта географическая разухабистость чистится, приглаживается и становится основой формирования того эпико-олического пространственного образа России, который встречается уже в одах М. В. Ломоносова и который неизбежно провоцирует весьма выразительные пародии: *Одним, мол, локтем на Кавказ, // Отжи-*

нув ногу на Урал, // Одним глазком глядит на нас, // Другой, подбитый, прячет глаз (М. В. С.)

Первым отчетливую формулировку категории Ш. П. в применении к степи дал А. В. Кольцов, который выстраивал образ русского простора не со стороны, а как будто бы из самоощущения носителя народной культуры, поэтому его стихотворение «Косарь» (1836) написано от лица деревенского парня: *Степь раздольная // Далеко вокруг, // Широко лежит, // Ковылой-травой // Расстилается!.. // Ах ты, степь моя, // Степь привольная, // Широко ты, степь, // Пораскинулась, // К морю Черному // Понадвинулась! <...> Раззудись, плечо! // Размахнись, рука! // Ты пажни в лицо, // Ветер с полудня! // Освежи, взволнуй // Степь просторную!* Другой поэт этого направления, С. Д. Дрожжин, возможно, вполне сознательно шел за Кольцовым: *Кругом поля раздольные, // Широкие поля, // Где Волга многоводная — // Там родина моя* («Родина», 1871).

В культурной памяти населения современной России образ Ш. П. бытует в том виде, каким он сложился в советской массовой песне 1930–1960-х гг. Первым и, может быть, самым удачным опытом была «Песня о Родине», написанная В. И. Лебедевым-Кумачом и И. О. Дунаевским для фильма Г. В. Александрова «Цирк» (1936): *Широка страна моя родная, // Много в ней лесов, полей и рек. // Я другой такой страны не знаю, // Где так вольно дышит человек! // От Москвы до самых до окраин, // С южных гор до северных морей // Человек проходит как хозяин // Необъятной Родины своей. // Всюду жизнь привольно и широко, // Точно Волга полная, течет. // Молодым — везде у нас дорога, // Старикам — везде у нас почет.* Характерно, что хотя в авторском тексте — «и вольно и широко», однако в абсолютном большинстве исполнений по памяти и сетевых публикаций происходит регулярная замена на «привольно и широко».

В постсоветской российской культуре эта песня стала объектом многочисленных пародий. Ср., напр., такой перепев: *Широка страна моя родная, // Велика Россия наша мать! // Я другой такой*

страны не знаю, // Где так вольно мож-
но воровать. // <...> Наш народ обулся
и обвелеся, // На хрена нам детские сады.
// Мы «баблосы» вкладываем в «Челси»,
// И своим вложением горды! // Всюду
жизнь привольна и шикарна. // И везде,
куда ни бросишь взгляд, — // В Курша-
веле или в Монте-Карло — // Наши вил-
лы русские стоят (Широка страна). Ср.
также след. случай пародийного исполь-
зования: *Здесь каждый день от радости
поют, // Что с севера на юг и дальше до
востока // Раскинулась привольна, ши-
рока // Русь горькая моя от водки и по-
рока, // Русь мокрая от слез Ивана-ду-
рака* (М. Чикин, «Новая старая сказка»,
2006). Автор не выдерживает стихотвор-
ный размер оригинала, не всегда соблю-
дает перекрестную рифмовку, но форму-
лу *привольна, широка* он повторяет в обя-
зательном порядке, поскольку эта фор-
мула — опознавательный знак перепева-
емого текста. Другое стихотворение, хотя
и не является перепевом текста Лебеде-
ва-Кумача, но тоже воспроизводит кли-
ше Ш. П. как свойство русского нацио-
нального характера: *А Пушкин? Он для
нас писал, // Хотя был родом полукров-
ка. // Стихи вершил он очень ловко. //
Он русский знал и знал французский, //
И он не мыслил слишком узко. // Широ-
к, приволен его стих, // Я перед ним и сам
притих. <...> Польется стих рекой ши-
рокой, // Красивой, плавной и глубокой*
(Н. Корешков, «Шутка», 2007).

Через десять лет после «Песни о ро-
дине» Дунаевский написал песню, в ко-
торой одические интонации сменились
интонациями интимно-доверительными.
Эта смена произошла под влиянием боль-
шой войны, которая так изменила созна-
ние населения советской России, что да-
же новые политические репрессии 1946 г.
не смогли вернуть авторов к мышлению,
свойственному второй половине 1930-х гг.
Стихи «Дорожной песни» (1947) напи-
сал С. А. Васильев: *Любимая, знакомая,
// Широкая, зеленая, // Земля родная
— родина! // Привольное житие! // Эх,
сколько мною езжено, // Эх, сколько
мною видено. // Эх, сколько мною прой-
дено! // И все вокруг — мое!* (Русские
народные, 630–631). В этом тексте, хоть
и несколько завуалированно, повторяется

формула Ш. П., и в целом произведение
построено по той же антропоцентричной
модели «все вокруг колхозное, все вокруг
мое», что и «Песня о Родине». Но челове-
ка в этой картине Родины нет: «То фаб-
рика кирпичная — // Высокая труба, //
То хата побеленная, // То в поле молоть-
ба», — а кто работает на фабрике и моло-
тит в поле — неизвестно и не важно. В
этом отношении характерна ошибка: зер-
новые в поле не молотят, и выражение «то
в поле молотьба» — это метонимия сель-
скохозяйственных работ. Песня, вовсе не
предназначенная для массового исполне-
ния, уже через 8 лет после создания во-
шла в сборники народных песен: это была
сознательная пропаганда российской
шири и мощи. Ср. песню, которая завер-
шается воспеванием родины В. И. Лени-
на (Ульяновска / Симбирска) в качестве
одной из красот России: *Широка и при-
вольна ты, родная страна, // Как свет-
ла твоих рек, твоих озер глубина, // Как
обширны поля и обширна земля, // Сколь-
ко сил таит она.*

В новых текстах 2000-х гг. восстано-
вляется риторика советского времени. Они
не просто лишены иронии, но нравучи-
тельно и однообразно перпевают старые
штампы. Стихотворение Е. Серовой «Род-
ные края» из журнала перешло в школь-
ную программу: *Широкие, привольные,
родимые края... // Березка белостволь-
ная, любимица моя, // Стоит, как свеч-
ка, белая, // Глядит она вокруг: // Ей
рожь кивает спелая, // Ей кланяется
луг. // Кругом так славно, солнечно, //
Куда ни поглядишь, // Над озером ти-
хонечко // Колышется камыш. // Плы-
вут протокой узкою // Утятя чередой.
// Люби природу русскую, // Храни, чи-
татель мой!* («Костер», 2001, № 8). Эко-
логический урок предназначен для препо-
давания городским детям, которые едва
ли видели, как плавают какой-то чередой
утята какой-то непонятной «протокой»,
как клонится до земли спелая рожь и как
выглядит одинокая береза на окраине по-
ля. Характерно, что человека в этой кар-
тине нет, зато открывается текст не чем-
нибудь, а клише Ш. П.

Формула Ш. П. может быть метоними-
чески перенесена с целого (Родина) на
часть (регион, город и т.п.) и, в пределе,

метафорически — на личность (см.: МЕТАФОРА). Так, рекламный текст о бестселлере А. Иванова «Вечный зов» на сайте Интернет-магазина «Купи книгу.ру» начинается так: *Широки и привольны сибирские просторы, под стать им души людей, да и характеры их крепки и безудержны. Уж если они любят, то страстно и глубоко, если ненавидят, то до последнего вздоха.* Но и в Российских Европиях (см.: АЗИОПА) есть где разгуляться русскому человеку: *Широко и привольно раскинулся Новгород на берегах быстрого Волхова, южной своей окраиной вышел к бурному Ильмену — славному озеру, воспетому в былинах и сказаниях* (Зайцев, Кушнир, 3). В повести Н. Копсовой «Русская жена» (2002) эта формула как будто пародирует примитивность художественного мышления автора: *Мне было вовсе не жаль покидать город Рисор — эту, как сказано в туристически справочниках, «жемчужину юга Норвегии». Совсем, совсем нет. У моей московской — широкой, привольной и разудалой души сделалась прямо-таки аллергия на холодность и бесчувственность южно-норвежской провинциальности.*

Эти тексты идеологически ангажированы, и их особенности можно было бы объяснять советским или современным государственным характером контекста. Однако известны, напр., и собственно народные песни, в которых воспеваются *чистое раздольице*, где тешатся русские богатыри. Уместно вспомнить и известное рассуждение Н. В. Гоголя о «той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи» («Мертвые души», 1842). Несмотря на все различия социально-политических систем, при которых были сложены былины, создана поэма Гоголя и написаны советские и постсоветские произведения, все эти тексты репрезентируют пространственный образ России, где отсутствует человек. Этот образ сложился в русле государственной идеологии, безразлично относившейся к частному человеку и выдвигавшей на первый план интересы государства.

Формула Ш. П. фразеологически устойчиво связана с образом *степи*. В народной поэзии образ *широкой и просторной степи* появляется сравнительно поздно. В былинах *широкое раздольице* не связано со степью. Образ этот появляется в необрядовой народной казачьей песне, которой не более двух сотен лет: *Ой, ты, степь широкая, // Степь раздольная, // Ой, ты, Дон мой батюшка, // Волны катятся* (зап. от М. Синициной, 58 л., в 2000 г. в д. Соркопенино Конаковского р-на Тверской обл.). Эта же образность использована в еще более молодой авторской песне С. Волобуева «Степь», в которой крайне яркое выражение получила социально-национальная проблематика: *Ой, ты степь широкая, степь раздольная, // Ой, ты да доля русская, доля трудная* (Волобуев).

В литературе XVIII в. образ широкой и просторной степи еще не существовал, но за первую треть следующего столетия стал общим местом. В упомянутом выше стихотворении А. В. Кольцова «Косарь» эпитеты используются как привычные характеристики *степи*, при этом образ в целом получает статус национального ландшафта. В XIX в. пространства современных южного Казахстана и Узбекистана не имели специального ландшафтного обозначения в русском языке и назывались степью, что закрепилось в официальной (см.: Даль, 112–134) и народной культуре — ср. историческую песню уральских казаков *В степи широкой под Иканом...* (Песни уральских казаков, 96–97). Первый перевод романа Ф. Купера «Прерия» на русский язык назывался «Американские степи» (1829), а еще раньше это заглавие переводили с использованием слова, обозначающего скорее не южнорусскую, а средне- и севернорусскую природную реалию, — «Луг» (Вестник Европы, 1827, № 7, 235). Американские степи воспринимались как пространство инокультурное, инациональное и отдельное (по романам Купера о Натти Бамбо Россия познавала Америку), это и вызвало к жизни иное словесное обозначение — «прерия». Центральные азиатские степи воспринимались как пространство не отдельное, а пограничное, подлежащее освоению (завоеванию и ру-

сификации), поэтому для него не нужна была новая номенклатура.

Позднее единый природно-социальный комплекс *широты, приволья / раздолья* степи начинает распадаться. В «Весне в степи» (1849) И. С. Никитина дана природная трактовка степи — она оживает под влиянием прихода весны: *Степь широкая, // Степь безлюдная, // Отчего ты так // Смотришь пасмурно?* — а в другом его стихотворении образ истолкован социально: *На старом кургане, в широкой степи // Прикованный сокол сидит на цепи. // Сидит он уж тысячу лет, // Все нет ему воли, все нет! // И грудь он когтями с досады терзает, // И каплями кровь из груди вытекает. // Летят в синеве облака, // А степь широка, широка* («Хозяин», 1861). Социальная трактовка ландшафта степи дана в поэме М. П. Розенгейма «Повесть про купецкого сына Акима Скворцова и про боярскую дочь» (1864): *Далеко, далеко // Степь за Волгу ушла, // В той степи широко, // Буйно воля жила*. Розенгейм выдумывает: «Степь за Волгу ушла», но степь, которая лежит по левому берегу Волги, была недоступна казакам и принадлежала кочевникам киргиз-кайсакам; «Стенька Разин гулял» по Волге, а не по степям. Но главное Розенгейм не сочиняет: *степь привольна и широка*.

Ф. П. Савинов восстановил природно-социальное единство и развил образ до крайних пределов: *Вижу чудное приволье, // Вижу нивы и поля... // Это — русское раздолье, // Это — русская земля!.. <...> Уж гулять, так без оглядки, // Чтоб ходил весь белый свет... // Это — русские порядки, // Это — дедовский завет!.. // Вижу дубы вековые, // А вон там сосновый бор... // Это — признаки родные, // Это — родины простор!.. // Вижу горы-исполины, // Вижу реки и леса... // Это — русские картины, // Это — русская краса... // Всюду вижу трепет жизни, // Где ни брошу только взор... // Это — матушки-отчизны // Нескончаемый простор!..* («На родной почве», 1885). В этом стихотворении есть и *приволье, и раздолье, и простор* — весь джентльменский набор любителя разгуляться; есть и обязательные *нивы и поля*, хотя самой степи нет.

Все перипетии образа Ш. П. степи в фольклоре и литературе выродились в советское время в песни народных хоров и подобные им тексты, ср.: *У нас на Кубани степные просторы, // Разливы лиманов и рек. // У нас на Кубани и пашни и горы // Нам стали родными навек. Ой, да! — или: Ой, ты, степь широкая моя, // Степь да степь раздольные края* (Песни народного казачьего хора). Такие тексты самодеятельных поэтов не создают новых картин жизни, но только воспроизводят стереотипы. «Ура-патриотическая» идеология поддерживает эту тенденцию призовыми местами на поэтических конкурсах: напр., за свое стихотворение «Россиюшка», в котором присутствуют строки: *Ой, Россиюшка, воля-вольная, // Степь широкая, песнь раздольная!* — М. Штундюк получила второе место в тематическом конкурсе «Есенинская Русь — 2», организованном фондом «Великий странник — молодым» в 2006 г. (Штундюк).

Эти штампы вызывают пародии, подобные след. стихотворению Т. Мирошниковой: *Я — дитя степи широкой. // В мегаполисе мне тесно, // Душно, страшно, одиноко // И, увы, неинтересно* («Я — дитя степи широкой...», 2008).

В применении к водным пространствам клише Ш. П. теряет потенции национальной характеристики: все озера и моря и многие реки (не только русские) широки и привольны. Ср., напр., фрагменты из нескольких современных текстов информационного и рекламного характера: из статьи «По Амуру на талгу»: *Амур-батюшка... Нет, не случайно, конечно, к названию этой водной артерии добавлена такая приставка. Мощь реки изумляет и ошеломляет, Я бывал на Лене, Енисее. Видел Волгу, в том числе в низовье, где она широко, привольно разливается по равнине и предстает перед взором человека поистине Волгой-матушкой* (Российская охотничья газета, 2005, 2 нояб.); начало статьи «На границе давно воюют. На Пяндже ждут наплыва беженцев из Афганистана»: *Река Пяндж то кипит бурунами на порогах, то разливается широко и привольно...* («Труд», 2001, 25 сент.); подпись к фотографии, живописующей красоты Восточного побережья США: *Широко и привольно несет*

свои воды Галэй (Воронов); статья «„Достлук“ — щедрый источник благополучия и дружбы» в Интернет-газете: *Широко и привольно раскинулось на десяти километрах по ущелью, проложенному рекой Теджен, рукотворное море «Достлук», построенное на границе двух дружественных государств — Туркменистана и Исламской Республики Иран* («Оазис», 2007, 25 авг.)

Лит.: Волобуев С. Степь // АстраБард: [web-сайт] <<http://astrabard.astrakhan.net/songlyric.php?sid=12>>; Воронов Ю. Южный Галэй. 12–13 октября 2002 г. [web-ресурс] <<http://vole.ru/Gauley/021012/photo/mpa120808.html>>; Даль В. И. О карте Зауральских степей, изданной в Берлине // Даль В. И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург, 2002; Зайцев И. А., Кушнир И. И. Улицы Новгорода: Справочник. Л., 1980; Песни народного казачьего хора Тихорецкого района «Колос»: [web-сайт] <<http://kub.hl.ru/pesni.html>>; Песни уральских казаков. Екатеринбург, 1998; Русские народные песни. М., 1957; Строганова Е. Н. Камаринская как символ национальной идентичности // Образ России в историко-литературном пространстве XIX—XXI вв.: Мат-лы межд. науч. конф. Курск, 2007. Ч. 1. С. 58–66; [Б. а.] Широка страна моя родная (28.12.2006) // Тульские РЯники бета: [web-сайт] <<http://pryaniki.org/folk-in.htm?id=244>>; Штундюк М. Россиюшка (2006) // Стихи.ру: [web-сайт] <<http://www.stihi.ru/2006/04/15-1776>>.

М. В. С.

ШКОЛЬНЫЙ СКЕЛЕТ. Модель скелета человека, изготовленная из естественного костного материала или искусственная (гипс, папье-маше, пластик), выполненная в натуральную величину или немного уменьшенная (но не менее 150 см.), хранящаяся в кабинете биологии или его подсобных помещениях и употребляемая в курсе анатомии или естествознания в качестве наглядного или учебного пособия.

Изготовление и изучение связанного скелета человека (или модели скелета из искусственных материалов) имеет весьма

давнюю историю и восходит к профессиональным медицинским традициям (в т.ч. в Древнем Египте, Японии и др.). В европейской образовательной традиции скелет неотрывно следовал за распространением преподавания естествознания и анатомии, проникновение же скелета в школу в качестве учебного пособия произошло, по всей видимости, при активном содействии сторонников наглядности в школьном преподавании (Ян Коменский, Песталоцци, Дьюи и др.).

История распространения скелета в российских школах. В российских школах скелет человека как наглядное пособие распространялся с начала XX в., когда в отечественном образовании возник устойчивый интерес к наглядным пособиям, подкрепленный развитием соответствующего рынка. В силу значительной укорененности скелета в авторитетных западных образовательных традициях, Ш. С. как наглядное пособие практически не обсуждается российскими педагогами в методическом отношении: необходимость скелета в школе расценивается как данность.

В истории снабжения школ России (СССР) скелетами можно выделить несколько периодов.

1900–1914. Основными поставщиками учебных пособий, включая Ш. С., были германские производители (см. напр., ежегодные каталоги учебных пособий, поставляемых фирмой «Гроссман и Кнебель» с 1902 по 1912 г.). Производство учебных пособий на территории России в этот период только зарождается (земские мастерские Вятской, Курской и др. губерний, мастерская при СПб подвижном музее, мастерские товарищества «Природа и школа»), упоминание Ш. С. отечественного производства удается обнаружить в каталоге С.-Петербургского подвижного музея учебных пособий 1911 г.

1914–1934. Этот период можно назвать «темным двадцатилетием школьных скелетов». С началом Первой мировой войны поставки учебных пособий из Германии прекращаются, а собственное российское производство к этому моменту все еще слишком мало развито, чтобы обеспечить сколь-нибудь значительную часть школ скелетами, многие мастерские за-

крываются в силу экономических и политических обстоятельств. В послереволюционные годы скелеты сохранились только в тех относительно немногих школах, в которых они были до революции, это городские школы, преимущественно в крупных городах. И без того скудное финансирование закупок пособий иссякает совсем, что отражается, напр., в списке рекомендованных Наркомпросом учебных пособий на 1928 г., где отсутствуют дорогие пособия, в частности, в разделе анатомии не значится Ш. С.

1934-по наст. вр. Происходит постепенное возрождение, развитие и расцвет отрасли производства учебных пособий и, в т.ч., Ш. С. Все предприятия, производившие учебные пособия, в 1933 г. были переданы в Наркомпрос, к этому периоду относится основание фабрик учебных пособий в Москве (ныне ОАО «Природоведение и школа») и Ленинграде (ныне ОАО «Медиус»), где производились и продолжают производиться Ш. С. В постсоветский период на рынке появляются также импортные модели Ш. С. (Германия, Индия, Китай).

Уже в начале этого периода Ш. С. снова воспринимается как безусловно необходимое школе пособие: «Ассортимент пособий в школах-новостройках совершенно недостаточен, например, в школе № 14 Выборгского района нет даже скелета человека...» (1937). В конце этого периода (2006) власти предприняли масштабный проект по оборудованию новыми учебными пособиями школ всех регионов РФ, причем Ш. С. оказался включен в эту поставку.

Скелет всегда оставался при этом достаточно дорогим пособием, которое могла себе позволить далеко не каждая школа. Любопытно проследить за колебаниями цен на Ш. С. В один и тот же период цена на Ш. С. могла существенно различаться как в зависимости от производителя (импортные Ш. С. всегда значительно дороже отечественных), так и от технологии производства (в начале XX в. распространены Ш. С. из гипса и папье-маше, во II пол. XX в. их постепенно сменяют пластиковые Ш. С.). Как минимум до 1947 г. конкуренцию искусственным скелетам составляют скелеты из естественных че-

ловеческих костей. Ниже в таблице приведены цены (в рублях) по некоторым из каталогов учебных пособий за XX в.:

Год	естеств. Ш. С.	искусств. Ш. С.
1902	—	60
1905	60–105	84
1911	45	65–100
1912	75	90
1936	142–157	—
1940	—	564
1947	660	800
2009	—	10822

В целом на протяжении I-й пол. XIX в. естественные Ш. С. оказываются дешевле искусственных (т.к. недостаточно развиты технологии производства, и каждый Ш. С. — плод кропотливого ручного труда), а со 2-й пол. XX в. естественные скелеты исчезают из школьных каталогов учебных пособий.

Ш. С. никогда не был в каждой школе в силу дороговизны пособия и его сильной «изнашиваемости» (см. ниже). Однако исключительно редким пособием его тоже нельзя назвать. С расширением школьного образования в XX в., и затем с введением обязательного среднего образования, Ш. С. стал предметом, знакомым значительной части школьников. *Ш. С. в школьной традиции.* В повседневной и ритуальной практике школьного сообщества Ш. С. имеет свой особый статус, манифестируемый в устойчивых формах манипуляций с ним и в некоторых сюжетах о нем.

Официальное назначение Ш. С. — служить учебным пособием в курсе естествознания (1920-е, 4 класс) или анатомии (начиная с 1930-х, 8 (9) класс). Политика учителя по хранению и демонстрации скелета может при этом варьироваться от «никогда не доставать» до постоянного пребывания Ш. С. в кабинете биологии. Традиционными местами хранения Ш. С. являются лаборантская (чулан, каморка и под.), шкаф в кабинете биологии или угол кабинета биологии (у окна).

Значение Ш. С. в повседневности школьников различно в зависимости от возраста. Для младших школьников доступ даже к простому визуальному контакту сильно ограничен (в силу принадлежности Ш. С. программе старшей

школы, кабинетной системы и пр.), однако благодаря общешкольной традиции младшие школьники обычно знают о присутствии Ш.С. Отношение младших школьников к Ш.С. характеризуется двумя основными эмоциями: *интерес* и *страх*.

В воспоминаниях об этом периоде обучения фигурируют: знание о скелете, ожидание встречи с ним (часто выяснение, когда Ш.С. проходят по программе), попытки получить доступ к скелету, чтобы посмотреть на него и изучить его устройство (часто — дежурство в кабинете биологии). Респонденты обычно отрицают страх перед Ш.С. в младшей школе, однако ряд косвенных свидетельств показывает, что предполагать эту эмоцию вполне обоснованно (напр., воспоминания о сверхъестественном опыте третьеклассников, связанном с образом Ш.С. и местом его хранения в школе).

К периоду обучения в старшей и средней школе относятся в основном воспоминания, в которых Ш.С. фигурирует как объект *освоения* школьниками. Одной из основных форм «социализации» Ш.С. в сообществе школьников является наделение Ш.С. именем. Имена Ш.С. всегда даются в уменьшительной форме, нарочито фамильярные. С внутренней формой: *Костя/Костян/Костик* < кости; *Юрик* < *Йорик < *бедный Йорик; имена «простаков»: *Вася, Федя*, иногда с фамилией *Вася Волков*; единичные: Кеша, Цыпа < Сципион.

Второй формой освоения оказываются всевозможные манипуляции школьников со Ш.С.: вставлять сигарету в зубы; кормить (нижняя челюсть Ш.С. обычно смонтирована на пружине и подвижна); одевать (шапку, очки, школьную форму, набедренную повязку и др.); придавать позу (сажать, скрещивать руки и ноги, менять их местами и др.); подписывать (табличка на груди, бейдж, надписи на черепе и др.); анимировать (заставлять двигаться). Конкретные формы манипулирования со Ш.С. входят в зону сознательного варьирования в школьной традиции, поэтому не представляется возможным привести исчерпывающий список. Ряд предметов, которые могут быть

использованы для подобных манипуляций, широк, но так или иначе всегда определяется школьным бытом соответствующего периода, региона, типа школы. Характер манипуляций позволяет выявить знаковые зоны Ш.С.: череп (темя); челюсти; конечности (особенно кисти рук); таз.

Особое место среди названных форм манипуляции со Ш.С. занимает вставление папироски/сигареты в зубы Ш.С. — этот пример приводится настолько часто и устойчиво, что его можно считать экзemplификативной (см. ЭКЗЕМПЛИФИКАТИВ) манипуляцией со скелетом. Вопрос о причинах такой популярности именно этой формы остается открытым в школьной скелетологии, среди возможных причин: влияние советской антитабачной пропаганды (в т.ч. в виде учебных пособий «легкие курильщика» и визуального ряда советских плакатов), влияние неизвестного прототекста, особая социализационная функция курения или все названные причины вместе взятые.

Описанные манипуляции со Ш.С. укладываются в жанр *школьной проделки* (данное жанровое определение пока применяется только в рамках школьной скелетологии), т.к. они: 1) совершаются в нарушение дисциплины (вопреки запретам учителей); 2) ориентированы на реакцию школьного сообщества (учителей/товарищей). В качестве объекта школьной проделки Ш.С. оказывается в одном ряду с подобным школьным инвентарем: наглядными пособиями кабинета биологии (чучелами, муляжами органов и пр.); манекенами (кабинет труда); бюстами; портретами, лозунгами, стенгазетами.

Ш.С. участвует также в ряде ритуализованных ситуаций, в той или иной мере санкционированных педагогами и администрацией. Одной из таких ситуаций является *фотографирование со Ш.С.* у старших школьников, иногда включенное в цикл выпускных ритуалов. Наиболее раннее фото со Ш.С., которым располагает школьная скелетология на сегодняшний день, относится к 1940 г. Множество современных снимков, опубликованных в интернете, подтверждает сохранность и прочность данной традиции. Ритуал фо-

тографирования со Ш. С. не предполагает манипуляций, аналогичных рассмотренным школьным проделкам, знаковая чистота и целостность скелета не нарушается. Ритуальный смысл фотографирования (в обнимку) со Ш. С. характеризуется следующими чертами: 1) оно ориентировано на аудиторию (часто публикуется в интернете); 2) маркирует специфическую школьную идентичность (Ш. С. — предмет исключительно школьный, в быту не встречается); 3) имеет инициационный оттенок (фотографируются со Ш. С. *все, по очереди*).

Инициационная семантика, придаваемая в школьной традиции публичной демонстрацией физического контакта со Ш. С. (носителем скрытого страха младших школьников) перед сообществом, косвенно подтверждается также свидетельствами о том, что старшие школьники могли подтаскивать младших к Ш. С. *чтоб те вдоволь повизжали* (ср. ритуальную функцию подтаскивания девушек к святочному ряженому). В этом смысле они выступают в роли носителей нового статуса (причастных к Ш. С.), участвующих в инициации неофитов.

Обряды перехода (последний звонок) и «школьный карнавал» (день самоуправления) санкционируют манипуляции со скелетом в глазах педагогов и администрации, его перемещение вне зоны нормального размещения (коридоры, актовый зал), включение в публичную часть ритуалов. Ш. С. здесь эксплуатируется как общешкольный символический ресурс.

Сюжетное поле, окружающее Ш. С., помимо рассказов и воспоминаний о *школьных проделках* со скелетом, включает два основных типа. 1) Ш. С. за пределами школы как «пугающий предмет» (в автомашине, на даче у учителя-пенсионера для «охраны» картошки и пр.). В профессиональном медицинском фольклоре существует сюжетный тип, построенный по аналогичной модели: актуализация ужасной природы скелета (частей трупа) происходит при его перемещении за пределы профессионального пространства (ср. известный сюжет о вареной голове на коммунальной кухне). 2) Завещание скелета: учитель биологии (дирек-

тор) завещает свой скелет школе. Прагматика сюжетов данного типа включает снижение символического статуса учителя за счет отождествления его со Ш. С., так или иначе «социализованным» (см. выше) в ученическом сообществе.

Целый ряд известных школьной скелетологии примеров показывает, что описанные в данном разделе традиционные практики и фольклорные сюжеты отнюдь не ограничиваются рамками российской школы, но в типологически весьма сходных формах известны по меньшей мере в европейских и американских школах на протяжении XX в. Однако этот вопрос требует отдельного изучения.

Модели интерпретации Ш. С. в рамках школьной традиции имеют источником два культурных поля: 1) Традиционная культура, детская мифология, массовая культура, где скелет выступает как *демонологический персонаж*. 2) Медицинская и школьная традиции, для которых скелет — *учебное пособие*. Соответственно, манипуляции школьного сообщества со Ш. С. направлены на две основные цели: *страшное сделать нестрашным* или *нестрашное — страшным*.

Ш. С. в эталонных сравнениях. Общеизвестность Ш. С. позволяет использовать его как клише в речевой практике. Ниже приведена характерная подборка из употреблений в современных текстах, обнаруженных в Интернете по запросу «школьный скелет», в которых Ш. С. выступает в качестве основания для сравнения. Подобные конструкции встречаются почти исключительно в текстах публицистического характера. Признаки, на основании которых нечто сравнивают со Ш. С., позволяют выявить существенные семантические компоненты бытового представления о Ш. С.

1) Искусственный, неопасный: *...то ли школьный скелет из пластмассы, в общем, нечто не страшное; Не пластмассовый муляж, какой бывает в кабинете биологии, а вполне настоящий, покрытый какой-то мерзкой слизью*. Скучный, неинтересный: *невинно, как сочленение тазобедренных костей школьного скелета; Церковно-славянский стал представляться языком мертвым, чем-то вроде школьного скелета в кабинете анато-*

мии. В пресуппозиции подобных употреблений школьная скелетология явственно видит демонологическую, опасную природу скелета, снятую его помещением в школьный контекст в функции учебного пособия (см. вывод предыдущего раздела). Кроме того, приведенные примеры показывают, что «школьный скелет» употребляется как целостное клише, т.к. эпитет «школьный» во всех процитированных случаях является семантически избыточным.

2) Сравнение человека со Ш.С. Явно видный скелет (худоба): *Последний месяц у нее хрустят кости, как у школьного скелета; Больше всего похожа на скелет в школьном кабинете биологии; да это же будет скелет — пособие для школьного кабинета анатомии.* Личностные качества, эмоциональные состояния (бесчеловечность, отсутствие эмоций): *а я пустая, как школьный скелет; вме-*

сто совести — сердце школьного скелета. В этой группе примеров Ш.С. выступает не как носитель специфически школьной семантики, а в качестве прототипического образа человеческого скелета, т.к. для носителя российской школьной традиции естественно ожидать, что Ш.С. будет единственным «воплощенным» образом скелета, с которым читатели непосредственно сталкивались.

К. А. М.

ШУБА. См.: ТУМБА.

Щ. Жилой микрорайон в Академгородке г. Новосибирска. Начал застраиваться с 1957–1958 гг. Наряду с микрорайоном Д, Щ входит в Северную Зону, изначально предназначавшуюся для расселения строителей, а впоследствии — для рабочих и служащих коммунально-складской зоны (см.: Баландин). Варианты названия: *Ща* (по названию буквы, ср. ниже об омонимии с наречием), *Щака* (ср. обозначение местных подростков *щакотские*), *Щи* (в выражениях типа *жить в Щах, поехать в Щи*).

Название Щ вызывало и продолжает вызывать множество толкований, его оригинальность и загадочность усугубляется наличием других микрорайонов с литерными названиями, далеко не доходящими по алфавитному порядку до буквы Щ: А, Б, В и Д. По наиболее распространенной версии, свое название микрорайон получил благодаря тому, что застройка его началась с одноэтажных щитовых домов с печным отоплением (снесены в 1980-е гг.), и на схемах микрорайон обозначали соответствующей буквой. Другие объяснения происхождения топонима Щ таковы: 1) сверху микрорайон напоминал букву Щ; 2) буква является порядковым номером микрорайона или рабочим обозначением зоны строительства; 3) Академгородок начинал строиться именно с этого микрорайона, но, поскольку первые пять букв были уже размечены, строите-

ли, не зная, сколько еще планируется построить микрорайонов, назвали свой микрорайон Щ; 4) Щ — изначально шуточное название, впоследствии закрепившееся в качестве официального.

Продуктивная модель пародийных топонимических преданий в городском фольклоре Новосибирска связывает название микрорайона с наречием *ща!* — простореч. и ирон. 'сейчас': *Мне рассказывали странную историю о таксистах. Им говорили, мол, довезите туда-то по такому-то адресу. А они отвечали: «Ща!» (Izida); И говорят рабочим: «Постройте тут спальный район для ученых». А они отвечают: «Ща построим!»; [Главный архитектор — мэру Новосибирска В. Толоконскому:] «Товарищ Толоконский, как новый район называть будем?» А он, не отрываясь от экрана: «Ща, подожди... Ща!» Так и записали (Puzzle). Другие шутки обыгрывают графический облик соответствующей буквы: У микрорайона «Щ» украла палочку. Теперь он называется микрорайон «Ц» («Вечерний Новосибирск». 2007, 9 июн.); микрорайон так называли, потому что у тех, кто обозначал его на карте, *трафарета римской тройки не было* (k10m).*

На месте теперешнего микрорайона Щ находилась таежная зона, с 1950-х по 1963 г. — Юнгородок (поселок строителей Академгородка), до 1981 г. — с. Чербусы. В территорию микрорайона вошло также кладбище с. Чербусы, благодаря чему сохраняется устойчивое представление о том, что Щ или некоторые его постройки возведены на кладбище, ср.: [Выпускница гимназии № 6 А. Чехович:] *Когда мы перешли в старшие классы, нам начали травить байки про кладбище. Их основы шли от учителя английского, ведь на Хэллоуин надо было чем-то пугать. Говорили, что кладбище никуда не увозили и школа так и стоит на могилах и ночью по коридорам ходят мертвецы. Она нам рассказывала, как однажды задержалась в школе допоздна, стояла у окна, которое выходило на недостроенный бассейн и кусты, и видела кресты. Сегодня среди школьников об этом никто не знает, это было актуально лет пять-семь назад; [Преподаватель школы № 63 Н. Степанова:] *Когда приходили в**

школу ее строители, мы задавали вопрос бригадиру Глушкову Владимиру Ивановичу: «Знаете, у нас учителя часто жалуются на головную боль и считают, что происходит это из-за того, что здесь кладбище». Но все строители уверяли, что школа построена не на кладбище, а рядом. Когда рыли котлован, не нашли ни одного черепа (Унгур); Щака (микрорайон Ща в Академе) — на кладбище стоит... ничо... живут (natalya_kiriche).

Помимо сюжетов вокруг застроенного кладбища, мрачно-таинственную репутацию Щ создают и другие городские предания, связанные с реальными или вымышленными объектами ландшафта: Впечатляет недостроенный бассейн между 6 гимназией и 163 школой, который пугает вечерами и ночами детей и взрослых своим мрачным видом и темными окнами, а еще говорят, что там разборки местных гопников проходят (moksi); а еще одна из легенд моего детства гласила, что из ВЗ [Верхняя Зона Академгородка] в Щ можно добраться под землей — залезть в подвал, найти дырку в «теплотрассе» и так по трубам до туда и дотелепать (li_bao). Существует также представление о том, что Щ (как и Академгородок, микрорайоны Д и Шлюзы) строили заключенные.

Другая устойчивая позиция в восприятии Щ жителями города — образ отдаленного места, района на отшибе. Распространенная в речевом обиходе горожан шутка-клише обыгрывает географическую удаленность Щ от центра города через положение соответствующей буквы ближе к концу алфавита: по рассказам новосибирцев, когда выясняется, что кто-то живет в этом микрорайоне или переезжает туда, обязательно произносится цитата из Маяковского: *Мы его куда-нибудь на Ща*.

В социальном аспекте Щ осмыслиется городским локальным текстом как «рабоче-крестьянский» район, или же как пограничная зона, ср.: *Микрорайон Щ — это особый мир, точнее «лес между мирами»: между настоящим Академом и районом, густонаселенными гопниками (loshkareva)*. Щ устойчиво противопоставляется т. н. Верхней Зоне Академгородка, ср.: *Многие жители ВЗ считают*

себя выше, чем жители Щ и остального Нска :-) За что их в ответ ласково называют академовскими снобами :-) (moksi); Почему культурные, утонченные жители «научного центра Новосибирска» выносят мусор к тротуарам улиц и разбивают урны <...>, в то время как в «социально-проблемном» Левобережье и в «рабоче-крестьянском» микрорайоне «Щ» те же урны стоят как новенькие, причем без украшений в виде пакетов с бытовым мусором? (mfrid); Щ (ща) — микрорайон в Академгородке Новосибирска. Слева от проспекта Строителей, справа — Верхняя Зона, где институты, университет и ученые — так планировалось, так было, но... темнота, как говорится, tantum. Раньше «верхние» кривили губу, что в Ща живут «гопники», прошло с того лет десять (Крамер).

В 1980-е гг. в подростково-молодежной среде Щ имел славу «гопнического» микрорайона, населенного щаковскими гопниками; по некоторым данным, это реноме сохраняется у Щ до сих пор: *Гопников, которые до сих пор являются изрядной частью фауны микрорайона Щ, в клубе не оказалось (Иткин); Перцкие [бердские] гопнички утверждают, что в Перцке [Бердск] нет гопничков, гэсовские гопнички утверждают, что на ГЭСе [район Обь-ГЭС] нет гопничков, щаковские гопнички утверждают, что в Ща почти нет гопничков и только шлюзовские гопнички орут, что на Шлюзе [район Шлюз] их много и они — сила! (jeasy)*.

Жители Щ противостоят иронически-негативному образу родного микрорайона в общегородском культурном сознании, позиционируя его прежде всего как удобный для проживания, благоустроенный, хорошо озелененный район города: «Щ» — район, где проживала обслуга Академгородка, в Верхней зоне жили Ученые. Сейчас уже все смеялось и жить в Щ ничуть не хуже. В Верхней зоне практически не строят новых домов, поэтому все новые квартиры в Щ (usa_nsk). В школе № 163, расположенной в Щ, ведется поисково-краеведческая работа, по результатам которой учащиеся пишут тематические исследования — ср., напр., реферат учеников А. Красни-

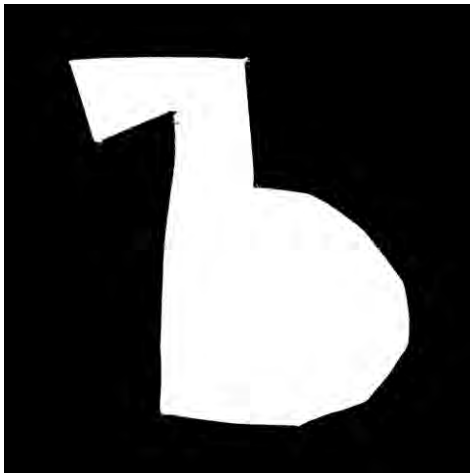
кова и А. Рудакова *История микрорайона «Щ» (на страницах газеты «Академстроевец» и в воспоминаниях старожилов)*. Локальный патриотизм жителей Щ выразился в следующих строках гимна: *«Щ» — это не просто буква в алфавите, // Это наш родной микрорайон. // Приезжайте к нам и посмотрите, // Как красиво и уютно в нем!*

Лит.: Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. // Новосибирский справочник: [web-сайт] <<http://arx.novosibdom.ru/node/355>>; Иткин В. Бодрячок для офисных пацанчиков // НГС: [web-сайт] <<http://relax.ngs.ru/news/more/41702/>>; Крамер А. Мой алфавит: Ж, Щ, В, Х // Проект МУЗА: дневники: [web-сайт] <http://alexkrm.narod.ru/papers/Diary/12_04_06.htm>; Унгур Е. NB: Чербусы на Арбузова // Новости Академгородка: Academ.info: [web-сайт] <<http://academ.info/?pid=news&id=9520>>; izida [Запись из дневника izida «вопрос к новосибирцам» от 14.03.2007] // Livejournal: [web-сайт] <http://users.livejournal.com/izida_/186257.html>; jeasy [Комментарий к теме «Гопы-где Больше?»] // Форум сети HomeNet: [web-сайт] <<http://forum.hnet.ru/index.php?act=Print&client=printer&f=33&t=74478>>; k10m [Комментарий к фотографии platon 007 «Пока! детка» от 19.12.2007] // Фотосайт.py: [web-сайт] <<http://www.photosight.ru/photos/1933716/>>; li_bao [Комментарий к «Новосибирцам!!!» из дневника malinxi]

// Livejournal: [web-сайт] <<http://malinxi.livejournal.com/217444.html>>; loshkareva [Запись из дневника loshkareva «Лес между мирами» от 20.08.2007] // Livejournal: [web-сайт] <<http://loshkareva.livejournal.com/30832.html>>; mfrid [Запись из дневника mfrid «Рабоче-крестьянское, или Из местной прессы» от 4.10.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://mfrid.livejournal.com/135685.html>>; moksi [Комментарий к «Новосибирцам!!!» из дневника malinxi] // Livejournal: [web-сайт] <<http://malinxi.livejournal.com/217444.html>>; natalya_kiriche [Комментарий к «заброшенная Детская Клиническая Больница в Ховрино, Москва» из дневника t_link от 25.09.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://t-link.livejournal.com/66698.html>>; Puzzle [Комментарий к теме: «почему микрорайон Щ..., так называется?» от 30.06.2006] // Форум Академгородка: разговоры обо всем: [web-сайт] <<http://forum.academ.org/index.php?showtopic=121946>>; usa_nsk [Комментарий к «Новосибирцам!!!» из дневника malinxi] // Livejournal: [web-сайт] <<http://malinxi.livejournal.com/217444.html>>.

М. В. А., М. Л. Л.

Ъ / Ъ. Ситуативный гибрид букв старого русского алфавита «ер» и «ять», распространившийся в некоторых российских графических практиках на рубеже XX — XXI вв.

В Петербурге, в районе Пискаревского проспекта, в начале 2000-х гг. зафиксирована вывеска: *СапожникЪ*. Вместо буквы «ер» (Ъ), которая по правилам старой орфографии писалась на конце слова после согласного, здесь появился ять. Человек, знающий правду о яте, должен произносить надпись как «сапожнике» — как бы в звательном падеже (в этом случае был бы уместен и восклицательный знак). Незнающий, естественно, начинает думать, что на конце слов в дореволюционное время и ставилась такая буква.

Случай отнюдь не уникальный. В 2007 г. в Петербурге на Сенной площади работал магазинчик с вывеской *ОбувЪ*, под таким же названием (по-видимому, это сеть обувных магазинов) в настоящее время функционирует магазин на проспекте Металлистов. Эта ситуация объясняется еще сложнее. Или автор вывески произносил слово, не смягчая последнюю букву — «обув», или он решил, что мягких знаков раньше не было, а все слова оканчивались ятями. Впрочем, ситуация не ограничивается обувной сферой. В Санкт-Петербургском Музее водки на входном билете написано: *Входной билетЪ*.

Все эти изыски (вернее — казусы) связаны с модой на старинный русский стиль в современной массовой культуре (СМИ, рекламе, названиях фирм). Общеизвестный пример — газета «Коммерсантъ», сделавшая Ъ своим логотипом. Десятилетие назад известный московский дизайнер Артемий Лебедев отмечал: «Дизайнеры, стилизуя текст под начало века, стараются взять шрифты а-ля рюс и после каждой конечной согласной в слове поставить твердый знак. В основном такое творчество является примером очень плохого вкуса и безграмотности. <...> Подавляющее большинство путает ять и ер» (Лебедев). Автор статьи «Ять» в «Википедии» пишет: «Яти, еры и тому подобные черты прежнего правописания нередко воскресают в фирменных названиях коммерческих предприятий и в рекламе, но часто неграмотно (в частности, нередким в таких текстах является замена ятя на ер и наоборот, например, *хлебЪ* вместо правильного *хлѣбъ*)». Тенденция отмечена верно, но важно уточнить: создатель вывески *ХлебЪ* (которую, действительно, можно встретить) не подозревал о том, что в корне слова писался ять, а, соответственно, не «передвигал» его по соседству, как может показаться из примера. Встречаются ошибочные замены Ъ на Ъ в тех словах, где последнего никогда не бывало, регулярно употребление Ъ вместо Ъ, но случаи обратной путаницы — замены Ъ на Ъ — едва ли возможны.

Любая ошибка имеет культурный смысл и вполне объективные причины, лежащие в сфере массовых языковых представлений. Старое название нынешнего твердого знака — «ер» — известно мало кому. Слово «ять» знакомо всем, оно вошло в речевой обиход и даже когда-то породило устойчивое сочетание — «на ять», что значит некую высшую степень совершенства. Вполне возможно первоначальным было клише «выучить на ять», возникшее в среде русских школяров, изможденных от кошмара заучивания длинного списка слов с ятями. Старшему поколению клише «на ять» понятно, сохранилось оно и в диалектах. Например, «починить сапоги на ять». Опять проявляется таинственная связь с сапож-

никами, но дело не только в них: напр., в частушках из Псковской области характеристика «на ять» относится к сфере любовных отношений: *Давай, дролечка, гулять, // Ни ты, ни я не изменять. // Мы обеи молодые, // Будет парочка на ять; Изменил меня миленок, // На измену наплевать. // На измену есть подмена: // Глазки карие на ять.*

Конечно, эти случаи можно отнести к провинциальной экзотике или архаике, но мнение о том, что «раньше писали с ятями» явно имеет устойчивый массовый характер. А вот выражения: «Раньше писали с ерами», — пока слышать не приходилось. Распространено мнение, что «тайна ера окончательно утрачена» («Час пик», 2002, 26 мая). Поэтому «ъ» в конце слова многие современные россияне и считают ятем, полагая, что он так и называется. Конечно, любой человек, кто хоть раз читал или просто видел старинную книгу, знает, что в конце многих слов пишутся еры, то есть по-нашему — «твердые знаки», а не яти (за исключением небольшого количества случаев). А вот дизайнер, который не видел дореволюционных текстов, но знает при этом, что «раньше писали с ятями», находит изображение буквы «ять» в Интернете и на выходе и получается *СапожникЪ*.

Стоит заметить, что гибрид ера с ятем в современных стилизованных под старину надписях обусловлен не только лингвистическим невежеством. «Ять», несомненно, изысканнее, красивее и экзотичнее хорошо знакомого твердого знака. Щегольская (в очевидном ретро-стиле) буква, конечно, выигрывает в орнаментальности: «Я до сих пор люблю эту букву, такая красивая... Представляете, как она украсила бы полосы вашей газеты, с коромысцем» («Час пик», 2002, 25 мар. Интервью с проф. В. В. Колесовым).

Не исключено, что в глубинах русского языкового сознания сохранилось представление о том, что «на ять» — это очень хорошо. Наверное, сказывается и культурная репутация ятя и ера. У ятя она благородна и аристократична. Несмотря на то что еще В. К. Тредиаковский (кста-

ти, обладавший явно «плебейской» репутацией) ратовал за упразднение ятя, тот жил, как представитель обедневшего, но древнего княжеского рода — полуопально, но красиво — вплоть до Октябрьской революции и реформы 1918 г. Ссылка при этом периодически грозила ятю. Сохранилось предание, что Николай I обдумывал, не стоит ли упразднить эту букву, но был остановлен замечанием Н. И. Греча на вопрос о назначении ятя: «Это знак отличия грамотных от неграмотных».

В горниле революционных лет ять пал смертью храбрых, но при этом стал чуть ли не символом белой интеллигенции и долго сохранялся в русских эмигрантских изданиях. В кругах сторонников возрождения старой орфографии в конце XX — начале XXI вв. ять именовался «самой русской буквой» и даже «белой лебедью» русской азбуки. В постперестроечную эпоху обсуждался проект, в котором Ъ фигурировал как один из вариантов знака рубля. Ер, обладающий явно неблагозвучным именем и опытом паразитической и практически бесполезной жизни на концах слов в дореволюционное время, естественно, проигрывает ятю в культурной репутации. Этого плебея старой орфографии, в отличие от аристократического ятя, даже бескомпромиссные большевики не репрессировали до конца.

Лит.: Лебедев А. Ководство. § 23. Немного о дореволюционной орфографии. 26 января 1999 // Студия Артемия Лебедева: [web-сайт] <<http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/23/>>; Байбурин А. К. Ъ (материалы к культурной истории «твердого знака») // Левон Абрамян — человек праздник: [web-сайт] <<http://www.levonabrahamian.am/cntnt/stati/bajburin.html>>

О. Р. Н.

Ы. Фонема (област.). Характеризуется следующими признаками: верхнего подъема, переднего ряда, неогубленная. Непередний ряд Ы — понятие условное и заслуживает обычно отдельного комментария: говорят также о среднем, смешанном (ср.: «русское *ы* как гласный смешанного ряда характеризуется высоким подъемом языка и некоторой его оттянутостью назад» (Буланин, 44)) или центральном ряде или о неоднородности по этому признаку (в начале артикуляции — передняя, в конце — передняя) (Бондарко, 25).

В ленинградском (санкт-петербургском) лингвистическом диалекте Ы, как правило, сочетается со словом «фонема» (т.е. здесь Ы имеет именно такой статус), в московском — со словами «звук» и «аллофон» (поскольку здесь Ы является позиционным вариантом фонемы И). Функциональная активность фонемы Ы минимальна — она встречается только примерно в 2 тыс. корневых морфем, что почти в 8 раз меньше, чем фонема А. Правда, значительно выше частотность употребления Ы в аффиксальных морфемах (Бондарко, 29).

Общеизвестно, что фонологический статус Ы — самый твердый из камней преткновения в дискуссии фонологических школ двух столиц. Нельзя сказать, что этот камень лежит на ровном месте: степень фонетического расхождения зву-

ков [ы] и [и] достаточно велика для того, чтобы носители языка не могли уловить тождество этих звуковых единиц.

Аргументы в пользу точек зрения каждой из двух сторон приобрели не только широкую известность, но и активно обсуждаются в различных кругах, порой достаточно далеких от лингвистических. Можно утверждать, что фонемный статус Ы имеет важное значение не только для русистики, и что «проблема Ы» постепенно покидает лоно лингвистики («Спор о фонемной природе [ы] надо считать законченным; продолжение его научными целями не оправдывается» (Панов, 213)), становясь общекультурным достоянием: умение порассуждать о фонематичности/нефонематичности Ы в том или ином ключе является признаком хорошего тона и свидетельствует о должном культурном уровне рассуждающего.

Примечательно, что Л. В. Щерба, которого принято считать автором концепции о том, что Ы — самостоятельная фонема, приводит именно те аргументы, которыми впоследствии будут активно пользоваться оппоненты его фонологической теории. В качестве признаков несамостоятельности Ы («в значительной мере самостоятельной фонемы, находящейся в интимных отношениях с И, которого оно является как бы оттенком» (Щерба, 50)) родоначальник ЛФШ (и фонемы Ы, в частности) указывал следующие: 1) Ы не употребляется в качестве отдельного слова; 2) не стоит в начале слова; 3) возможно только после твердых согласных, где оно заменяет И (*играть*) — (*сыграть*); 4) употребляется в твердом варианте склонения параллельно с И в мягком варианте (*вады*) — (*зимлы*).

Впоследствии характерные признаки Ы, перечисленные Щербой, взяли на вооружение представители МФШ и с успехом использовали это оружие против своих оппонентов, т.е. ЛФШ. Последним же ничего не осталось делать, как опровергать эти аргументы. Так, появилось утверждение о том, что Ы может употребляться в начале слова: кроме ласкающих слух удивительных топонимов (*Ый-сон*, *Ындиин*, *Ыныжчанский*, *Ыльгю*) в качестве примеров приводят обычно глагол *ыкать* (противопоставленный *икать*), а

также способность Ы выступать в качестве звуковой оболочки самостоятельных слов — см. название буквы «ы» и специальное слово, изобретенное *чтоб никто не догадался*, в названии популярного кинофильма «Операция Ы». Представители МФШ с легкостью опровергли эти аргументы, развив учение о ядре и периферии лексического состава русского языка. Согласно этой теории, фонологическая система языка может быть построена только с опорой на лексику ядра современного русского языка, а лексика периферии (к которой и были отнесены все примеры, приводимые сторонниками ЛФШ) образует особую подсистему. Таким образом, экзотические топонимы и терминологическую лексику (типа *ыкать*; содержание этого термина не вполне ясно) нельзя считать доказательством фонемного статуса Ы. Название же вышеупомянутого фильма сторонники МФШ используют в качестве аргумента своей концепции (Ы является аллофоном И), приводя следующую цитату из фильма: «Операция Ы! — Почему И?!». Москвичам никак не удается опровергнуть только название буквы «ы»: об этом аргументе или умалчивают, или названия букв также относят к терминологической лексике («названия букв имеют свою изолированную фонетику, как все термины» (Панов, 213)), что вряд ли правомерно, ибо с этой терминологической системой знакомы все носители русского языка, получившие хотя бы начальное образование.

Можно утверждать, что различие между двумя фонологическими школами состоит в том, какой критерий фонемного отождествления является решающим: для МФШ таковым является формальный критерий, т. е. дополнительное распределение звуков и их чередование внутри одной фонемы, для ЛФШ же более важно, ощущаются ли звуки как одна и та же произносительная единица, т. е. фонетико-интуитивный критерий (Кодзасов, Кривнова 364).

В настоящее время «проблема Ы» является не столько предметом ожесточенной научной дискуссии, сколько поводом для многочисленных шуток в лингвистической и окололингвистической среде. Здесь по популярности эту проблему

можно сопоставить разве что с бесконечной (но тем не менее весьма привлекательной) дискуссией о «булке» vs «белом хлебе» («поребрике» vs «бордюре», «парадной» vs «подъезде» и т.д.).

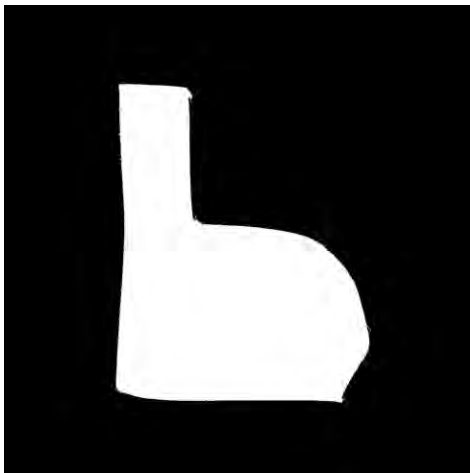
Особого внимания заслуживают ставшие уже культовыми тексты, посвященные Ы, созданные в рамках каждой из двух противостоящих школ. Один из них, который по праву можно считать гимном петербургской школы, принадлежит перу Н. А. Гуськова и отражает всю значимость для представителей ЛФШ полемики об Ы: *Хоть в интимной связи состоит // Она с некой фонемой иной, // Но готовы всю кровь мы пролить // За нее в поединке с Москвой. // Выполняя уЩЕРБный завет // Академика, милого нам, // Мы нести аванесовский бред // Не позволим грядущим векам*. Ср. также фольклорное: *Копите денежки, придурки, // Иль не сносить вам головы, // На возводимый в Петербурге // Мемориал фонемы Ы!* Другой культовый текст, написанный с позиций противоположного лагеря (Левин, 6–9), представляет собой в какой-то степени уступку ЛФШ: здесь вводится в научный оборот и всесторонне изучается экспериментальными методами (столь милыми представителям ЛФШ) новая минимальная пара, противопоставляющая фонемы Ы и И, — ЫК и ИК. Правда, автор, будучи все-таки верен своей родной школе и установив противопоставление Ы и И в составе указанной минимальной пары, не делает вывода о фонематической самостоятельности Ы, но приходит к несколько парадоксальному заключению — «In vino veritas». Впрочем, это заключение можно считать универсальным, более того — полностью снимающим противоречия фонологических концепций двух столиц.

Лит.: Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998; Буландин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970; Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960; Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001; Левин В. Д. Искандер Ислахи: Еще один фонетический парадокс // Лингвисты шутят / сост. А. К. Киклевич. М., 2006;

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967;
Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном освещении. СПб., 1912.

А. И. Р.

Б, мягкий знак. 30-я буква современного русского алфавита, во многих отношениях особенная. Б есть также в большинстве кириллических графических систем славянских языков. В словах русского языка используется для обозначения мягкости предшествующего согласного и как показатель наличия звука [j] перед гласными. От остальных букв Б отличает целый комплекс особых свойств, определивших набор связанных с ним стереотипов и образ этой буквы в культуре в целом.

Б, наряду с Т (твердым знаком), не только никогда не стоит в начале слова, но и, что особенно важно, не имеет определенного фонетического соответствия. При этом, указывая на мягкость согласного, Б на письме реализует смыслоразличительную функцию этого фонетического признака, позволяя в графической форме отличать слова, звучание которых разнится только по мягкости/твердости одного из согласных (напр., мат [мат] — мать [мат'], манка [ман'ка] — Манька [ман'ка] и под.). Примерно такой же эффект возникает в тех более редких случаях, когда Б обозначает «невидимый» [j]: «немая» буква делает из одного слова другое (напр., «Форд» [форт] — фьорд [ф'орт]). В связи с таким своеобразным поведением за Б закрепилась репутация необычной, странной, буквы — ср. название пособия по русско-

му языку *Этот странный мягкий знак* (Сергеева) или начальные строки детского стихотворения: *Мягкий знак — хитрый знак, // Не назвать его никак. // Он не произносится, // Но в слово часто просится.* (Мягкий знак). На определенную «нелогичность» Б указывает и известный анекдот об уроке русского языка в грузинской школе, построенный на эффекте остранения: *Дэти! В словах «вилка», «тарелка» мягкий знак нэ пишется! В словах «сол», «фасол», «вермишель» он пишется! Понять это невозможно, это нужно запомнить!!*

Своеобразное двуличие Б, не являющегося полноценной буквой, но находящейся в тесной взаимосвязи с другими, по видимому может объяснить мощный параспсихологический потенциал Б, реализующийся в различных теориях имяна-речения (см. также ИМЯНАРЕЧЕНИЕ СОВЕТСКОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ). Так, с точки зрения «Звуковой теории» (хотя объяснение значения беззвучной буквы с позиций этой теории представляется абсурдным) *даже в самый уравновешенный характер мягкий знак вселяет элемент неуверенности*, а по мнению П. Глобы, наличие Б в именах (напр., таких как Игорь, Ольга) *к сожалению, дает смешение добра и зла, часто указывает на манихейство, неустойчивость, неразборчивость, всеядность. Эта буква препятствует выбору, хотя ставит перед его необходимостью. Если человек не выбрал, то попадает в зависимость от темной силы* (Характеристика).

Кажущийся функциональный парадокс Б — отсутствие «собственного» звука и решающая роль в различении целых слов — как правило обыгрывается в дидактических текстах, конвертируясь в сюжетный тип (и соответствующий ему нравственный урок), представленный гнездом родственных мотивов: «лишний оказывается необходимым» (ср. «Голубой щенок»), «немогущий становится сильнейшим» (ср. «Илья Муромец и калики перехожие»), «урод оборачивается красавцем» (ср. «Гадкий утенок») и т. д. Напр., в сценарии обучающей интерактивной сценки для дошкольников *Незаменимый мягкий знак* рассказывается о букве, похожей на половину В, с кото-

рой никто не дружил. Буквам не нравилось, что она не обозначает звука. «Что ты за буква?» — возмущались они. <...> Она не обозначала никакого звука, не умела говорить, молчала, и никто с ней не дружил, не разговаривал — жилось ей плохо, очень одиноко. Однако когда буквы решили составить слово «гвоздь», им пришлось вспомнить о Б, обратиться к нему и признать его незаменимость: «Иди к нам, Мягкий Знак», — позвали буквы. Он с радостью согласился помочь буквам и быстро встал в конец. <...> Развеселились буквы, всем захотелось пригласить в гости Б. Вот, оказывается, какой он незаменимый, Мягкий Знак (Сказка про мягкий знак). Аналогичным образом, в цитированном выше стихотворении утверждается могучая разрушительная и преобразующая сила Б, которая может вырваться наружу и натворить непоправимых бед, если употреблять его где не надо («помянуть все»): Почему у дома угол, // Превратился сразу в уголь, // Без пожара, просто так? // Это буква мягкий знак! — или, наоборот не употреблять где надо (не оказывать почтения): Будем мы всегда, где надо, // Мягкий знак вставлять в слова, // Чтобы хорь не стала б хором, // Коля — Колей никогда. // Мягкий знак, мягкий знак- // Без него нельзя никак! <...> Банька в банку превратится. // Вот что может получиться, // Если будем забывать // Мягкий знак в словах писать (Мягкий знак).

Другой важный признак Б, отличающий его от других букв, — наличие полного названия, «полного имени», представляющего собой грамматически связанное словосочетание, которое может быть осмыслено и помимо своей терминологической роли обозначения графемы. Это последнее обстоятельство (также роднящее Б с Ъ и отличающее от Й, название которого — очевидный лингвистический термин) в сочетании с заученным с детства определением *используется для обозначения мягкости* обусловило возможность и направление вторичной, нелингвистической семиотизации данной буквы. Б переосмысливается в качестве знака *мягкости* — не как фонетической,

но как физической, эмоциональной, социальной, психологической и т.д. характеристики. Наиболее универсально этот переход отразился в топонимическом предании о названии города Кемь: Петр I, желая сослать провинившихся бояр подальше на Север, сокращенно писал «Кем» (= «к е[.]ной матери»); когда же впоследствии Екатерину II попросили *смягчить* приговор, она поставила в конце этой аббревиатуры Б.

Поскольку Б используется как показатель признака мягкости у того денотата, к которому он отсылает, бренды «Мягкий знак», нередко с логотипом Б, обычно присваиваются тем продуктам потребления, для которых мягкость должна быть одним из определяющих свойств. К таковым относится, в первых, мягкая мебель (о чем свидетельствует само наименование товара), в частности выпускаемая московской мебельной фабрикой «Мягкий знак» (подробнее см. mznak.ru), во-вторых — туалетная бумага, в особенности производства ОАО «Сясьский ЦБК», которая не случайно носит название «Мягкий знак»: помимо особой мягкости как сугубо функционального свойства, она к тому же «прекрасно растворяется в воде, не засоряя водопровод» и вероятно потому «является наиболее ходовым товаром среди всего богатого ассортимента бумажной продукции производства Сясьского целлюлозно-бумажного комбината» (Туалетная бумага). Показательно, что в обоих случаях предлагаемый продукт призван непосредственно соприкасаться с той частью человеческого тела, которую принято эвфемистически именовать *мягким местом* (хотя на самом деле мягких мест у человека несколько — напр., живот, щеки, грудь у женщин и т.д.); нельзя также не обратить внимание и на наличие мягких согласных в названии реки Сясь, на которой стоит производитель туалетной бумаги «Мягкий знак».

Благодаря разработанности и сложности системных связей в русской лексике, прилагательное *мягкий* образует антонимические пары не только со словом «твердый», но и со многими другими словами, и отношения противо-/сопоставленности переносятся на соответствующие свой-

ства. Это позволяет использовать Ь в менее предсказуемых контекстах: так, в рекламе водки обыгрывается парадоксальное сочетание *мягкости*, присваиваемой Ь напитку, и его *крепости*, причем эта нестрогая оппозиция постоянно стремится обернуться оксюмороном, отраженным как в лаконичном рекламном слогане *Мягкий знак крепкой водки*, так и в более развернутых текстах: *Да, наша водка «Мягкий Знак» крепка, как и положено ей быть, но мягка, за что любима всеми ценителями и знатоками исконно русского напитка! Оцените и влюбитесь в мягкий вкус крепкой настоящей водки от «Питейного Дома» с вековой историей!* (Водка).

Следует обратить внимание на типичность используемой грамматической конструкции «Ь / знак мягкости + Gen. Sing.», вероятно восходящей к советскому понятию *знак качества*, воспринимаемому как гарант каких-либо достоинств продукта. Напр., по сходному принципу построено название женской парфюмерной воды фирмы Фаберлик «ЗНАК (Ь) НЕЖНОСТИ — Мягкий Знак». Авторы этого аромата (несомненно, разработанного специально для России, или, в крайнем случае, еще нескольких стран Восточной Европы) очевидно исходили из переносного значения слова «мягкий», включая его в ассоциативный ряд *мягкий — нежный — женственный* и описав как «чувственную, женственную и гармоничную мелодию» (ср. предлагаемый тем же производителем «парный мужской аромат» «ЗНАК (Ь) ВОЛИ»). Симптоматичной в этом аспекте выглядит допущенная на сайте фирмы орфографическая ошибка именно в слове *женщина*: оно написано с Ь перед Щ (Эксклюзивные ароматы).

Вообще нельзя исключать, что правило постановки Ь после шипящих в конце слов женского рода отчасти влияет на восприятие Ь как феминного начала, а отсутствия этого знака — как символического акта омужествления и торжества маскулинности; ср. в песне современной группы «Зимовье зверей»: *Ночи без мягкого знака, // Глухие, мужские ночи...* («Ночи без мягкого знака», альбом «Число людей», 1994) В

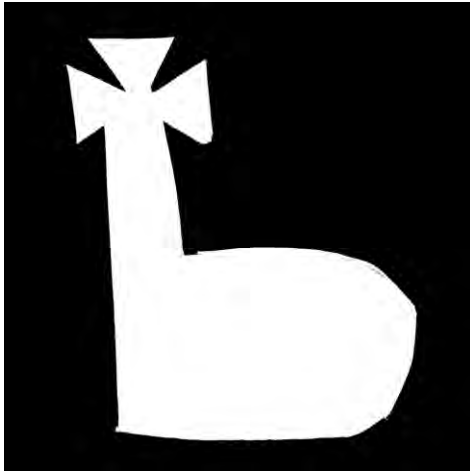
этом контексте наличие или отсутствие Ь рассматривается как возможность символически смягчить «одно — бесконечное, твердое Слово» (Серебряная, «Эл-ю-бэ-о-в-мягкий знак», 2004) или, наоборот, ужесточить некоторые слова и стоящие за ними явления: *Чтобы в этой жизни чего-то достичь, нужно понятия «вечность», «любовь», даже сама «жизнь» — воспринимать и реализовывать без мягкого знака* (Вог Г, эпиграф к стихотворению «Мягкий знак» с посвящением «Нашему поколению», 2007). При этом Ъ (в отличие от минус-приема — отсутствия Ь) почти не рассматривается как символ мужественности и в целом значительно реже используется в наименованиях брендов, особенно в конструкции «Ъ / знак твердости + Gen. Sing.» хотя такие случаи и встречаются (см., напр. фирму по продаже орехов «Твердый знак» или упомянутую выше мужскую туалетную воду). Это предположительно связано с тем, что Ъ в русской орфографии *не используется для обозначения твердости* и выполняет только разделительную функцию, а значит носители русского языка не имеют привычки к употреблению клише *знак твердости* (напр., предшествующего согласного). Кроме того, за Ъ прочно закреплена другая семиотическая функция: в позиции на конце слова — т.е. как раз там, где он действительно может выступать как знак твердости — он служит маркером старой орфографии и, расширительно, дореволюционной бытовой эстетики (см.: Байбурин; а также Ъ / Ь).

Лит.: Байбурин А.К. Ъ (материалы к культурной истории «твердого знака») // Левон Абрамян — человек праздник: [web-сайт] <<http://www.levonabrahamian.am/cntnt/stati/bajburin.html>>; [Водка] Мягкий знак : [реклама] // Питейный дом: водочный завод: [web-сайт] <<http://www.mygkiyznak.biz/2.html>>; Мягкий знак // Русский язык: [web-сайт] <<http://sch2.home.nov.ru/ccs.htm>>; Сказка про мягкий знак // Русский язык: [web-сайт] <<http://sch2.home.nov.ru/ssss.htm>>; Сепреева М.В. Этот странный мягкий знак. М., 2005; Туалетная бумага производства ОАО «Сясьский ЦБК»: [реклама] // БХЛ: [web-сайт] <

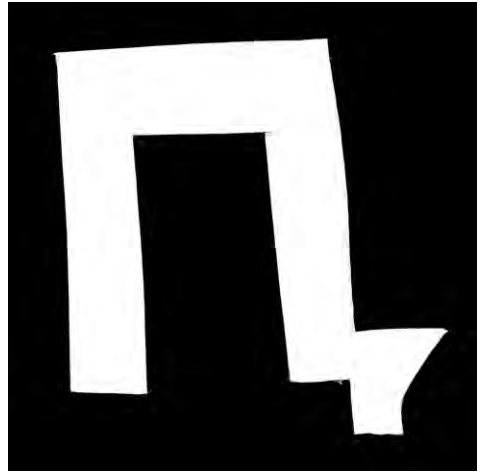
hoztovari.ru/text/magkii_znak>; Характеристика буквы «Б» // NameInfo.Ru: [web-сайт] <<http://nameinfo.ru/names/?c=256>>; Эксклюзивные ароматы: Знак(ь) Нежности — Мягкий Знак парфюмерная вода для женщин: [реклама] // Faberlic: [web-сайт] <http://www.faberlic.ru/Netshop/catalogue/parfume03e03_169.html>

А. Ю. В., М. Л. Л.

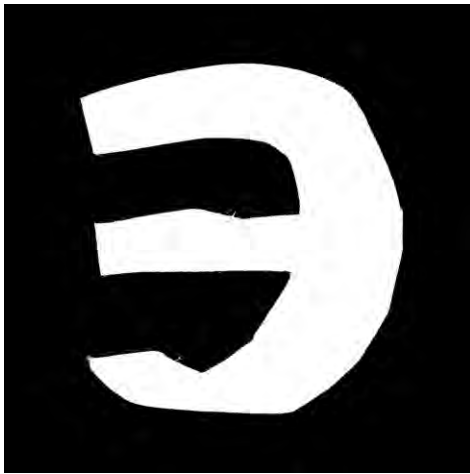

Ъ / Ь. См.: Ъ / Ь.

Ц. См.: Новая буква алфавита.

ЭКСКУРСОВОД УСАДЕБНЫЙ.

Экскурсовод в музее-усадьбе (см.: Музей-Усадьба), частный случай профессии *музейного экскурсовода*. Э. У. отличается от других видов музейных экскурсоводов тем, что обязательно проживает в непосредственной близости от места службы. Кроме того, деятельность Э. У. часто носит сезонный характер. Местные жители традиционно воспринимают Э. У. как *чужих*, хотя последние также обычно вынуждены вести приусадебное хозяйство, стараясь использовать для этого рабочее время. Такое совмещение неизбежно приводит к постепенному слиянию и неразличению служебного и бытового, что на практическом уровне выливается в появление на деревенской улице в туфлях на каблуках или в музее с граблями. Находящиеся в культурной изоляции с одной стороны (как музейные работники), и бытовой — с другой (как деревенские жители), Э. У. приходят к постепенному осознанию права на более близкие отношения со своим героем (*genius loci*), неразрывно связанным с их судьбой. Это осознание приводит к росту взаимной ревности и постоянным конфликтам в их среде, которые усугубляются тем, что помимо профессиональных, их связывают соседские, иногда торговые (продажа сельскохозяйственной продукции) или близкородственные отношения. Многие из Э. У. обречены на экзистенциальное оди-

ночество от рождения (*nomen est omen*), так как среди Э. У. распространены редкие имена, такие как Элеонора, Ренета, Ахилл, Теодор и т.д. Эти имена несомненно свидетельствуют о романтическом конфликте их родителей с реальностью, унаследованном детьми и отчасти определившем выбор профессии.

В научной, ненаучной и художественной литературе среди Э. У. выделяется несколько типов.

Энтузиасты. Обладают феноменальной памятью и наивной верой в то, что все рассказанное будет понято и усвоено. Досконально знают показываемый объект, вплоть до числа деревьев в парке. Их экскурсии, оживленные неподдельным интересом к предмету и подлинным его знанием, длятся часами, и ни один нормальный человек не в состоянии их выдержать. Сами с удовольствием рассказывают легенды о том, как туристы во время экскурсий падают в обморок. Редко помнят, что они уже говорили, но не прощают забывчивости слушателям. Остро чувствуют несовершенство мира, и оттого часто злоупотребляют спиртными напитками.

Сумасшедшие ученые. Большую часть личного и рабочего времени посвящают написанию научного труда. Считают свою работу «непризнанной» и «непонятой», но способной перевернуть все представления о «Влиянии N на взгляды N1 на роль чего-нибудь в чем-нибудь» (где N — место, а N1 — имя собственное). Рассматривают экскурсоводческую деятельность как неприятную, но необходимую помеху деятельности научной, потому что служение науке предполагает элемент жертвенности и страдания. Ведут традиционные и скучные, но недолгие экскурсии, если неудачным вопросом не вывести разговор на тему их тайного исследования. Склонны произвольно интерпретировать в поддержку своих идей не только тексты, но и случайно сказанные слова. Наименее практичны и редко способны оказать помощь по существу.

Равнодушные. Обычно представители местного населения, не желающие заниматься сельскохозяйственным трудом. Ведут честные, но короткие экскурсии, зато могут долго говорить о несоответ-

ствиях каторжного труда Э. У. и маленькой зарплаты. В отличие от первых двух типов, не воспринимают свою работу как высокое служение и стремятся к максимальному сокращению времени присутствия на рабочем месте. В практических вопросах (чай, ночлег, транспорт) следует обращаться именно к этой категории Э. У.

Шарлатаны. Преимущественно сезонные экскурсоводы, использующие возможность отдохнуть на природе, обрести временное жилье и заработать. Наличие или отсутствие образования нерелевантно. Выделяются пренебрежительно-снисходительным отношением к туристам и способностью к беззастенчивой и непрерывной лжи. Никогда не признаются в незнании. Вдохновенное вранье не несет в себе злого умысла, а происходит от презрения к самой профессии и склонности к лицедейству. Экскурсии этой категории Э. У. можно рассматривать как чистое искусство. Также склонны к злоупотреблениям различного рода, но в данном случае происходящим от гедонизма (подробнее об этом см. в повести С. Довлатова «Заповедник»).

Некоторые исключения из предложенной классификации Э. У. не влияют на общую картину, поэтому ими можно пренебречь.

А. Ю. В.

ЭКЗЕМПЛИКАТИВ. 1. Обычно приводимый в пример представитель некоторого класса лиц, предметов или явлений.

Э. возникают в контекстах, удовлетворяющих двум прагматическим условиям: 1) позиция в тексте должна быть заполнена именем представителя некоторого класса; 2) несущественно, какой конкретно представитель класса будет выступать в этой позиции. Наиболее известный класс Э. — употребление условных антропонимов, напр. имен (*Петя, Вася, John*) и фамилий (*Иванов, Пупкин, Smith*). Такие употребления возникают систематически в учебных текстах (напр., в арифметических задачах), лингвистических примерах, образцах заполнения бланков, анек-

дотах и т. п., а также их можно встретить в менее специализированных контекстах (напр., в публицистическое).

Значение Э. следует определять на основании того класса лиц, предметов или явлений, в пример которого употреблен данный Э. Так, имя *Иван* в экзemplификативной функции, означает, вероятнее всего, 'русский мужчина', 'русский крестьянин' а иногда даже 'любой человек'. Э. является одной из разновидностей нереферентного употребления имен.

Там, где прагматически не релевантен выбор конкретного представителя данного класса, Э. конкурирует с другими лингвистическими стратегиями маркирования такой иррелевантности: употреблением родового понятия, неопределенных местоимений и пр. Одним из обстоятельств, способствующих предпочтению Э., является необходимость противопоставить анонимных (и симметричных) персонажей, которые для этого обозначаются условными именами-метками. Характерным примером будут неизменно бьющие друг друга в грамматических примерах и лингвистических анкетах для полевой работы *Иван* и *Петр*, выполняющие роль Э. агенса и пациенса соответственно.

Характерным свойством Э. является традиционность: для наиболее употребительных типов Э., таких как антропонимы, выбор представителя класса на роль Э. в конкретном тексте зачастую не случаен, а обусловлен традицией (речевым употреблением). Таким образом можно говорить о существовании специализированных имен, напр. *Иванов*, которые благодаря традиции употребления в функции Э. приобретают дополнительную коннотацию 'типичный представитель класса X'. Примечательно, что в традиции могут закрепляться даже схемы, включающие несколько позиционно упорядоченных Э., такие как *Иванов—Петров—Сидоров*.

Причины получения тем или иным именем статуса Э., по всей видимости, разнообразны и требуют отдельного рассмотрения в каждом конкретном случае. Условиями, способствующими приобретению именем статуса Э., могут выступать частотность употребления, прототипичность, доступность в дискурсивном про-

странстве (ср. *стол* как экземплификатив имени нарицательного в лингвистической практике), влияние авторитетных (прецедентных) текстов.

Как можно заметить по приведенным выше примерам Э., чаще всего обращают на себя внимание исследователей Э.-антропонимы. П. А. Клубков, изначально предлагая термин Э. именно применительно к антропонимам, осторожен в распространении этого понятия на другие прагматически сходные типы употреблений и делает это с оговорками: «Говорить об этой функции имеет смысл не только по отношению к личным именам. Когда Маяковский пишет: „берут, не моргнув, паспорта датчан и разных прочих шведов“, то *швед* является экземпликативом со значением ‘европеец из небольшой страны’. В этой позиции мог бы быть австриец, португалец, бельгиец, но, разумеется, не немец, англичанин или француз. Топонимы Урюпинск, Чухлома, Чугуев могут употребляться в значении ‘типичный провинциальный русский город’. Однако механизм такого использования слов *швед* и *Урюпинск* принципиально отличается от механизма антропонимических экземпликативов типа Иван и Петр. В одном случае перед нами типичные представители класса некоторых внеязыковых объектов, в другом — типичные имена...» (Клубков, 276–277).

В то же время, последователи П. А. Клубкова склонны трактовать этот термин расширительно (см. Йошкар-

Ола, Новая буква алфавита, Чукча, Школьный скелет), принимая за основной критерий отнесения к Э. именно *традиционность* того или иного примера. В нестрогих научных контекстах, а также в устном употреблении термин Э. стремится к максимально широкому значению, которое можно сформулировать как ‘обычно приводимое в пример’.

К сожалению, термин Э. пока не получил значительного распространения и употребляется в настоящее время почти исключительно друзьями, коллегами и учениками П. А. Клубкова. С другой стороны, для последующих историков языкознания использование термина Э. может послужить надежным критерием отнесения того или иного деятеля к научному кружку П. А. Клубкова.

2. Термин *экземпликатив* является экземпликативом термина, предложенного П. А. Клубковым (см.: Клубков).

Лит.: Клубков П. А. Иванов, Петров, Сидоров... // Чужое имя (Альманах «Канун». Вып 6). СПб., 2001.

К. А. М.

Э

Ю́НЫЕ ЛЭ́НИНКИ. См.: Ю́НЫЕ ЛЭ́НИНЦЫ.

Ю́НЫЕ ЛЭ́НИНЦЫ (ед.ч. — юный ленинец). Перифрастическое наименование членов детской коммунистической организации СССР (сокращение до Ю.Л. было принято еще в 1920-е). Употреблялось наравне с *юные спартаки*, *юные пионеры*, *пионеры*, *большевичата*; ср. в 1925 г.: *ребята, называемые «юными ленинцами» или «пионерами» проделывают разную работу* (Ломакин, 14).

Клише Ю.Л. употреблялось еще при жизни В.И. Ленина, но широко распространилось после смерти вождя 21 янв. 1924 г. Тогда же началось объединение детских коммунистических групп в единую организацию. Экстренный пленум ЦК РКСМ 23 янв. 1924 г. постановил: «Переименовать существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака в „Детские коммунистические группы юных пионеров имени товарища Ленина“» (Всесоюзная, 42). Центральный комитет комсомола приурочил акт присвоения пионерской организации имени В.И. Ленина к моменту созыва первого после его смерти, XIII съезда РКП(б). В первый день работы этого съезда — 23 мая 1924 г. — состоялся пионерский парад. На следующий день газета «Правда» писала: «В день

открытия съезда перед делегатами прошли тысячи юных пионеров, *юных ленинцев*. Только зарождение этого могучего движения видел Ленин. В день открытия съезда готовые к выполнению величайших задач, выпадающих на долю этого поколения, тысячи молодых, четких, звонких голосов ответили партии: „Всегда готовы!“ И мы знаем, что это не только фраза: из этого поколения вместе с комсомолом мы воспитаем великое поколение ленинцев, которые завершат дело пролетарской революции» (Правда, 24 мая 1924).

Пик популярности сочетания Ю.Л. пришелся на первые годы после смерти вождя, потеснив по некоторым признакам даже *юных пионеров*. Это заметно, напр., по смене названия одной из новых серий детской литературы: в 1924–1926 гг. «Библиотека юного ленинца». В предшествующие годы она последовательно именовалась: «Библиотека юного коммунара» (1922), «Библиотека юного Спартака» (1923), «Библиотека юного пионера» (1926). В 1924 г. в Саратове выходила «Библиотека юного пионера-ленинца». В 1970–1980-е гг. под несколько измененным названием печаталась довольно известная малоформатная серия «Библиотека юного ленинца».

На Украине в 1920-е гг. существовало «Всеукраинское общество содействия юному ленинцу», которое поддерживало издания инструктивной литературы для коммунистического детского движения. В этих изданиях Ю.Л. в 1924–1926 гг. вытеснили *юных пионеров*. В украинских редакциях текстов торжественного обещания, которое давали вступающие в пионерскую организацию, предписывалось вместо имени и фамилии произносить *юный ленинец*: *Я, юный ленинец, перед лицом своих товарищей обещаю, что..* (Юные ленинцы, 16). Формулировались также законы и обычаи Ю.Л., напр., *Юный ленинец — товарищ юным ленинцам и рабочим ребятам всего мира* (Юные ленинцы, 17); ср. в руководящем издании, вышедшем в Москве в том же году: *Пионер товарищ пионерам и рабочим ребятам всего мира* (Юный пионер, 55). См. также обычаи Ю.Л.: *Юный ленинец встает, пьет, ест в урочное вре-*

мья и всегда знает, которое сегодня число и какой идет час; Юный ленинец может работать топором, зубилом, молотком, рубанком, он умеет включать и выключать моторы; Юный ленинец не курит и не пьет (вино и табак — яд); Юный ленинец не ругается (ругается или раб, или господин); Юный ленинец не держит руки в карманах, это вредная привычка; У Юного ленинца зоркий взгляд, тонкий слух. Он наблюдает, внимательно слушает, точно записывает (Юные ленинцы, 19). В украинском пособии, вышедшем в 1925 г. в Харькове в издательстве «Червоный шлях», сообщалось: *На Украине ребята еще в траурные январские дни сами присвоили себе название «юных ленинцев», носили с гордостью это название и глубоко обижались, когда кто-либо по старой привычке их называл «юными спартаками»* (Ломакин, 20).

Сочетание Ю. Л. повсеместно использовалось в названиях детской и юношеской периодики, выходившей в разных частях страны: «Юный ленинец» (Новониколаевск (с 1924 Новосибирск) с 1922); «Яшь ленинчы» («Юный ленинец», Казань, с 1924, на татар. яз.); «Юные ленинцы» (1950–1959) в Карелии; Украинская ССР «Юный ленинец» (Киев, с 1938), (Харьков, 1922–1928); Грузинская ССР — «Норчи ленинели» («Юный ленинец», Тбилиси, с 1931, на груз. яз.); Белорусская ССР «Юнгер ленинец» («Юный ленинец», Минск, 1929–1938, на евр. (идиш) яз.); Молдавская ССР — «Тынэрул ленинист» («Юный ленинец», Кишинев, с 1941, на молд. и рус. яз.), Киргизская ССР — «Жаш ленинчи» («Юный ленинец», с 1952, на киргиз. яз.). Ю. Л. присваивалось и антисоветскими молодежными организациями, в ч., так назывались подпольные группы (напр., в Ленинграде и в Москве, в последнем случае Ю. Л. второе наименование «Союза борьбы за дело революции» (1950–1951).

С 1920-х гг. клише Ю. Л. активно употреблялось в речи руководящих пионерских работников и методистов. См. напр., в статье Н. К. Крупской «Юный ленинец, борись с неграмотностью»: *Юный ленинец, ты неправду хочешь быть ленинцем и исполнять ленинские заветы?* (Правда, № 294, 25 дек. 1924). В своей

дальнейшей публицистической деятельности вдова вождя регулярно употребляла выражение Ю. Л., ей же принадлежит редкое словоупотребление *Юные ленинки* — *nomina feminina* от Ю. Л.: *Юные ленинцы — пионеры — не только не могут сами заводить в школах буржуазских нравов, они должны всячески с ними бороться, бороться со школьниками, которые это делают. Юные ленинки-пионерки — тоже должны отучаться от глупых замашек, приналеж на учебу, на общественную работу* (Буржуазские замашки вон из советской школы (Письмо пионерам). Впервые опубликовано в газ. «Пионерская правда» № 25, 8 марта 1932 г. под заглавием «Восьмое марта»). Выражение *Юные ленинки* осталось окказиональным, а позднее приобрело иронический оттенок: *В одну романтическую ночь все юные ленинцы нашего отряда очутились в палате юных ленинок* (Шнайдерман).

В 1924 г. был выпущен плакат В. Изенберга «Юные ленинцы — дети Ильича», манифестировавший сложившуюся к этому году устойчивую речевую практику обозначения родственных связей между советскими детьми (пионерами, октябратами) и вождем В. И. Лениным (подробнее о дяде Володе, отце Ленине, папе Ленине, дедушке Ильиче, дедушке Ленине см. Леонтьева, Лурье, Сенькина).

Начиная с 1920-х гг. и по сей день клише Ю. Л. используется весьма активно: *Юные ленинцы помогают осуществить смычку города с деревней (Разин); Помни пионер: законы и обычаи — это заветы Ильича, исполняй их, будь юным ленинцем (Юные ленинцы, Саратов, 37); Все празднование заканчивается трескучим фейерверком и торжественной пионер-ракетой в честь пионеров — юных ленинцев — стальных цветов революции (Юные ленинцы, Саратов, 34); Ты клятву великую прими, наша Родина, // От пионеров Советской страны! // Юные ленинцы, юные ленинцы // Знамени партии свято верны! (Ц. Солодарь, «Пионерская клятва»); Годы идут, но всегда молода // Заветная ленинцев юных мечта: // Для счастья народа дерзатъ и творить, // Всю жизнь свою пламенным ленинцем быть!* (С. Гребенников,

«Всегда готовы!», 1957); *И вдруг встречаем мы ребят // И узнаем друзей ./ /То юных ленинцев отряд // Пришел на сбор в музей* (С. Михалков, «В музее В. И. Ленина», 1949); *Другой из юных ленинцев // Промолвил: — А у нас // В степи сажает сеянцы: // И дуб, и клен, и вяз* (С. Маршак, «Старше моря, выше леса»); *Ратный подвиг юных ленинцев Белоруссии — блестящая страница в славной истории пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина* (Пионеры-герои, 4).

Ю. Л. встречаются в отдельных фольклорных сюжетах. См. напр., «слух»: *Как известно, в советские времена во время чтения официальных сообщений ни в коем случае нельзя было ошибаться. Известен случай, когда был уволен диктор, перепутавший во фразе «юных ленинцев» всего одну букву. Получилось весьма забавно: «Юных лениВцев»; или «шутку», вероятно, постсоветского происхождения: *У нас был Ленин, так дети — юные ленинцы. А если на Кубе — Кастро, то дети — юные кто?**

В настоящее время выражение Ю. Л. не забыто, чему способствует то, что оно сохраняется в названиях различных учреждений и топонимах. Улицы городов Советской России стали переименовывать в улицы Ю. Л. начиная с 1922 г. В частности, 4 ноября 1922 г., в честь пятилетия Октябрьской революции, в городе Гатчина (ныне город Ленинградской обл.) Бомбардирская улица была переименована в улицу Юного Ленинца (с 1940 г. — улица Максима Горького); 21 сентября 1962 г. 2-я улица Поселка Текстильщики (г. Москва) также была переименована в улицу Юных Ленинцев. Последняя существует и поныне, на ней находятся ТСЖ «Юные Ленинцы 64–66», которое заняло I место в конкурсе «Московский дворик — 2003» в номинации «Лучший двор ведомственного жилого фонда», и известный в районе «Текстильщики» зоомагазин «Динозаврик на Юных Ленинцев».

Известны и другие атрибутивные сочетания со словом *ленинец*: *вся*

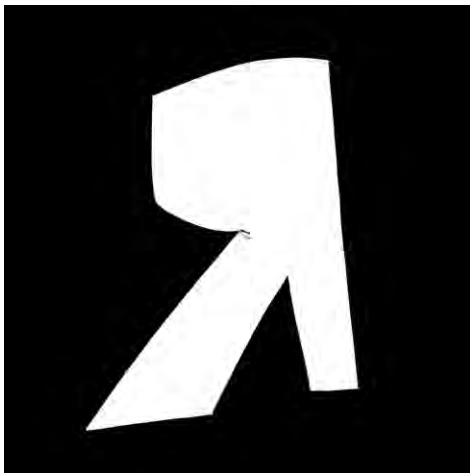
жизнь свою пламенным ленинцем быть! (С. Гребенников, «Всегда готовы!», 1957); *но всю свою сознательную жизнь активно боролся с троцкизмом как верный Ленинец* (Л. М. Каганович, «Памятные записки», 1991); *За годы существования коммуны лишь одного излишне пылкого ленинца пришлось тихо придушить его же подушкой, да нескольким смутьянам-ворчунам подбросить в дом чего-нибудь* (Андрей Лазарчук, «Там вдали, за рекой...», 1986)

Также о сочетаниях *Юный+S, m* см. КЛУБКОВ

Лит.: Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина. Документы и материалы. М., 1981; Крупская Н. К. Юный ленинец, борись с неграмотностью // Педагогические сочинения. Т. 5: М., 1959; Крупская Н. К. Буржуйские замашки вон из советской школы (Письмо пионерам) // Педагогические сочинения. Т. 5. М., 1959; Леонтьева С. Г., Лурье М. Л., Сенькина А. А. Два великих дедушки // «От... и до...». Юбилейный альманах в честь Е. В. Дущечкиной и А. Ф. Белоусова. СПб., 2006; Ломакин А. Заветы Ильича и юные ленинцы. Харьков, 1925; Пионеры-герои. Очерки. Минск, 1985; Разин И. Библиография пионерской и детской книги (1919–1925). М.; Л., 1926; Шнайдерман И. Жиденок // Иерусалимский журнал. 2007, № 24–25; Юные ленинцы. Спутник работника детских коммунистических групп. Бахмут, 1924; Юные ленинцы. Саратов, 1924; Юный пионер. Сборник лекций, читанных на первых Московских губернских курсах работников детских коммунистических групп тт. В. Зориным, М. Стремяковым, Я. Смоляровым, Л. Котенко. М., 1924.

С. Г. Л.

ЯДА ДАЙ!. См.: ТУМБА.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. То же, что ЛИНГВИСТИКА.

ЯНДЕКС. НАЙДЁТСЯ ВСЁ. Рекламный девиз поисковой системы «Яндекс», рассчитанный на массовое усвоение сообществом пользователей в качестве ментального стереотипа. Справедливость суждения Я.Н.В. подтверждается существованием другой речевой формулы — авторизованного клише П.А.Клубкова «филологический рай», обозначающего ‘возможность посредством использования поисковой системы (Яндекс, Google и т.п.) не выходя из кабинета оперативно найти любой вербальный материал’, с характерной коннотацией ‘необходимый для научного доклада, назначенного на завтра’. Иллюстрацией к формуле Я.Н.В. могут служить результаты, полученные с помощью поисковой системы Яндекс по запросу *лингвист(ы) никогда/всегда/иногда*.

1. Лингвист(ы) никогда Л. никогда не врут; Л. никогда не прощаются, потому что у нас всегда все в расцвете!; Писатели слова иногда придумывают, а Л. никогда; Л. никогда не слушают музыку в своем плеере; Л. никогда не говорят «дискурс»; Л. никогда не уточняет, на каком уровне он ведет работу;

Л. никогда полностью не забывает того, чему учился; Л. никогда не поймет философа; Л. никогда не переведет текст приемлимо; Л. никогда лишним не бывает; Пьяный проспится, Л. — никогда!

2. Лингвист(ы) всегда Л. всегда играли заметную роль; Л. всегда пропадают; Л. всегда ходят парами; Л. всегда так жутко кричат на своих конференциях; Л. всегда рады прийти на помощь химикам; Л. всегда будут востребованы; Л. всегда за официоз; Л. всегда остаются Л.; Л. всегда говорят дискурс; Л. всегда поддается воздействию массы; Л. всегда субъектен и субъективен и всегда прав; Л. всегда поставит Ё там, где нужно, и ударение не преминет отметить; Л. всегда под боком; Л. всегда нужен армии; Л. всегда интересны сами по себе.

3. Лингвист(ы) иногда Л. иногда на санскрите разговаривают; Л. иногда допускают глупейшие ошибки; Л. иногда — что дети; Л. иногда ошибаются; Л. иногда изрекают фразы, от которых волосы дыбом; Л. иногда непонятно для всех выражаются; Иногда Л. имеют право говорить неправильно; Л. иногда мухлюют.

Лит.: Поисковая система Яндекс: [веб-сайт] <<http://yandex.ru>>.

А. В. Т.

ЯПОНСКИЙ ГОРОДОВОЙ. 1. Словарная статья данного энциклопедического издания, крайне необходимая вследствие общей немногочисленности статей на букву «Я».

2. Конспирологический казус российской истории (см., напр.: Дугин), коварно трансформированный Всемирной Закулисой (ВЗ) в лексическую единицу русского языка. Впервые в мире раскрывается в первоначальном значении данной словарной статьей на основе материалов личных архивов (далее МЛА-МЛА-МЛА, сокр. МЛА).

Подлинная история Я.Г. В Древней Руси не было Я.Г. «вследствие нехватки городов и контактов с Японией» (Н.М. Карамзин, из неопубл.). Реалии Страны Восходящего Солнца (далее сокр.

Стравосол) присутствовали лишь косвенно и мелкофасованно в некоторых блюдах Национальной Русской Кухни (сокр. Нацпиреку) с *травосольными* приношениями, которые на Руси издавна *сушили* (см.: Похлебкин, 1995; Он же, 1990). Впервые Я. Г. были предложены Петру I боярами в замену поселенцам Немецкой слободы, «поелику немчура вражина, нехристь, да в соседстве сидит сухопутно, япошка же свой ордынец, да за морем далек, да узкоглаз, да кривоног, да щекою лыс, да пока доедет, да и доедет ли». Петр I отреагировал с присущей ему государственною свирепостью мудростью, объявив: «Так и будьте же аки япошки сами, а брады вам повылушу, а глаза подобью, а длинных покорочу, а прямоногом пошибаю!» (МЛЯ), после чего бояре согласились на «немчуру». Тем не менее, тайная боярская оппозиция сохранилась, выразившись в т.н. Другом (Второтайном) Расколе (Д(В)Р). Причиной Д(В)Р послужил нелегальный приход на русскую землю японского дзэн-буддистского миссионера Етиры Фрицарусаки, выдававшего себя, по местной традиции, за Петра III, Царя Русского (но плохо это выговаривавшего). К преданнейшим последователям энсэя относился боярский сын Федор Кузьмич Голощек (в яп. trad. Тидэкузи Холосяку), ставший признанным мастером церемонии подогрева водки до состояния сакэ (см.: Похлебкин, 2007). Он возглавил общину японствующих в Ростове Невеликом Сибирского уезда, за что подвергся не слишком обоснованным репрессиям, в частности, был четвертован. Город же Екатерина II повелела снести, заявив, де «хватит нам двух Ростовов, да семейства Ростовых, а четвертому не бывать» (МЛЯ). После этого *История Дзэна на Руси* была окончательно законспирирована в виде криптоупоминаний «и др.» в самых разнообразных текстах. Ситуация исправилась только в период правления Александра II Освободителя, тайно верившего в реинкарнацию — России в ДЕРЕВО (ДЕРЖаву Европейскую Велико-Отдельную), а себя самого — в старца Федора Кузьмича (Голощека), и учившего, что «всяк крестьянин свободно себя во дворянстве увидеть волен, да смиренно не должен» (МЛЯ).

Все это время до Российской Империи долетало лишь запоздалое эхо событий, случавшихся в Японии. Тем не менее, секретные Поместные соборы боярства не раз поднимали вопрос об установлении тайных дружественных сношений с Японией. Только после Тихой Ночи Длинных Телеграмм, когда все боярство было насильственным образом обращено во дворянство, от этого плана пришлось отказаться.

Реальные возможности продвижения Я. Г. в Россию возникли в правление Николая II Не Кровавого (далее Ника II). Россия никогда не сможет забыть подвижничество тогдашних птенцов гнезда царева, и прежде всего князя Ювана Юваньевича Ухмырского, тайного советника, выдающегося академика-харизматика, друга К. Э. Циолковского, Н. М. Пржевальского и мн. др. представителей славных русских фамилий с тем же окончанием. Князь Ухмырский родился в передовой старообрядческой семье крещеных тунгусов от приемных матери и отца (генеалогических Юриковичей) из высшего петербургского света. С молоком степной кобылицы он впитал великую лущинскую строку, посвященную его народу, что надолго определило как минимум 6 из 14 политических линий, которых ему довелось придерживаться за долгую и непростую государственную карьеру. Будучи близок к Нике II со младенчества и ведя для него уроки географии, этнографии, каллиграфии и слова Божьего (культурологии), князь воспринял это поприще как высокую миссию, и не ошибся. Вняв его рассказам о порядочности, верности долгу и сообразительности японских подданных, в особенности полицейских, государь еще цесаревичем «проникся Япониею пуще Турции» (МЛЯ).

Вскоре желание Ники (будущ. II) лично побывать в Стравосол осуществилось. При этом строго засекреченный всемирный круиз наследника был вынужденно рассекречен в его восточной части (1890–1891 гг.) из-за огласки, вызванной инцидентом в Японии. При следовании Ники через город *Оцу* японский полицейский *Цуда* Сандзо нанес Цесаревичу (далее *Ц-у*) удар саблей по голове, что, очевидно, явилось результатом вре-

менной растрасцендентализации сцепления Инь-Ян вследствие слишком близкого схождения нескольких буквосочетаний «цу» (см., напр.: Пюпас). Однако здоровью Ц-а не только не был нанесен ущерб, но даже доставлена польза: «сабля, которой японский коп ударил Николая II, была тупой, такие сабли употреблялись вместо полицейских дубинок; в своем дневнике Николай II замечал, что удар саблей вылечил его от мигрени»; ср.: «его [Цуды] предки служили князьям Ига в качестве врачей» (Очкастая). Кроме того, пролив каплю-другую монаршей крови, японец сохранил для потомков ценнейший генетический материал (об использовании окровавленной монаршей рубашки для различных экспертиз см., напр.: Соколов).

На тайной уединенности Цуда раскрыл Нике (II) сакральный смысл происшествия. Будучи пламенным иноверным патриотом России, случайно вовлеченным в заговор против нее, Цуда желал предотвратить Братоубийство Русско-Японское (БУРЯ) 1904–1905 гг., и прежде всего Цусимское сражение, тайный план которого уже был составлен отщепенной частью недосамурайства совместно с англичанами-б-жыдами. Однако требования самурайской чести и принципы наличного достоинства, популярные у японцев до сих пор, потребовали от Цуды передачи информации несколько экзотическим способом и с летальным для себя исходом. Раскрыв Ц-у глаза и благородно отказавшись быть благодарно приближенным к Е. И. В. двору, Цуда тепло попрощался с Никой II и тут же сделал себе хакари прямо ему на ковер. Ц-ч высоко оценил тайную преданность японца и молвил, обращаясь к князю Ухмырскому: «Ах, советник, если бы я имел хотя бы один отряд таких городских!» (МЛА).

После возвращения из Японии и коронации Ники II были предприняты соответствующие дипломатические меры, встретившие внутреннее противодействие. Линии на сближение с Японией противостояла камарилья тайного царедворца, придворного тибет-лекаря и лейб-шамана Е. И. В. Совы Совича Бурдомаева, принадлежавшего к иной, чем Ухмырский, русско-азиатской народности,

не упомянутой А. С. Пушкиным, затаившего посему небуддийскую зависть и проводившего из противоречия то китайское, то корейское влияние. Бурдомаев предлагал вместо Я. Г. завести конных хунхузов (кит. «краснобородые»), чем оскорбил казначество, но зато получил поддержку торговцев хной. Тем не менее, в Японию с секретной миссией был направлен обер-полицмейстер Урянхайского края, тайный почитатель джиу-джицу (рус. варианта дзюдоцу), член-кавалер Ламаистского Ордена Иноков-Гуанаков и негласный отец одного из первых президентов будущей Танну-Тувинской Народной Республики, Эразм Роттердамович Бандурин (прототип Э. Фандорина из романов Б. Акунина). Бандурин должен был изучить на месте работу Я. Г. и отобрать претендентов для службы Государству Российскому.

К 1902 г. первый отряд добровольцев из младших линий самурайских кланов *Ничевото* и *Нифигато* прибыл в Санкт-Петербург и приступил к выполнению обязанностей Я. Г. Для охранения русского народа от потрясений, «могущих быть вызванными непривычным инородным обликом новых порядкоблудителей Наших» (МЛА), был привлечен опыт гримеров Е. И. В. Императорских театров, а заслуженному изобретателю-рационализатору А. С. Попову был госзаказан проект ранцевых грамофонов для безакцентного общения Я. Г. с населением. После этого порядок в столице начал стремительно устанавливаться. Особая заслуга в этом Я. Г. была общепризнана и получила соответствующее отражение в русской литературе. Ср., напр.: — *Слушайте, Марципанов, у входа в нумер, где столь садически убита купчиха, необходимо поставить городского. Иначе пропадут все улочки. Понимаю, что наши с их вечной расслабленностью ненадежны. Поэтому я решил поставить японского* (Александр Хорт).

К сожалению, дальнейшему осуществлению планов князя Ухмырского и Ники II помешало БУРЯ 1904–1905 гг., закончившееся лишь в августе 1945 г. полной победой РВС (Российского Воинства Святого; слуш. нар. песни: «На сопках Маньчжурии»; «Через Гоби и Хинган, /

Через спящий гаюлян...», муз. О. Газманова). Воспользовавшись бессознательным патриотическим угаром части населения, а также всеобщим недовольством прописками англичан, евреев-революционеров, безобразовцы, небогатовцы и проч., жадно заинтересованные рубить концессионный лес на реке Ялу, невзирая на летящие от народа щепки, довели-таки дело до Цусимы. Судьба Я. Г. оказалась драматичной. Отправленные, на всякий случай, подальше от столицы, в Царское Село, они, из-за неразберихи на железных дорогах, а отчасти и по злему умыслу дурократии, оказались на линии фронта действующих войск в Маньчжурии. Небольшому сводному отряду петербургских Я. Г. во главе с капитаном Ивановой, не имевшему при себе ни артиллерийских орудий, ни снарядов к ним, противостояла отборная гвардейская дивизия под командованием генерала Хамакады, на вооружении которой насчитывался в том числе и один трофейный крейсер (правда, в Чемульпо). В ходе переговоров, которые из обоюдного уважения были проведены на русском языке, обоим сторонам открылась вся трагичность ситуации. Единственным возможным с точки зрения бусидо выходом было хакари всех присутствующих, что тут же и воспоследовало. Т.о., оставшись верными сразу обоим Царям и Отечества, петербургские Я. Г. покрыли себя неувядаемой славой, нанеся противнику урон, в 19 раз превышающий собственные потери.

История замалчивания Подлинной истории Я. Г. «Демократические» преобразования в российском государстве после БУРЯ 1904–1905 гг. и отдача Японии половины «Каторжного острова» Сахалина, резко сократившая территорию традиционных мест ссылки, стали прологом к целенаправленной тайной кампании по стиранию из Памяти Исторической Народной Коллективно Осмысленных Данных (ПИНКОД) об участии Я. Г. в российской истории. Для дискредитации данного сегмента ПИНКОД ВЗ сознательно задействовала механизмы коллективного бессознательного. Насчитывается 4 уровня дискредитации (УД) ПИНКОД.

1. *Энциклопедический* наиболее массово опасный в силу своей всеохватности

и русской народной склонности доверять энциклопедическому знанию. Представлен статьей «Японский городской» в Википедии, задающей тон в том, что касается самой парадигмы оболгания, одновременно отказывая Я. Г. во множественном числе и обезличивая их до простого слова. Эта статья стремится представить Я. Г. как виртуальный фантом, выдуманный якобы реальными лицами. Так, называется некий Николай Лейкин (1841–1906), автор будто бы рассказа «Случай в Киото» (1905), который под видом «сатиры на японские порядки» карикатурно описал в образе японского полицейского русского городского, нанеся страшный моральный вред обоим благородно воюющим сторонам. Русская цензура запретила рассказ «по резкости преувеличения вреда», тогда как декаденты ухватились за него для нападки на самих цензоров. Напр., Л. Андреев в письме Антониной (1916) восклицал: *Что за пародия на человека, этот Н! Этот унтер Пришибеев наших дней, этот японский городской* (цит. по «Википедии»).

Стихийное противодействие русского народа бесчеловечному википедическому проекту выражается в упоминании подвига Цуды Сандзо в связи с лингвистическими интерпретациями Я. Г. (см., напр.: Восточный портал). Даже в Википедии пришлось упомянуть об «инциденте в Оцу», исказив его и скрыв имя героя: «Путешествие носило развлекательный характер, цесаревич и его приятели веселились, как только могли. Их буйное веселье, нарушавшее восточные традиции, не слишком нравилось местным жителям, и, наконец, в японском городке Оцу местный полицейский, возмущенный бестактностью европейцев, бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Сабля была в ножнах, так что Николай отделался легким испугом. Событие это имело значительный резонанс в России. Японский городской, вместо того, чтобы обеспечивать безопасность людей, бросается на человека с саблей только за то, что тот слишком громко смеется! Удивительные городские в Японии!». В то же время, от этой статьи отходят веб-метастазы к различным провокационным-псевдоэнциклопедическим статьям,

умалчивающим о каком-либо историческом контексте в связи с Я.Г. Ср. напр.: *Японский городской: замена ругательств <...> эмоциональное восклицание, исходящее из уст раздасадаванного* [орфография оригинала] человека (R. R.).

2. *Автолюбительский УД*, связанный с ничем не объяснимым названием Я.Г. импортной японской легковой машины «Nissan Tiida» — наиболее коварный, ибо учитывает особое место автомобиля в жизни русского человека (не роскошь, а средство ездить), и одновременно самый нагло-обидный, ибо утрирует и де-самобытнизирует саму японскую культуру. Ср.: «На Окинаве словом „tiida“ называют „рассвет нового дня“. На других японских диалектах так обозначают и „солнце“, и „вечно изменчивый прилив“. А в России так называют только новый гольф-класс Nissan с профилем Peugeot и „лицом“ — Renault» (Nissan Tiida: японский городской). При этом, дабы окончательно дезориентировать русского человека, ВЗ подталкивает его называть Я.Г. одновременно несколько разных марок машин, что приводит к невообразимой путанице и желанию отказаться от самого понятия Я.Г.. Ср.: Lexus LX570: японский городской; Honda Civic: японский городской и т.д.

3. *Кинематографический УД* — еще более наглый, чем предыдущий, но оттого же и менее опасный в силу своей очевидности. Исходит от ВЗ напрямую, через Голливуд, пытаясь выдать за Я.Г. американских копов и др. американцев в исполнении голливудских актеров, что даже внешне выглядит абсурдно. Ср. х/ф «Японский городской» (1994, реж. Джеффри Ливай), где в ролях нет ни одного японца (об общей злобности американцев в данном контексте см.: Осминская).

4. *Рестораторский УД*, основанный на ассоциировании Я.Г. с низменным плотским желанием модно поесть и на количественной затере слов Я.Г. среди множества псевдояпонских названий квазияпонских недоресторанов типа «Якитория», «Суши весла», «Минадо», «Япона-мама», «Китовасия», «СУ-ШИ.RU», «Изуми», «Такэ-Сакэ», «Русские суши», «Банзай-налетай», «Поса-

кури кальян» и т.п. (см., напр. список ресторанов на сайте restoran.al-ko.ru). Даже сами хозяева этого сомнительного бизнеса вынуждены признать, что «настоящие японские рестораны ничего не имеют общего с <...> лубочными представлениями о „типичном суши-баре“» (Японский городской: Специализированные японские рестораны). При этом, преследуя свою тайную цель, хозяева подобных заведений не останавливаются и перед нанесением финансового вреда самим себе, ср. разоблачительный комментарий посетителя о месторасположении суши-бара «Японский городской» в пригороде Владивостока: «Виден только соседям» (Суши-бар). Так, московский ресторан «Японский городской», не ограничиваясь созданием некомфортных условий для русского человека-автомобилиста, лицемерно-издевательски заявленных в интернет-рекламе («Одежда: Без ограничений. Вход: Свободный. Стоянка: Отсутствует»), придает этой рекламе двусмысленно-угрожающий тон: «Японский городской» бдит круглосуточно. Притаившись в подворотне за устрашающего вида металлической дверью с шипами, он неукоснительно оберегает пищеварение столичных яппи (Афиша). Ср. и др. образцы продуманно некорректной рекламы, напр.: *Японский городской — в зеленый чай с головой!* (Японский чай).

На этом фоне выделяются отдельные попытки вернуть Я.Г. его историческую правду. Так, Я.Г., очень похожий внешне на капитана Иванаву (см. выше), изображен на обложке учебной книги О.В. Дьяконова «Японский — это не страшно. Советы японского городского» (2007) (ср.: надежды всей прогрессивной русско-японской общественности на поражение тайных врагов России и Японии, пытающихся представить все японское «страшным»). Происки ВЗ не смогли замутить русского народного взора (особенно изнутри Японии) на то, чего она ухитрилась лишить российскую историю. Ср.: «Японские полицейские — эталон и несбыточная (пока..?) мечта для любого законопослушного российского гражданина. Они совершенно не бросаются в глаза, но всегда присутствуют. Они все-

гда ответят и помогут. Они доброжелательны и вежливы, — даже к нарушителям. Недавний случай: моя дочь возвращалась на велосипеде из школы...» и т.д. (Фесюн). Кроме того, даже у себя в Японии Я.Г. деликатно, но стойко защищают русскую культуру от себя самой. Так, во время попытки группы «Тату» в 2003 г. внедриться со своим «музыкальным» проектом в токийские районы Акинабара и Гиндза, властями было официально заявлено, что «японская полиция готова арестовать всех участников акции, если они попытаются без разрешения провести съемки своего клипа на улицах японской столицы» (т.А.Т.у.: Японский городской!). Ср., наоборот, песню современной группы «Иван Царевич» «Японский Городовой» (2005). Не случайно лучшие представители русского искусствования награждают почетным титулом Я.Г. выдающихся деятелей японских художеств (см., напр., статью об архитекторе Арате Исодзак: Тарханов А. Японский городской), а истинные авторы русской поэзии и ныне, как и прежде, относятся к простому Я.Г., с его повседневными нуждами и заботами, с большим человеческим сочувствием, ср.: *Дырку на рукаве обнаружив, // Задумался... // Японский городской.* (Копьев).

Лит.: Александр Хорт (Борис Акунин). Японский городской // Литературная газета. 2003, № 38; Афиша: [Реклама ресторана «Японский городской» в Москве (6.01.2009)] // KM.RU: [web-сайт] <<http://afisha.km.ru/>>; Восточный портал: Форум. Японский городской: [web-сайт] <<http://oriental.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl?board=japan;action=display;num=1094024737>>; Дугин А.Г. Конспирология. М., 1992; Дьяконов О.В. Японский — это не страшно. Советы японского городского. М., 2007; Копьев Д. Японский городской. Лирика. <<http://quod-scripsi.narod.ru/Nippon.html>>; Осминская Н. Японский городской и американские стандарты: Культурология как оружие массового поражения // Независимая газета. 2004, 8 июл; Очкастая Николай II и японский городской: [комментарий к теме «Японский городской»] // Google: Вопросы и ответы: [web-сайт] <<http://otvety.google.ru>>;

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России, СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. М., 1995; Похлебкин В.В. История водки. М., 2007; Похлебкин В.В. Национальные кухни народов мира. М., 1990; Пюпас М. Занимательная локусология, или Гадание дамам по домам: К 300-летию Дома Романовых. СПб., 1913; Соколов А. Японский городской // Петербургский дневник. 2008, № 31; Санитар Леса т.А.Т.у.: Японский городской! (26.06.2003) // Звуки.Ру: [web-сайт] <<http://www.zvuki.ru/R/P/9777>>; Суши-бар «Японский городской»: [комментарий от 13.09.2008] // MirTesen.ru: [web-сайт] <<http://mirtesen.ru/places/110822766783>>; Тарханов А. Японский городской (AD, 2004) // Архитектурная периодика: [web-сайт] <http://www.archi.ru/press/tarkhanov/ad_2004_05.htm>; Фесюн А. [Запись в блоге Андрея Фесюна «Японские городские» от 26.03.2008] // Livejournal: [web-сайт] <<http://andrei-fesyun.livejournal.com/3201.html>>; Японский городской: Специализированные японские рестораны и суши бары Москвы // osushi.ru: [web-сайт] <<http://menu.osushi.ru/sushi/id/1133>>; Японский чай // TEA.ru: [web-сайт] <<http://www.tea.ru/216-1403.html>>; Honda Civic: японский городской: [реклама] // aVtomarket.ru (тест-драйв): [web-сайт] <<http://www.avtomarket.ru/library/testdrives/?id=3943&class=1>>; Lexus LX570: японский городской: [реклама] // Журнал «Автомир»: [web-сайт] <<http://www.avtomir.com/cars/firstacquaintance/3654/>>; Nissan Tiida: японский городской: [реклама] // AutoRacer.ru: [web-сайт] <http://www.autoracer.ru/test/test_69.html>; R. R. Японский городской // Народный словарь современного русского языка <<http://www.slovoborg.ru>>;

И. О. Е.

ЯШЬ ЛЕНИНЧЫ (татар.). См.: ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ.

Словник

Азиопа
Александр Белов — два очка!
Альбом
Байкальский омуль
Болото
Взять накрест
Вор должен сидеть в тюрьме
Герой XVIII
Грант
Грантодатель
Диктант по русскому языку
Девушка из интеллигентной бюджет-
ной семьи
Дочь бедных, но благородных родителей
Дон
Дубай
Ер / ять
Если бы / А если б он вёз патроны?
Ёлка советская
Ёшка
Жанлис
Жаш ленинчи
Забор
Заявка
Имянаречение советское идеологическое
Исполнитель проекта
Йошкар-Ола
Как повяжешь галстук
Керченские пузанки
Клубков
Книга для чтения
Кондинский карась
Лабуда
Лапти
Лингвистика
Личная подпись
Ляля
Маленький двойной без сахара
Места
Метафора
Метонимия

Москвы уголок
Мужество
Музей-усадьба
Новая буква алфавита
Норчи ленинели
Одесский бычок
Одна баба сказала
Отчет
Охотничья колыбельная песня
Пара
Памятник
Попандопуло
Пора по бабам!
Походу
Радиосарафан
Родная речь
Родной язык
Руководитель проекта
Русска рома
Рыбачья колыбельная песня
Сарафанное радио
Сосьвинская селёдка
Столб
Тамтам
Тара
Татарам даром дам
Тумба
Тынэрул ленинист
Уроки родного языка
Учись, пока я жив!
Ферматист
Ферматист в законе
Хэладытка рома
Царевококшайск
Цыганство
Чукча
Широкая, привольная / раздольная
Школьный скелет
Шуба
Щ
Ъ / Ъ

Ы

Ь

Ъ / Ъ

Ц

Экскурсовод усадебный

Экземплификатив

Юные ленинки

Юные ленинцы

*Яда дай!**Языкознание*

Яндекс. Найдется всё.

Японский городской

Яшъ ленинчы

Содержание

О человеке и словаре (от редколлегии)	3
Авторы	8
Сокращения	9
Словарные статьи: А — Я	10
Словник	165

Энциклопедический словарь

Коллектив авторов:

О. А. Абраменко, А. С. Архипова, Я. Э. Ахапкина, М. В. Ахметова, А. К. Байбурин,
В. В. Баранова, А. С. Башарин, А. Ф. Белоусов, Н. Б. Вахтин, А. Ю. Веселова,
В. В. Головин, Ю. В. Доманский, Е. В. Душечкина, И. О. Ермаченко,
Ю. В. Кагарлицкий, М. В. Калашникова, Е. В. Кулешов, С. Г. Леонтьева, А. А. Литягин,
Б. Б. Лурье, В. Ф. Лурье, М. Л. Лурье, Е. В. Маркасова, К. А. Маслинский,
А. П. Минаева, О. Р. Николаев, Д. К. Равинский, А. И. Рыко, А. А. Сенькина,
И. А. Сергиенко, М. В. Строганов, А. В. Троицкий

**Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: К 60-летию
Павла Анатольевича Клубкова**

Редакторы: А. Ю. Веселова, М. Л. Лурье
Корректоры: С. Г. Леонтьева, Е. В. Маркасова
Редактор bibliогpaфии: А. А. Сенькина
Художник: А. Дашевский
Оригинал-макет: К. А. Маслинский

Подписано в печать 22.04.09. Формат 70×100/16.
Гарнитура Computer Modern. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ